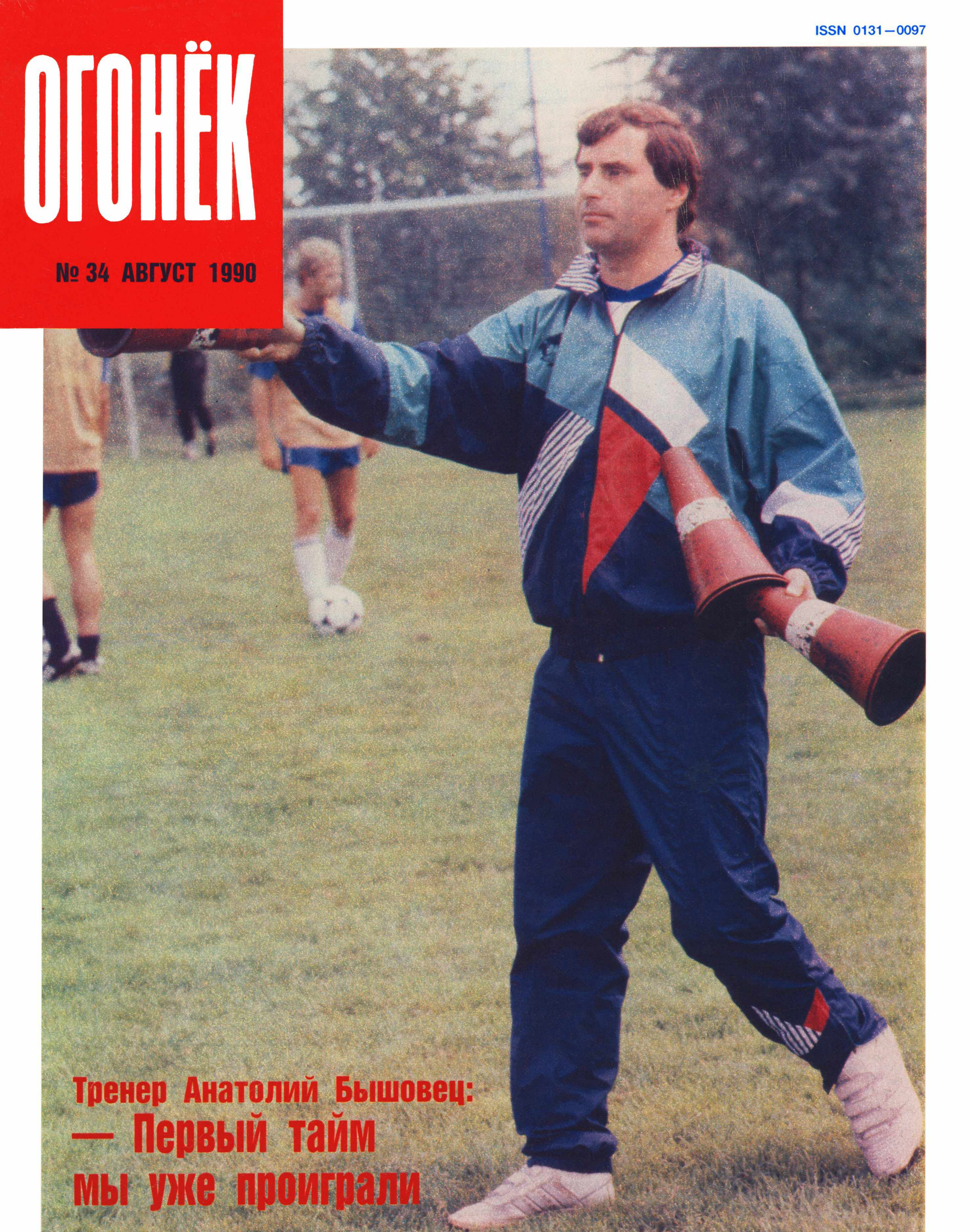
ISSN 0131—0097

ОГОНЁК

№ 34 АВГУСТ 1990



ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ОГОНЁК

Учрежден 1 апреля 1923 года

№ 34 (3292)

ИЗДАТЕЛЬ — ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КПСС «ПРАВДА»

18 — 25 августа

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:

Анатолий Бышовец на тренировке. (См. в номере материал «Футбол на фоне перемен».)

Фото Эдуарда ЭТТИНГЕРА

Оформление В. В. ВАНТРУСОВА при участии Г. Н. СИДОРОВОЙ

ПОДПИСКА НА «ОГОНЕК» ПРИНИМАЕТСЯ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ВО ВСЕХ ОТДЕЛЕНИЯХ СВЯЗИ ДО ПЕРВОГО ЧИСЛА ПРЕДПОДПИСНОГО МЕСЯЦА.
Цена подписки на год — 20 руб. 76 коп., на полгода — 10 руб. 38 коп., на квартал — 5 руб. 19 коп.

УСЛОВИЯ КОММЕРЧЕСКОГО ПРОКАТА, ПОДПИСКИ И ПРИОБРЕТЕНИЯ ВЫПУСКОВ «ОГОНЕК-ВИДЕО» ПО ТЕЛЕФОНУ 212-15-79.

Сдано в набор 30.07.90. Подписано к печати 14.08.90. Формат 70×108⅛. Бумага для глубокой печати. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,00. Усл. кр.-отт. 17,50. Уч.-изд. л. 12,05. Тираж 4 600 000 экз. Заказ № 2597. Цена 40 копеек.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

Телефоны редакции: Для справок: 212-22-69; Отделы: Публицистики — 250-46-90; Внутренней политики и оперативного анализа — 212-15-39; Литературы — 212-63-69 и искусства — 212-22-19; Морали и писем — 212-22-69; Фото — 212-20-19; Литературных приложений — 212-22-13, 251-90-55.

Телефакс (095) 943-00-70
Телетайп 112349 «Огонек»

Рукописи объемом более двух авторских листов не рассматриваются.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

ЦЕНА СЛОВА

Верные наши читатели!

Уважаемое государство, дорогой парламент, почтеннейшее правительство!

Мы очень рады, что для «Огонька» начались дни законного развития — под защитой Закона о печати. Мы счастливы, что завершились годы конституционной диктатуры Коммунистической партии. Мы в ужасе от того, что начинается диктатура ее бухгалтерии.

Поражает решительность, с которой подразделения ЦК КПСС готовы прибрать к рукам ряд изданий, включая наше, только чтобы оставить их прибыли у себя. О равноправных отношениях на основании договоров и законов при этом говорится меньше всего. Нам уже начали угрожать тем, что не будут печатать вообще, нам уже откровенно пытаются завысить подписную цену, желая снова сделать бизнес на «Огоньке» — журнале, и без того в течение многих лет складывавшем все заработанное в бездонный партийный карман.

Мы уже тысячу раз оплатили и свое помещение, и все, с ним связанное, но готовы снова арендовать старые стулья с пишущими машинками и все остальное. Если наш маленький коллектив должен продолжать зарабатывать на выставочные карнавалы газеты «Правда» (попробовали бы мы заикнуться о подобном транжирстве!) и на содержание в ней штата в полтысячи человек — быть посему. Если есть государственная необходимость печатать на комбинате «Правда» рекламные буклеты под названиями «Советский Союз» и «Советская женщина» — пожалуйста, печатайте, используя для этого лучшую бумагу и дефицитное оборудование. Но почему платить за все это должны наши читатели? Почему только что упомянутые издания зарубежные подписчики получают чаще всего задаром, а читатели «Огонька» в новом году должны будут выкладывать по полсотни за годовую подписку?

Что, у политуправленцев брать страшно? Страшно сократить двухэтажный полозковский партсъезд? На что еще прикажете заработать? За что еще с нас возьмете?

Ситуация в стране сложилась такая, что результаты труда одних предложено пожинать совсем другим людям. Горожане собирают помидоры на необъятных и ничейных полях, почтовики согласны получать свои зарплаты, но доставлять газеты и журналы за эти деньги они не желают. Такое ощущение, что завтра в магазинах будут продавать

пластиковые пакеты для молока вместе с адресом коровы, у которой это молоко следует надоить.

А мы-то готовы делать свое дело и хотим, чтобы другие тоже свое делали. И сфера приложений наших усилий — народный журнал, а не щель в бездонной партийной копилке.

Только что завершились спортивные Игры доброй воли в Сиэтле. Организаторы Игр сообщили, что понесли убыток в несколько десятков миллионов долларов, но идея дружбы и мира им дороже денег! Советский Союз мужественно обещает, что следующие Игры состоятся через четыре года, даже если будут снова убыточны... Почему же у нас с вами, товарищи партуправленцы, не получается игр доброй воли? Почему, привыкнув к незаработанным сверхприбылям, вы тянетесь к ним снова? И без того ведь КПСС — самая богатая партия на планете. А что толку? Не мешайте нам делать народный журнал, не отрезайте от нас миллионы демократических читателей, которые, в отличие от вас, не могут швырять деньги на ветер!

Сведение счетов с гласностью вовсе не пресечет ее, а переведет в новые измерения — в тьму-тьмущую неофициальных листков, в удалые голоса из-за кордона, в торжественную консервативность продукции Гостелерадио, в «Правду», на которую снова в организованном порядке начнут подписывать и славян, и эскимосов, и гордых детей среднеазиатских пустынь...

Мы так были счастливы, узнав, что для «Огонька» закупаются новые печатные линии. Мы оплачивали их десятками лет и десятками заработанных миллионов, но готовы, отчисляя деньги из своих прибылей, платить и платить.

Но мы хотим платить по закону, потому что это ваши деньги, дорогие читатели, и нам не безразлично, куда уходят они.

ВСЕ РЕШАЕТ НАЧАЛЬСТВО?

Заявление о регистрации нашего журнала было опубликовано в № 30. Составлено оно в строгом соответствии с Законом СССР «О печати и других средствах массовой информации» и на собрании трудового коллектива 16 июля 1990 года принято единогласно. Мы обещали читателям рассказывать о всех событиях, связанных с прохождением наших документов по официальным инстанциям.

Коллективом мне было поручено отвезти заявление в Госкомпечать СССР. На вопрос, когда, в какие сроки и кто будет решать наши дела, прозвучал до боли знакомый ответ: «Ничего сказать вам не можем. Все решает начальство...»

Чтобы читателям было в дальнейшем понятно, объясню, что же такое регистрация. Это необычайно простое дело. Нужно только посмотреть, соответствует ли заявление новому Закону «О печати...», если да, то взять установленный Совмином регистрационный сбор (для журналов — это 2 тысячи рублей) и после этого выдать регистрационное удостоверение, на основании которого средство массовой информации становится «финансовым» и «юридическим» лицом. Уверяю вас — дело пустячное, десятиминутное. Но не для начальства!

...На седьмой день дозваниваюсь наконец до заместителя Управления газетной и журнальной периодикой товарища Колышева Владимира Ивановича. Разговор предельно доброжелательный: «Нет. Ваш журнал еще не зарегистрирован. Всему виной Минфин СССР. Именно ему поручено Совмином открыть счет, на который должен поступать регистрационный сбор... Вы не беспокойтесь, я вам сам позвоню. Думаю, это дело недели, в крайнем случае — двух. Все будет в порядке...»

И тут у меня, несмотря на убаюкивающий тон собеседника, скажу честно, зародились сомнения: если Минфин не может сделать элементарную вещь — открыть счет, не заговор ли это?

Ставлю себя на место чиновника, начальника, всеми фибрами своей души ненавидящего перестройку, гласность, свободную печать, новые законы. Что бы я сделал? Определил бы сроки регистрации средств массовой информации максимально приближенными к подписной кампании. Поручил бы заниматься регистрацией нескольким ведомствам. Пока они будут согласовывать свои действия, совещаться, заседать, выносить решения и постановления, пройдет уйма времени. Создал бы разные условия для каждой газеты и журнала, столкнул бы интересы печатного органа и учредителя, учредителя и издателя, издателя и распространителя. Пока они будут выяснять свои отношения, опять-таки выиграю время.

Для чего? Для того, чтобы наступило 1 сентября и читатели гурьбой пошли на почту. Ему, читателю, невдомек, кому он платит за подписку. А денежки тем временем будут поступать отнюдь не на счета любимых им газет и журналов (их просто еще не откроют), а мне — начальнику. Еще один год печать будет бесправна. Но в этот год управлять ею я буду не административно-идеологическими методами, а использую экономические рычаги. Денежки-то читателей будут в моих руках...

Судя по действиям правительства и ведомств, можно предположить, что именно такая стратегия ими выбрана. Причем предчувствия мои начинают подтверждаться.

На днях, например, узнаю, что издательству «Правда», выпускающему «Огонек», спущено из

Государство печатает так много денежных знаков, что у него не осталось бумаги на газеты и журналы. Иногда пытаемся объяснить происходящее этим парадоксом, но, чувствуется, и он не исчерпывает всего. Нам очень не хочется, чтобы наш с вами с таким трудом созданный «Огонек» был раздавлен хищными колесами пробуксовывающей машины. Неужели бюрократия думает, что дело в одних нас? Неужели, если нас прикрыть, появятся настоящая колбаса и всамделишная свобода?

Мы все посчитали — и цены, и прибыли, и свое право на независимость. Сегодня идут в ход другие расчеты. Нам выкручивают руки, показывая, что и мы с вами, дорогие читатели, и закон бессильны перед администрацией. Народная мечта бессмертна, но антинародный аппарат может оказаться еще бессмертнее. Обидно.

ВАШ «ОГОНЕК»

Управделами ЦК КПСС распоряжение, что подписная стоимость нашего журнала будет в 1991 году 51 рубль за год.

Группа экономистов, работающая при «Огоньке» не один месяц, произвела расчет, учла повышение расценок на полиграфические услуги, бумагу, распространение и пришла к выводу: подписка вполне бы могла не превышать 40 рублей и только для розничной продажи цена номера была бы 1 рубль. (Такая дифференциация действует во всем цивилизованном мире. Чем больше читатель дает изданию в кредит, тем больше скидка.)

Что же касается ЦК КПСС, то мне, по правде говоря, непонятно, почему эта уважаемая организация решает финансовые дела журнала, никакого отношения к нему не имея. «Огонек» и раньше-то никогда не был органом ЦК КПСС, но десятилетиями пополнял партийную кассу своими доходами (в последние годы эти доходы исчислялись десятками миллионов рублей!). Тем более сейчас, когда журнал готов стать народным, социалистическим предприятием, когда он объявил о своей независимости от любых политических партий, массовых движений, общественных объединений, частных лиц и организаций.

Не знаю почему, но оба эти факта — успокаивающий разговор с представителем Госкомпечати и «опека» ЦК КПСС — соединились для меня в одно целое, и мне стало тревожно не только за судьбу «Огонька», но за всю нашу печать. Неужели нас опять обведут они вокруг пальца? Неужели начальство и здесь, в обход Закона СССР, накинет удавку на гласность?

А может, я ошибаюсь? Может, завтра зазвонит телефон и милейший Владимир Иванович скажет: «Приходите. Все в порядке»?

Владимир ВИГИЛЯНСКИЙ,
председатель совета трудового коллектива журнала «Огонек».

P. S. Перед самой сдачей этой заметки в набор стало известно: во-первых, ответработники Управделами ЦК КПСС и представители руководства редакции пришли к компромиссному варианту. Подписная цена «Огонька» на год — 46 руб. 80 коп. Цена одного номера при продаже в розницу — 1 рубль. Во-вторых (главная новость!), из Госкомпечати СССР сообщили, что через две недели после начала регистрации обнаружился новый учредитель «Огонька» — издательство ЦК КПСС «Правда». Вот так, за спиной тех, кто добился за четыре года увеличения подписки с 400 тыс. до 4 млн. 500 тыс., кто заработал всенародное признание журнала, начальники пытаются (в который уж раз) воспользоваться чужими достижениями, чужими деньгами. Вот и не верь дурным предчувствиям...

СПРАВКА ЮРИСТА

В соответствии со статьей 7 Закона СССР «О печати и других средствах массовой информации» право на учреждение средства массовой информации принадлежит Советам народных депутатов и другим государственным органам, политическим партиям, общественным организациям, массовым движениям, творческим союзам, кооперативным, религиозным, иным объединениям граждан, созданным в соответствии с Законом, трудовым коллективам, а также совершеннолетним гражданам СССР. Следовательно, трудовой коллектив редакции журнала «Огонек» может выступить учредителем последнего.

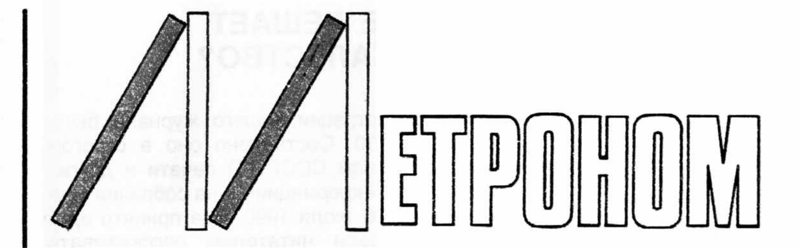
Что же касается сомнений, связанных с тем обстоятельством, что журнал «Огонек» существует уже очень давно и поэтому на него, так же как и на другие подобные издания, указанное право-де не может распространяться, поскольку они якобы имеют учредителей, то здесь нужно со всей определенностью заявить следующее:

во-первых, понятие «учредитель средства массовой информации» вводится Законом о печати в правовую практику впервые — ранее ни одна газета или журнал никаких «учредителей» не имели, а те органы или организации, названия которых красовались на их первых полосах или титульных листах под названиями самих изданий,— «орган ЦК, обкома, райпотребсоюза» и т. п., именовались «издателями», что совсем не одно и то же;

во-вторых, в Законе о печати ничто не говорит о том, что порядок учреждения и регистрации действующих средств массовой информации должен чем-то принципиально отличаться от общего порядка и что они имеют в этом отношении какой-то особый статус;

в-третьих, на титульном листе «Огонька» до принятия Закона о печати — редчайший случай! — не было названия никакого органа, журнал был «ничейный». Поэтому кому, как не трудовому коллективу редакции, становиться его учредителем, что и было указано в заявлении о регистрации, поданном в Госкомпечать СССР 1 августа 1990 года.

Л. ГРИГОРЯН,
кандидат юридических наук



МЕСТО У МИКРОФОНА

Вижу два варианта разрыва петли голода, которая — увы — наброшена Агрогулагом и затягивается под говор сегодняшних Стародубцевых.

1. Вариант благой — прорыв в России. Путем решительных реформ правительство Ельцина — Силаева уже этой осенью позволит гражданам РСФСР реализовать право на землю. Под реформу придется взять кредит в 5—7 миллиардов долларов.

КПСС перестает быть первым и единственным землевладельцем СССР. Сейчас в РСФСР около тысячи крестьянских хозяйств — через год их число может стать пятизначным. Колхозы типа хозяйства Чартаева (акционерные общества свободных крестьян) и кооперативы уже после суровой зимы 1990/91 г. станут контролировать основные объемы поставок зерна, мяса и молока. Не менее половины хозяйств Нечерноземной зоны (явные банкроты) ликвидируются, их угодья перейдут в земли запаса. Вероятны небывалые формы использования пашни (например, Краснодар сможет возделывать для себя картофель в Тверской области, «Уралмаш» будет арендовать плантации томатов в дельте Волги и т. д). При этом цены на основные продукты могут вырасти не более чем в два раза — с последующим падением после урожая 1992 года. Российская реформа логично повлияет на экономику и перемены во всех других республиках. Естественно возникновение крестьянской партии, представляющей в парламентах республик и Союза интересы свободных землевладельцев в их борьбе со структурой Агрогулага.

2. Вариант тягостный, хотя тоже вполне реальный. Лигачев политически умер, но дело его живет. Крестьянский союз Стародубцева, опираясь на лень и равнодушие сельского люмпена, сохраняет колхозно-совхозную диктатуру до полной ее экономической агонии. Никакое везение с погодой, никакие траты нефти на импорт не оттолкнут надвигающегося голода — и потребуется «кронштадтский» курс лечения. Толчок, кратно более сильный, чем шахтерские забастовки, вызовет у верхних горизонтов уже мгновенное прощание с Агрогулагом, скомандует сброс всего феодального балласта. Тут расстройство окажется гораздо глубже и дороже, цены могут вырасти (я о харчах) до десяти раз. Выход из тупика будет тем медленнее, что западной финансовой поддержки во втором случае ожидать может только сумасшедший. Валютный долг страны огромен, тонна зерна теперь требует вчетверо больше нефти, чем еще пять лет назад, и первый импортер съестного — СССР — зримо близок к банкротству. Правящая правоцентристская коалиция с ее молчаливым лозунгом «Вы погибайте, а я не сдаюсь!» потому и опасна, что не сознает даже смертельной опасности для самой себя! Если Николай Угодник впрямь защищает интересы крестьянства, он слышит какую-то часть моих молитв и не допустит вариант второй.

Юрий ЧЕРНИЧЕНКО,
народный депутат СССР
Соб. инф.

Рисунок Вячеслава СЫСОЕВА

ХРОНИКА

Неизвестными осквернено русское кладбище в Фергане. Это уже третий случай вандализма за последние два месяца. Подобные факты также имели место на кладбищах в Ташкенте и Андижане. До сих пор виновные не найдены и не наказаны. Более того, власти упорно замалчивают этот факт.

«Интерфакс»

ЛИЦА

В пространной беседе с корреспондентами «Постфактум» начальник штаба воздушно-десантных войск генерал-лейтенант Евгений Подколзин был предельно искренен и по-солдатски прям. Высказывая личное мнение, генерал, вероятно, говорил от лица многих. Публикуем отрывки из этого весьма разнообразного по тематике интервью.

Что нужно солдату. «Я — военный человек, и я за то, чтобы нам приказ отдали, пусть даже противозаконный, но отдали приказ...»

Чем славен солдат. «Он славен тем, что у него в руках оружие, поэтому он солдатом зовется».

Обстановка в Оше и Узгене. «Никто — ни местные органы власти, ни советские, ни партийные — не хочет этим заниматься. Они боятся. И все они думают, что армия их будет спасать от тех недостатков, которые они допустили...»

Литовский вопрос. «У нас там стоят две дивизии с 1945 года. Все работники местных советских, партийных органов, все наши друзья приходят и спрашивают: "Ребята, когда вы наведете порядок, поскручиваете им головы?" Мы помогли им захватить здание ЦК... тут же звонок от Президента: не трогать. И все убрали... Дальше уже использовали силы МВД».

О дружбе народов. «Когда в январе наш полк захватил корабль, на котором из Баку хотела убежать мафия, у них нашли по нескольку миллионов на книжке. Группа — 27 человек, из них 15 армян и 12 азербайджанцев. Когда они вкупе обворовывали народ, у них не было никакой национальной розни. У них дружба очень сильная».

Национальный вопрос (решение). «НКАО — это амбиции. А если эти формирования разогнать, кого положено посадить, тогда и претендовать на НКАО некому будет».

Об очернительстве. «В Баку, а первоначально в Тбилиси наши войска просто оскорбили, обвинив в применении лопат и так далее. Время прошлое, с нашими солдатами никто не беседовал, не спрашивал, кого чем ударили, а вот нашли там... местных, там лопатой ударили, там прутом ударили».

Что делать? «Если мы будем вести работу только войсками, то конца не будет, и мы будем из одного города перелетать в другой. Одних — на одну сторону, других — на другую, просить, умолять, чтобы они друг друга не резали. Я не знаю, раз идет такое дело, почему никто не обращается? Ведь у нас есть народные депутаты...»

Галина Старовойтова: «Возникновение отрядов самообороны нетрудно было прогнозировать...»

Юрий Черниченко: «Петля голода уже наброшена Агрогулагом...»

Генерал-лейтенант Подколзин: «Главное — приказ, пусть даже противозаконный...»

Павел Никитин: «Пришло время платить за слепой марш...»

СИТУАЦИЯ

Непосредственным толчком к изданию Указа Президента от 25 июля, возможно, послужило принятие Декларации о суверенитете Украинским Верховным Советом. В этой декларации — положение о необходимости создания республиканских вооруженных сил. Но у нас уже есть республики, где воинские подразделения созданы, правда, совсем не в тех масштабах, о которых говорит пресса. Особую тревогу выражают относительно существования армянских отрядов самообороны. Впрочем, их возникновение нетрудно было прогнозировать после событий в Сумгаите, Баку, Карабахе, Андижане. Не надеясь на защиту вечно опаздывающих непрофессиональных войск, мужчины стали сами брать в руки оружие, чтобы защитить свои семьи и очаги. Иногда это оружие самодельное, иногда оно куплено или отобрано.

По всей стране ширится движение за отказ юношей от службы в районах нашего «внутреннего Афганистана» — НКАО. Против участия в конфликте не только солдатские матери, но и курсанты военных училищ (например, Хабаровского).

Похоже, федеральные власти в условиях затягивания политического решения проблемы предпочитают минимизировать объем союзных обязательств по защите граждан закавказских республик. Поэтому фидаины Армении отказываются разоружаться. Следствием этого недоверия является и решение Верховного Совета Армянской ССР об отказе от весеннего призыва армянских юношей в армию, руководимую маршалом Д. Т. Язовым.

Сегодня в Армении пришли к власти люди, пользующиеся народным доверием. Председателем Верховного Совета избран Л. А. Тер-Петросян, доктор филологических наук, член комитета «Карабах», в прошлом году полгода отсидевший под следствием в изоляторах КГБ СССР. Его деятельность в новом качестве благословил католикос всех армян Вазген I. С восторгом было встречено избрание митингующей площадью Свободы в Ереване. Отвечая журналистам, Л. А. Тер-Петросян заявил, что не намерен руководствоваться чувством обиды в своих отношениях с центром. Он реалистический политик.

В республике создались предпосылки для решения проблемы военных формирований на основе взаимного согласия всех здоровых сил. Будем надеяться, народ и власть Армении справятся с трудной задачей преобразования военных отрядов в подразделения народной милиции.

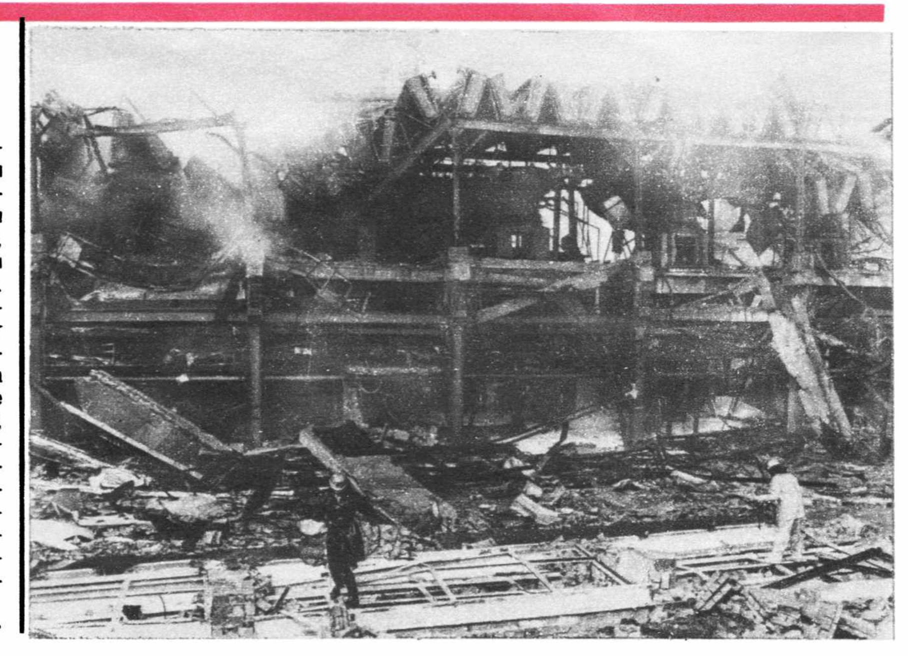
Возвращаясь к Указу Президента, хотелось бы задаться двумя вопросами. Сейчас обсуждаются проекты нового Союзного договора и на Президентском совете, и в Межрегиональной группе, и в Российском парламенте. Какие именно функции делегируют республики федеральному центру и должны ли решения о военных формированиях зависеть от содержания будущего договора? И второе. Не должны ли подобные решения быть также связаны с военной реформой, без которой, кажется, страна скоро совсем лишится армии, способной соответствовать своему предназначению?

Галина СТАРОВОЙТОВА,
народный депутат СССР,
народный депутат РСФСР
Соб. инф.

ХРОНИКА

Председатель Организации крымско-татарского национального движения Мустафа Джемилев сообщил, что сейчас в нескольких городах Крыма, в том числе в Симферополе, Судаке, Ялте, у зданий местных властей раскинуты палаточные городки крымских татар. Коренные жители Крыма, депортированные Сталиным в 1944 году, требуют у местных властей выделения им земельных участков для строительства жилья. В каждом палаточном городке «проживают» по 100—150 человек, а всего без постоянного места жительства в Крыму сейчас находятся примерно 5—7 тысяч крымских татар. Мустафа Джемилев сказал также, что за последнее время крымскими татарами совершено 9 самовольных захватов пустующих земель, на которых они намерены построить себе жилье.

«Интерфакс»



ТОЧКА ЗРЕНИЯ

В Ираке проживают около 17 миллионов человек, в армии — один миллион. В Кувейте — около 2 миллионов человек, в армии — 20 тысяч.

В Ираке — диктаторский режим. В Кувейте — демократические порядки.

В Ираке разоренная 8-летней войной с Ираном экономика. В Кувейте — процветание.

Эти сопоставления уже вскрывают подоплеку иракской агрессии против Кувейта.

Сильный и озлобленный Ирак решил поживиться за счет ближайшего беззащитного соседа. Как тут не вспомнить: «Против лома нет приема». На это и рассчитывали агрессоры. Но прием уже есть! Это — новое мышление, которое все больше и больше влияет на ход современной истории. Это растущая международная солидарность, всеобщая действенная борьба против решения спорных вопросов силой, а не за столом переговоров. Не припомнишь такого единодушия, которое сегодня всколыхнуло народы всех континентов, выступившие против иракской агрессии.

120 офицеров иракской армии отказались выступить с оружием в руках против своих братьев — мусульман. По приказу иракского лидера они были расстреляны. С этого начался захват Кувейта, уже принесший многочисленные жертвы и разрушения на кувейтской земле.

В прошлом и этом году я побывал в Кувейте в качестве корреспондента «Огонька». Нефтяные запасы (они в изобилии есть и в Ираке), помноженные на труд и умелое руководство страной, принесли людям богатые плоды. В пустыне выросли современные города и плодородные зеленые оазисы. Демократические начала все увереннее заявляли о себе в жизни общества. Кстати, и это обстоятельство не могло не раздражать соседа-диктатора. Это общеизвестные истины. В нынешнем мире все труднее и труднее скрывать правду. Вот почему мировое общественное мнение на стороне Кувейта, оно требует прекращения агрессии и вывода иракских войск.

Еще одна такая демонстрация протеста состоялась в Москве у иракского посольства. Жители столицы и находящиеся в ней кувейтцы решительно выразили свое возмущение против агрессии. Митинг прошел под лозунгами: «Кувейт! Мы с тобой!», «Руки прочь от Кувейта!», «Нет неонацизму!», «Так же начинал Гитлер».

В наше время международный разбой недопустим.

В. НИКОЛАЕВ

Митинг у посольства Ирака в Москве Фото А. БОЧИНИНА

ГДЕ ТОНКО...

На Ярославском нефтеперерабатывающем заводе случилась беда. Взрыв адской силы разнес одну из технологических установок. Кирпич и искореженное железо механизмов погребли под собой дежурную смену.

Мы примчались на место происшествия, когда пламя высотой с шестнадцатиэтажный дом было уже сбито. Кругом висела кирпичная пыль и невыносимо несло какой-то химической гадостью. Взволнованные голоса спасателей метались над развалинами. Я прикоснулся к обломкам, они были еще теплыми.

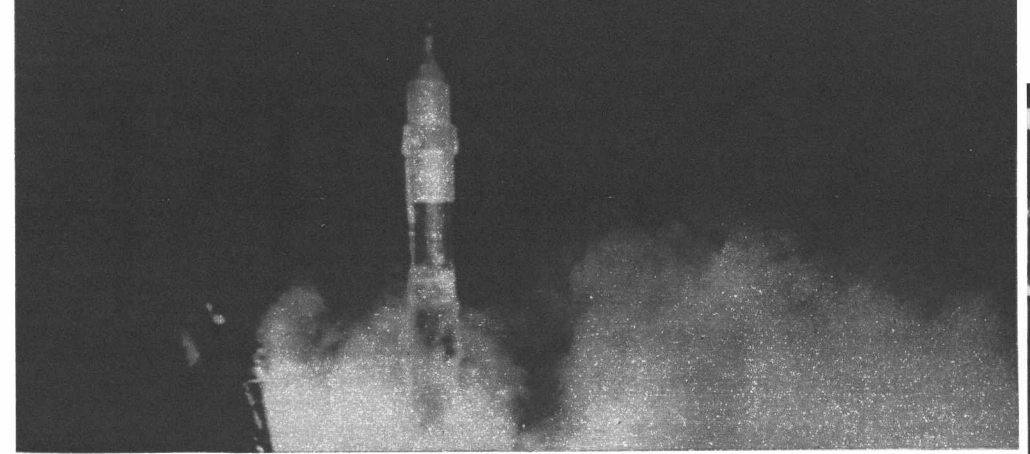
Взрыв не оставил спасателям почти никаких надежд. Но первый извлеченный из-под обломков парень подавал признаки жизни. Лицо и грудь его были в крови, рука перебита, ноги неестественно вывернуты. Раненый на носилках, передаваемых из рук в руки, поплыл над руинами к надежде на спасение — краснополосой машине «Скорой помощи». И умер на полпути. Только каждого второго погребенного удалось спасти. Но, если бы пламя коснулось других установок, емкостей с бензином, завод, растянувшийся на много километров, стал бы адом, из которого никто бы не ушел живым...

Взрыв на Ярославском нефтеперерабатывающем — не первый на предприятиях химической промышленности. Она доведена до ручки — латана-перелатана.

Говорят, сегодня стало не так уж трудно предсказывать несчастья и беды. Я же просто боюсь напророчить, не обладая даром предвидения. Тем не менее похоже, что на Северной железной дороге до конца года может произойти крупная авария. «Ясновидение» мое основано на том, что значительная часть рельсов давно отслужила положенный срок и каждая поездка по ним — игра со смертью. Есть участки, по которым давно уже ездить нельзя, а по ним все стучат и стучат колеса...

Пришло время платить за слепой марш по «своему особому пути», за пренебрежение общечеловеческими законами. Увы! Платят, как всегда, не самые виноватые.

Павел НИКИТИН,
Александр НАГРАЛЬЯН (фото),
специальные корреспонденты
«Огонька»



ЕЩЕ РАЗ О КОСМОСЕ

Мы, советские люди, не без гордости считаем себя причастными к исследованиям на околоземных орбитах. Хотя именно мы многого не знали и не знаем — срабатывала система «гостайны». Беседа кандидата технических наук Г. Салахутдинова с академиком В. МИШИНЫМ, бывшим главным конструктором ракетно-космической техники,— о том, что еще недавно замалчивалось.

— Василий Павлович, за рубежом вышли книги, авторы которых затрагивают вопросы развития нашей космонавтики...

— Да, я знаю подобные издания. Одни названия чего стоят! «Русский космический блеф», например. Книгу написал эмигрант, бывший когда-то нашим журналистом, Л. Владимиров...

— Ну и как вы относитесь к его утверждению, будто параллельно работе с программой «Союз» у нас существовала «теневая» космонавтика, задача которой состояла в том, чтобы ввести в заблуждение западную общественность относительно уровня нашей космической техники?

— В этом утверждении больше вымысла, чем правды. Все работы тогда были подчинены одной цели — освоению Космоса. Правда, Хрущев довольно быстро понял, что наши достижения в космонавтике можно использовать в политических целях. Поэтому он и требовал от Королева все новых и новых успехов. И началось проявление такого нетерпения сразу же после запуска первого спутника. Мы не ожидали, что он произведет такой эффект в мире. Для всех нас шла обычная работа... А после запуска Сергей Павлович меня и второго своего заместителя Л. А. Воскресенского впервые за много лет отправил на отдых. Мы уехали в Сочи, жили на даче Булганина. Я там, помню, простудился.... Воскресенский, не выдержав безделья, позвонил в Москву Королеву и получил приказ вернуться в КБ. Пришлось нам прервать свой отдых. Когда мы появились на работе, то услышали от Королева о первом «политическом» пожелании главы правительства: «К Октябрьским праздникам запустить собаку».

— Речь шла о Лайке? Как же вы смогли в такой короткий срок подготовить ее запуск?

— Мы и раньше, еще с пятьдесят первого года, запускали в Космос собачек на высотных ракетах. Первыми стартовали на высоту более ста километров Дезик и Цыган. Так вот, взяли использовавшийся для этих целей контейнер, посадили в него Лайку и поместили на корабль-спутник. Как раз к празднику успели...

— И мир устроил овацию?

— Сначала да. Зарубежные средства массовой информации писали, что этот запуск вызвал «удивление и смятение в западном мире». Но произошло непредвиденное. Английское общество защиты животных подняло шум. Дело в том, что Лайку никто и не думал возвращать на Землю, она погибла. Когда это стало известно, нас обвинили в жестокости... А потом этой «политики» у нас было столько, что... В общем, сейчас не по себе делается. Сергей Павлович был уникальным человеком в том смысле, что он, с одной стороны, идеально соответствовал существовавшей в то время административно-командной системе, а с другой — мог противостоять и делать нечто вопреки ей. Но вот перед политикой был беззащитен и он. Хрущев не раз намекал ему, что если он будет чрезмерно строптив, то его заменит Челомей, к которому испытывал особые симпатии.

Так что под прессом политики мы были с первых дней практической космонавтики. Дату запуска Германа Титова определил сам Хрущев. Через несколько дней после полета Титова в Берлине выстроили стену. Западные эксперты считают, что эффект этого полета оказал правительству ГДР большую морально-политическую поддержку при подготовке и проведении этой акции. Эксперты также говорят, что первый групповой полет потребовался Н. Хрущеву для того, чтобы под шумок аплодисментов разместить на Кубе наши ракеты с атомными боеголовками. Хотя я думаю, что в последнем случае произошло просто совпадение этих двух событий по времени.

— А в чем была задача группового полета? Что в нем такого особенного, чего не могли сделать, допустим, американцы?

— Тут дело тонкое. Для того чтобы корабли могли сблизиться на орбите, их надо обеспечить средствами сближения, каковых на «Востоке», так же как и на «Меркурии», не было. Но мы вели работы по «Союзу», а американцы — по «Джемини». Будущие корабли были способны совершать подобного рода маневры в Космосе. А сторона, которая создала бы свой корабль первой, вышла бы в лидеры...

Групповой полет... Через сутки после запуска первый корабль оказывался над Байконуром. Если теперь с большой точностью запустить второй корабль, то оба окажутся в Космосе рядом. Так и сделали. 11 августа 1962 года запустили корабль с Николаевым, а 12 августа — с Поповичем. Корабли оказались на расстоянии пяти километров друг от друга! Ну, а поскольку в условиях секретности всю правду мы не сказали, то западные эксперты, не разобравшись, посчитали, будто наш «Восток» уже оснащен средствами сближения на орбите. Как говорится, ловкость рук — и никакого мошенства... Точнее, наши конкуренты сами себя ввели в заблуждение. Разумеется, мы не развеяли их иллюзий. Но разве сложившуюся ситуацию можно считать «параллельной» или тем более «теневой» космонавтикой? Это даже не дезинформация...

— Зарубежные эксперты считают, что второй групповой полет в июне 1963 года с участием Быковского и Терешковой был осуществлен для того, чтобы восстановить престиж Хрущева, пошатнувшийся в мире во время Карибского кризиса. Запуск Терешковой якобы должен был вызвать симпатии к Советскому Союзу женщин всего мира?

— И это не так. Запуск женщины — очередной этап в нашей работе. Конечно, со своей стороны Хрущев максимально использовал реакцию мировой общественности. В одном из своих выступлений он сказал, что полет Валентины Терешковой демонстрирует всему миру равенство в нашей стране мужчины и женщины... Наивно — не более того. Никто не задумался тогда — равенство в чем? В выполнении самой непрестижной, самой тяжелой работы или, как в данном случае, смертельно опасной?

Когда я вижу известную скульптуру В. Мухиной возле ВДНХ, я каждый раз ловлю себя на одной и той же мысли: да ведь эта скульптура символизирует ручной труд и использование женщин на тяжелой физической работе.

— Для большего реализма я бы серп вложил в руку мужчины, а молот — в руку женщины, тогда скульптура эта объективно отражала бы положение женщины в нашем обществе.

— Кстати, зададимся теперь и таким вопросом — что делать женщине в Космосе? Терешкова оказалась на грани психологической устойчивости. Казалось бы, полет ее должен был бы, напротив, дискредитировать Н. С. Хрущева...

— А как было дело с полетом трехместного «Восхода»? Известно, что американцы делали двухместный «Джемини». Видимо, мы решили опять их обогнать?

— Да, так и было. Хрущев позвонил Королеву и приказал запустить трех космонавтов сразу. Но разместить экипаж из трех человек, да еще в скафандрах, в кабине «Восхода» было невозможно. Значит — долой скафандры! И космонавты летали без них... Нельзя было сделать и три люка для катапультирования. Значит — долой катапульты. Был ли риск? Конечно. Примерно двадцать секунд

полета перед выходом на орбиту экипаж не имел средств спасения на случай аварии. Идея лететь в Космос без скафандров и катапульт принадлежала К. П. Феоктистову. Он сам и полетел для психологической поддержки Комарова и Егорова. Мир снова аплодировал. Получалось так, что трехместный корабль вроде бы и был, и в то же время его не было. На самом деле это был цирковой номер, ибо три человека не могли выполнять полезную работу в Космосе. Им даже сидеть было тесно! Да и лететь было опасно. Но на Западе сделали вывод, что Советский Союз располагает многоместным кораблем. Там даже в голову никому не могло прийти, что мы отправили экипаж на орбиту без соответствующих средств спасения. Хорошо, что все кончилось благополучно. А если бы нет? Да и двухместный «Восход» тоже был сделан для приоритета. Эксплуатировать его было нельзя, и на нем также не было катапультируемых кресел. Но и чисто «престижным» я бы его не назвал. Все-таки выход человека в открытый Космос был отработан, это факт. И выполнил его Алексей Леонов. Первым!

— Но полет был весьма напряженным? Были авария автоматической системы управления и посадка вручную, в тайге, долгое ожидание на морозе группы поиска... Какова цена всех этих приключений?

— Шуму и на Западе, и у нас было много. Вообще, как вы знаете, наша космонавтика обласкивалась правительством. Впечатляющие полеты требовали сверхнапряжения и соответствующего обеспечения, они отвлекали силы и средства от работ по «Союзу». Но только «Союз» мог обеспечить реальное, а не мнимое продвижение в освоении Космоса... Конечно, никто не разрабатывал специальную программу, чтобы последовательно вводить в заблуждение западную общественность. Каждый из полетов «Восхода» был направлен на решение конкретной задачи самой по себе. Чистая случайность, что совокупность всех этих задач создавала мнение о существовании у нас такого корабля на все случаи жизни! Большую роль в рождении мифа сыграла наша пресловутая секретность. Мы ничего не сообщали о том, как, каким методом решались все эти задачи. Западные эксперты сами додумали то, о чем они не знали и не могли знать. Так и появился миф.

— Можно ли сказать, что мы создавали мифы, а на Западе их как бы обобщали?

— Да не было у нас цели создавать мифы! Все полеты в Космос — реальность. Американцы при всем желании не могли запустить трех астронавтов, а у нас был «Восход», он куда мощнее, чем их корабль, и когда глава правительства пожелал, «Восход» вывез на орбиту трех человек. Продемонстрировали на деле свою мощь. При этом приоритет сам по себе получили... Образно говоря, мы действительно демонстрировали в Космосе своего рода цирковые трюки, каждый из которых западные «зрители» воспринимали по-своему. В совокупности трюки создали мнение о существовании связанной программы. Такой программы не было. Был волюнтаризм и его плоды.

— Наш «Союз» полетел тогда, когда американцы уже заканчивали свои эксперименты с «Джемини»?

— Да, «Союз» появился после «Джемини». Но, учтите, наша программа использования «Союза» была сложнее, чем американская. Она предполагала стыковку двух пилотируемых кораблей, переход космонавтов на орбите из одного корабля в другой. А программа «Джемини» предусматривала лишь сближение и стыковку с автоматическими «мишенями»... Тем не менее мы уже в то время отставали от американцев.

— Испытание «Союза» связано с трагической гибелью В. М. Комарова. Относительно трагедии «Союза-1» в мире ходит немало слухов. Зарубежные эксперты считают, что у нас было запущено четыре беспилотных «Союза», получивших название «Космос» под номерами 133, 140, 146 и 154. И на каждом из них возникали неполадки. Английский эксперт Филип Кларк, например, прямо пишет: «Ясно, что «Союз» еще не был готов для запуска человека, и вызывает удивление тот факт, что программа испытаний не была продолжена в условиях, когда каждый беспилотный полет приносил новые проблемы...» Как вы оцениваете результаты подобной экспертизы?

— Экспертиза должна основываться на точных исходных данных. Но тот же Кларк не знает даже того, сколько у нас было беспилотных пусков. Какая уж тут экспертиза!..

А был всего один беспилотный запуск «Союза». Один. Прошел он удовлетворительно. Серьезных отказов не было. В теплозащитном экране была специальная пробочка, так вот она прогорела... Беспилотный аппарат сел в какое-то озеро и утонул — вода наполнила его через эту сгоревшую пробочку. На «Союзе-1» ее не было вообще.

— Не считаете ли вы сегодня, что если бы беспилотных пусков было больше, то авария на «Союзе-1» не произошла бы?

— До полета к станции «Салют-6» корабля «Союз-33» с космонавтами Рукавишниковым и Ивановым из Болгарии было много и беспилотных, и пилотируемых пусков. Однако у них произошла серьезная авария: при сближении со станцией прогорела стенка камеры основного двигателя, использовавшегося не только для операций сближения, но и для спуска на Землю. Ситуация осложнялась тем, что вырвавшаяся из камеры горячая струя газов была направлена в сторону магистрали подачи топлива и вот-вот могла пережечь ее. Случись это, космонавты не смогли бы вернуться на Землю... К счастью, резервный тормозной двигатель все-таки заработал, хотя и не на полной тяге. Когда Рукавишников через положенное время его выключил, было неясно, удалось ли в достаточной степени затормозить корабль или нет?..

К чему я это рассказал? Этот пример наглядно показывает, что аварии случаются и на давно эксплуатирующихся космических кораблях. Сложность любой технической системы сама по себе является предпосылкой для ее возможного отказа. И специалисты это знают. Испытания «отлавливают» лишь конструкторские и технологические ошибки. Задача конструктора состоит в том, чтобы возможный отказ не привел к гибели экипажа. Современная космическая техника пока такова, что на ней объективно существуют "горячие" точки — системы, которые нельзя продублировать.

Например, тепловая защита, предохраняющая спускаемый аппарат от высоких температур, или парашютная система...

Что там произошло во время полета «Союза-1»? Запустили его нормально. И готовились к запуску «Союза-2» с космонавтами Быковским, Хруновым и Елисеевым. Корабли должны были сблизиться, состыковаться, один из тройки должен был перейти через Космос в «Союз-1»; и затем оба корабля возвращались на Землю... Однако оказалось, что на «Союзе-1» не раскрылась одна панель солнечной батареи. Можно ли было исключить этот отказ за счет увеличения количества беспилотных пусков накануне?

Нет. Полет беспилотного «Союза» показал, что конструкторских ошибок тут не было. Далее. Из-за этой аварии нехватка энергетики на борту вызвала цепь неприятностей — деформацию теплового режима, осложнения в связи с Центром управления, трудности в ориентации. Но все эти системы были продублированы. Система астроориентации не сработала из-за недостаточного питания. Но была еще ионная и ручная система ориентации.

Возникшая неполадка не вела к гибели космонавта. Владимир Комаров сумел сориентировать корабль и направить его на Землю. Но тут-то и возникла роковая случайность — не сработала парашютная система, использовавшаяся ранее на «Востоках» и «Восходах»... Так вот, можно было запустить хоть двадцать беспилотных «Союзов» и двадцать раз ничего бы плохого не произошло, а на двадцать первый... Роковая случайность. Сколько было у тех же американцев нештатных ситуаций! Что ни полет, то «сюрприз», отказ.

Скажу больше. В том, что на «Союзе» не будет аварии, я уверен не был. Поскольку в этом не может быть уверен ни один разумный человек. В принципе. Другое дело, что и я, и члены Государственной комиссии, дававшие «добро» на тот полет, были уверены, что недоработок, повышавших степень риска для Комарова, у нас не было.

Все системы на «Союзе», кроме систем сближения и стыковки, были такие же, как и на «Востоке», «Восходе» и на некоторых специальных спутниках,— они много раз испытывались в полете. Это раз. Во-вторых, на «Союзе» все, что можно было зарезервировать, мы зарезервировали. В-третьих, был один — самый первый — испытательный полет, выявивший лишь некоторые слабые места в конструкции и показавший, что все остальное работает нормально.

— Но запуск «Союза-1» был опять-таки приурочен к празднику! Приближалось 1 Мая 1967 года. На вас, наверное, «давили» сверху, хотя Хрущева сменил Брежнев?

— Верно, не было такого времени, чтобы мы работали спокойно, без гонки и давления сверху. Малограмотные, толком ни в чем не разбирающиеся высокопоставленные чиновники считают, что выполняют свой долг, если людям, не успевающим вытирать пот с лица, кричат: «Давай, давай!» И программа «Союза» была сложной. Но это никакого отношения к трагедии не имеет, поскольку до ее выполнения дело не дошло.

— Может быть, ваши подчиненные в спешке допустили тогда технологические погрешности?

— Нет, сроки и давление сверху здесь ни при чем. Ни один руководитель по какой-либо системе «Союза» не дал бы «добро» на полет, если бы он не был уверен в ее удовлетворительной работе. Действительно, «Союз» был запущен за неделю до праздника. И это значит, что мы могли бы даже перенести дату пуска на несколько дней позже. Нам ничто не мешало. А сколько времени нужно на укладку парашюта? Часы! Небрежность в его укладке была, я уверен... Хотя знаю, что есть и другие мнения.

— Василий Павлович, была и гибель Добровольского, Волкова, Пацаева. Что у них произошло?

— Когда они спускались с орбиты, открылся клапан, соединяющий кабину с атмосферой Земли. Произошла разгерметизация. У космонавтов в условиях низкого давления закипела кровь... Произошел тот самый случай, о котором говорят, что один раз и палка стреляет. Разумеется, этот клапан проверялся многие сотни раз на испытательных установках, он использовался на всех наших предшествующих кораблях. Всегда работал хорошо. Никому никогда в голову не приходило, что столь простое устройство может отказать. Когда беда все же случилась, мы тщательно проанализировали конструкцию клапана и обнаружили, что есть такой почти невероятный, гипотетический случай, когда клапан мог открыться раньше намеченного срока. Именно этот случай привел к трагедии при возвращении «Союза-11» на Землю.

— Неужели конструкторы не могли придумать какие-то средства подстраховки на всякий случай?

— В том-то и дело, что такие средства были. При разгерметизации кабины воздух с большой скоростью вытекает в вакуум. Космонавты должны были слышать свист — сигнал о беде. Нужно было отстегнуть привязные ремни, встать и закрыть специальный вентиль. И даже пальцем можно было закрыть отверстие!.. Космонавты не сориентировались... Может быть, растерялись... Пацаев, видимо, сообразил, в чем дело, он отстегнул привязные ремни. Но встать не успел. И вот — трагедия.

— Космический полет, насколько я могу судить, как раз и состоит из тысяч мелочей подобного рода. Цена каждой — нередко человеческая жизнь. В кабине «Аполлона» сгорели три астронавта в январе 1967 года: на временных электрических проводах оказалась поврежденной изоляция, а кто-то из экипажа случайно ногой сдвинул на провода забытый гаечный ключ. Короткое замыкание и пожар... Через пятнадцать секунд огонь погасили, но было поздно... Или другой случай. «Аполлон» спускался на Землю, а Бранд забыл перевести в нужное положение два тумблера, и экипаж отравился ядовитыми парами топлива. Гибель астронавтов была, казалось бы, неизбежной... Бранд тогда сознание потерял. Но Стаффорд нашел в себе силы обеспечить товарищей кислородными масками!

Последний вопрос. Что бы вы, Василий Павлович, сделали сейчас, если бы были ответственным за космонавтику?

— Вопрос фундаментальный, требует отдельного разговора. Но вкратце скажу, что прежде всего я привлек бы к новым проектам теперь еще и экономистов, историков, философов. Надо бы разработать новую программу освоения Космоса. И представить ее на всенародное обсуждение.

— Кстати, в интервью для «Литературной газеты» начальник Главкосмоса СССР Александр Дунаев отметил, что такая программа у нас имеется. Так ли это?

— Дунаев путает программу освоения Космоса с планом работ. Действительно, планы всегда были. Они есть и сейчас. Программы не было и нет. Дунаев оправдывает пилотируемый полет на Марс, мол, этот полет тоже из области развития космонавтики, но обоснован ли он? Думаю, что нет, не обоснован. Не ясно, зачем такой полет сейчас нужен. Согласен ли народ на его осуществление? Затраты будут огромными. А что он даст взамен? Но Главкосмос все уже решил... Сам.

Далее. Сегодня я заменил бы всю благополучно существующую поныне административно-командную систему на систему, основанную на экономических отношениях. До сих пор предприятия министерств, работающие на космонавтику, получают средства от Минфина СССР — напрямую. Главный конструктор, скажем, не имеет никаких рычагов влияния на эти предприятия, хотя и несет ответственность. Очень много у работающих в космонавтике начальников. Структуру управления нужно перестроить. Конечно, следует изменить и методологию управления развитием космонавтики. Недопустимо, что она до сих пор ориентирована на престиж, политику. И ноль внимания повышению качества жизни советских людей. Приведу пример. Американские эксперты рассчитали, что, например, в 1987 году в СССР на космонавтику было истрачено тридцать миллиардов долларов — больше, чем во всех остальных странах мира, вместе взятых. Цифра огромная, но где же отдача? Словом, все дело нашей космонавтики нуждается в серьезной перестройке. Всех аспектов тут не перечислишь... Догоняя, нельзя опередить. Время престижных проектов и полетов осталось позади. Космос должен давно работать на землян, для жизни тех, кто отдает ему и средства, и время, и таланты.

СВОБОДА И ДОСТОИНСТВО

Сегодня, когда мы пытаемся понять, почему, признавая необходимость гласности, правительство одновременно объявляет о том, что не на чем печатать газеты и журналы, воплотившие эту гласность, взоры немедленно обращаются к северу, и в течение первой четверти часа после признания проблемы кто-нибудь предлагает: «Надо немедленно купить бумагу в Финляндии, и все решится». Когда нас одолевает тоска по колбасе или сыру, зачастую ее утоляют воспоминаниями о том, какие замечательные сыр с колбасой привозили в наши магазины из Финляндии еще вчера; хорошо бы завезти снова. А если мы не можем достойно организовать международную встречу, кто-нибудь обязательно вспомнит, как пятнадцать лет назад в Хельсинки съехались главы правительств стран Европы и Северной Америки и чувствовали себя там уютно и деловито. Давно уже привыкнув высчитывать, на какую спасительную идею или страну можно будет нам положиться в очередной раз, да так, чтобы эта идея или страна в одночасье все проблемы наши решила, мы порой склонны позабыть, что и населения в Финляндии всего с пол-Москвы, а по расположению есть еще только одна более северная страна в Европе — Исландия. И ничего — живут финны, и наши мечтания возбуждают, и не страдают от своей самостоятельности с нейтралитетом, которых их не раз хотели лишить. Так или иначе я решил задать по нескольку вопросов людям, которые по долгу службы отвечают за наиболее загадочные для многих из нас сферы финляндского благополучия. Не отягощая полученные ответы комментарием, просто представляю вам интервью, только что взятые мной в Хельсинки.

Виталий КОРОТИЧ

ИНТЕРВЬЮ, КОТОРОЕ ДАЛ «ОГОНЬКУ» ХЕЙККИ ХААВИСТО, ПРЕДСЕДАТЕЛЬ ЦЕНТРАЛЬНОГО СОЮЗА СЕЛЬСКО-ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ПРОИЗВОДИТЕЛЕЙ ФИНЛЯНДИИ

— Господин Хаависто, когда я шел на встречу с вами, некоторые из моих хельсинкских знакомых вполне серьезно называли вас кормильцем страны...

— Преувеличение. Бюрократы не бывают кормильцами страны. Попросту истинные кормильцы, крестьяне, избрали меня председателем своего союза...

— И вы как бы поднялись на правительственный уровень...

— Что вы! Ни в коем случае! Наш союз объединяет более трехсот тысяч человек, занятых в сельскохозяйственном производстве, и защищает их интересы — в том числе от правительства, которое само ничего не производит, но всегда норовит покомандовать нами. Мы с правительством дважды садимся за стол переговоров ежегодно и определяем количество сельхозпродукции, которую надо произвести, а также цены, по которым эту продукцию у крестьян закупят.

— Только что перед встречей с вами я посетил небольшую семейную ферму. Принадлежит она двум молодым супругам, которым нет еще и по тридцати лет и которых зовут Вейкко и Анна-Мария Нориан. Ферму они получили от родителей, после того как выплатили положенную часть стоимости фермы другим наследникам, откупившись от их претензий. У Норианов 22 гектара пашни, 19 коров. Кроме того, ферме принадлежит 11 гектаров леса.

— Очень типичная семейная финская ферма — не большая и не маленькая...

— Молодой фермер на мой вопрос о продуктивности скота сказал, что больше пяти тысяч литров от коровы надаивать невыгодно — его просто не принимают.

— Почему же, принимают, но платят за него уже в пять раз меньше. И зерно, и мясо принимаются лишь в количествах, определенных квотой. Зачем же зря изнурять животных и землю, если нам больше не надо?

— Хватает?

— Вполне. Ежегодно определяем требуемое количество сельскохозяйственной продукции для внутреннего рынка, для экспорта — по всем линиям. Европейские цены более или менее стабильны, границы вокруг нас довольно условны, и, перестаравшись, мы окажемся у переполненных закромов, которые некуда разгрузить, измучим людей и землю.

— Давайте нам, мы все берем...

— Покупайте. Мы же союз тружеников, а не благотворительный фонд. Люди должны не надрываться без толку, а жить за счет результатов своего труда. Ежегодно мы платим крестьянам за то, что они оставляют незасеянными 10—15 процентов полей. При всех строгостях мы и так умудряемся произвести ежегодно на 25 процентов больше молока, чем нам надо, на треть — яиц, на 10 процентов мяса и на 10—20 процентов зерна. На это производство затрачиваются силы и средства. Могли бы мы производить и намного больше, но вокруг в Западной Европе почти все такие; Дания, например, производит пищевых продуктов раз в пять больше, чем может потребить. Тоже надо сокращаться. Земля, если чувствует, что у нее добрый хозяин, очень щедра. Сегодня мы поощряем крестьян сажать на полях лес и за это хорошо доплачиваем. Лес очень прибылен — вы знаете, сколько мебели, бумаги, сборных домов производит наша страна. Если же на своей земле крестьянин хочет разводить свиней, или птицу, или масличные культуры, или ячмень для пивоваров — на все надо получить лицензию. Аморально производить то, чего не купят,— зачем расстраивать производство и рынок? Строгие квоты, скажем, установлены на производство яиц. Произведешь лишние — никто не закупит, хоть разбивай.

— А самому вывозить на рынок?

— Рынок — это особая сфера, да и не торгуют наши крестьяне сами, сдают по заранее определенным ценам закупщику из кооператива по сбыту. Цены ведь и без того невысоки — зачем возить, да и кому заниматься этим, если на ферме работают двое-трое-четверо, не больше. Короче говоря, если на нашем рынке чего-то недостает и цены ползут вверх, можно легко докупить у соседей — там излишки найдутся. Если перепроизведем и цены упадут — поищем покупателя за рубежом. Крестьянский труд — дело рискованное. А в Европе — все-таки у нас холодно — мы вовсе не передовые в сельском хозяйстве: позади нас только Швеция, Норвегия, Греция, Португалия. Впрочем, по молоку мы хороши, сразу за Голландией и Данией.

— Так что крестьяне порой и дыхание переводят.

— Переводить-то переводят, но работа у них тяжелая, отношение к результатам ее взыскательное. Ведь ко всему финские продукты еще и славятся чистотой — мы очень боимся избытка искусственных удобрений. Но производительность труда неуклонно растет, а ферм становится меньше и меньше. Некоторые, особенно вблизи городов, распродают землю под дачные участки. В стране ведь уже более четверти миллиона дач, и количество их все растет; строительные фирмы готовы возвести и меблировать деревенский дом для вас в самые короткие сроки.

Еще в семидесятые годы до 20 процентов населения было занято в сельском хозяйстве; сегодня — около 8 процентов. Мы поощряем ранний уход крестьян на пенсию, чтобы дети их пораньше вступали во владение хозяйством. Выплачиваем крестьянам пенсионные деньги с 55 лет, хотя по стране пенсионный возраст на десять лет выше. При этом, повторяю, очень поощряется не продажа, а передача ферм по наследству, чтобы они оставались в той же семье. У нас в сельском хозяйстве не более 10 процентов работников — сплошь семейные фермы, ничего лучше мы так и не смогли придумать, чтобы кормить страну. Фермы в Финляндии небольшие, в среднем это 12—13 гектаров пашни и 35—40 гектаров леса. Такова традиция. Если бы земли было гектаров по 50, фермы стали бы рентабельней; и по 20, не по 10 коров на ферму — тоже было бы лучше. Но, знаете, мы очень доверяемся своему историческому опыту, никогда не ломали его насильно. Именно семейная ферма стала основой сельского хозяйства Финляндии, и практически все эти фермы объединены нашим союзом.

Фермеры любят владеть собственной техникой — маленькими тракторами, навесным инвентарем,— и мы помогаем им купить все, что надо. Мы помогаем фермерам получить профессиональную подготовку и консультации. В годы неурожая мы выплачиваем фермерам гарантированную компенсацию за потери. Фермер имеет право на трехнедельный отпуск в году, на пособие по болезни, при несчастном случае, на рождение ребенка. Мы владеем сетью мест отдыха, газетой, журналом. Человек может на время и отключиться от своих забот...

— А кто же в поле и на ферме в это время работает?

— У нас есть много так называемых заместителей. Крестьяне знают друг друга, и на определенный срок человек подписывает контракт на временное фермерство с соответствующими ответственностью и оплатой. Это досрочные пенсионеры, члены фермерских семей, у которых нет собственного хозяйства.

— Все у вас как-то не так...

— Мне нравится одно высказывание, которое я часто цитирую: «Для сельского хозяйства Финляндия расположена слишком далеко на Севере, ее климат слишком холодный, ее хозяйства слишком маленькие и они слишком эффективны».

— Все слишком...

— Если серьезно, то инициативы, свободы никогда не бывает в избытке. Мы ценим свою землю, любим ее, она нам трудно далась. На этой вот земле у Полярного круга мы ведем промышленное производство 60 разных сортов овощей, фруктов и ягод. Многие из этих сортов мы сами вывели для наших условий. Мясо, сыр, сухое молоко и детское питание — наш традиционный экспорт, знают его и в Советском Союзе.

— Но ведь холодно. Почему вы не просите скидок на природные трудности?

— Отчего же... В самые холодные месяцы приостанавливается деятельность теплиц. Но то, что зимой наши поля промерзают на глубину до двух метров, уничтожает вредные грибки в земле и рыхлит почву. Природу надо понимать, любить, и она вам непременно поможет. У нас и вправду холодновато: вегетационный период на юге страны — 180 суток в году, а на севере — не более 130. Зато со светом оригинально: на севере в течение 70 летних суток солнце не садится за горизонт, но зато в течение 50 суток зимой — не восходит.

— Так и мучаетесь?

— Да уж, перебиваемся...

ИНТЕРВЬЮ, КОТОРОЕ ДАЛ «ОГОНЬКУ» ПЕРТТИ ПААСИО, МИНИСТР ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ФИНЛЯНДИИ

— Господин министр, позвольте поздравить вас с пятнадцатой годовщиной знаменитого Хельсинкского совещания, так повлиявшего на путь человечества к миру и еще раз подчеркнувшего международный авторитет вашей страны. Поэтому я хотел бы спросить о сегодняшнем месте Финляндии. Ведь сложнейшие отношения объединяются понятием «Север — Юг», и здесь ваше место определенно. Не менее сложны отношения «Запад — Восток», и вы очень заметны и в них. Где место Финляндии в этом геополитическом клубке? К чему вы стремитесь и от чего отстраняетесь?

— Очень трудно ответить однозначно и коротко, тем более что все эти отношения далеко не схематичны. Вот есть «развивающиеся страны», а там появляются свои диктаторы и свои жертвы, растет напряженность, увеличивается задолженность, умножаются конфликты. Можно и надо помогать развитию этих стран, но именно тем, кто нуждается, а не хищным диктаторам, развалившим экономику и вопящим о помощи. Мы пытаемся помочь тем, кто вправду бедствует, и видим в этом свою обязанность. Мы делаем это деньгами, продуктами, опытом, не нанося ущерба собственной экономике, гласно. В сегодняшнем мире многие, кто говорит о помощи, думают о себе, ведь движение денежных средств из развивающихся стран в развитые превышает движение в обратном направлении. Мы действуем, руководствуясь настроениями в международном сообществе, пользуясь рекомендациями ООН; наш парламент регулярно обсуждает, кому и в каком масштабе мы можем помочь.

А «Восток — Запад»? Мы исторически и географически существуем в этом клубке отношений. И здесь нормальные политические и экономические связи способствуют снижению напряженности. Очень хорошо, что в последние годы уровень опасности, по крайней мере в европейском масштабе, снизился. Сейчас все более актуальным становится вопрос создания экономической системы, которая позволит Европе развиваться как единому организму в условиях сотрудничества и мира. Устранять непонимание между народами — это значит еще и продолжать линии Хельсинкского совещания, о котором вы упоминали. Мне очень хочется подчеркнуть мысль о нашей всеобщей взаимной ответственности. Ведь назревает новая система европейской безопасности, никто еще толком не знает, какой именно она будет, и ее надо бережно строить, учитывая все уроки прошлого.

— Тогда давайте конкретизируем. Какие, по-вашему, главные уроки общения Финляндии с Россией, а затем с Советским Союзом? Каковы главные проблемы? Очень важно их осмыслить не только для Финляндии — для всех.

— Это очень большой и сложный вопрос. Самым коротким ответом будет: можно жить и сотрудничать, хотя случается всякое. Главное, что я могу сегодня отметить,— это исчезновение целого комплекса ощущений, связанного с вашей страной как с нашей «главной проблемой». Сегодня в основе наших отношений — система договоров, достаточно основательных и проверенных временем. То, что происходит в Советском Союзе сегодня, очень быстротечно и интересно, дарит новую надежду нам всем. Мы наблюдаем за вами с доброжелательностью, пытаясь проанализировать и понять. Вся наша история, весь опыт подчеркивают, что народы-соседи обязательно должны быть между собой в хороших отношениях, чтобы не изматывать друг друга. Должны найти такие формы взаимодействия, которые взаимополезны. Причем надо хранить свою независимость от более широких международных конъюнктур. Мы должны четко реагировать друг на друга, не быть соседними бревнами, которые пассивно плывут в потоке истории. Надо усиливать взаимное дружелюбное внимание...

— Не слишком ли вы дипломатичны? Я пролистал только что изданный в Хельсинки сборник внешнеполитических материалов и прочел в нем, что образ России для финнов — традиционный образ врага и вся история страны — борьба против попыток этого врага поработить Финляндию. Ведь только на нашей с вами памяти, господин министр, наши страны дважды воевали между собой...

— И вправду, бывало всякое, но надо видеть историю вглубь. Отношения между нашими странами развивались непросто, но никогда не были они примитивной враждой. Несколько столетий назад Финляндия стала полем борьбы между великими державами того времени. Зажатая между Россией и Швецией, она лавировала, пытаясь как-то приспособиться к этим тискам. Но даже в самые трудные времена Финляндия и Россия тесно сотрудничали, шло взаимодействие культур, соприкасались политические линии. Да что уходить в исторические глубины, возьмем времена полстолетней с небольшим давности, перед прошлой войной. И тогда многие толкали нас к конфронтации, подсказывали, что Финляндия должна искать поддержки лишь у стран, враждующих с СССР. Но мы никогда никому не поддакивали. И тогда, и сегодня мы подчеркиваем, что Финляндия прекрасно стоит на собственных ногах, руководствуется волей собственного народа. Политика нейтралитета, умения жить, не противопоставляясь, вызрела из всего нашего опыта, и мы ей верны. Мы всегда отстаивали и отстояли свои независимость и нейтральность.

— Тогда еще один вопрос: если вы сочтете его неудобным, можете не отвечать. Полвека назад Литва, Латвия и Эстония вошли в состав Советского Союза, а Финляндия осталась независимым государством. Развитие упомянутых прибалтийских стран пошло по разным путям с совершенно разными результатами. Сегодня народы Литвы, Латвии, Эстонии настойчиво декларируют свою независимость, надеются ее обрести. Как вы относитесь к этому?

— Как же, как же, на такой вопрос нельзя не ответить. Он очень для нас важен. У нас с этими народами вековые контакты, особенно с эстонцами, которые разделяют с нами славу носителей самого сложного языка в Европе. Мы от души желаем счастья своим соседям. Тут же хочу подчеркнуть, что судьбу названных республик должны решить вдумчивые переговоры и ни в коем случае не использование силы. География всегда остается географией, соседи всегда будут соседями, контакты между ними носят устойчивый характер. Надо помнить об этом, внимательно вникая в происходящее. Обязанность цивилизованных народов — поддерживать и развивать сотрудничество, углублять контакты. Мир устал от насилия. Мы внимательно следим за развитием ситуации в Прибалтике и надеемся, что она разрешится в переговорах. Подробности этого процесса сейчас обсуждать невозможно, так как он очень быстр. Но я уверен, что гласность сыграет в нем свою добрую роль. Чрезвычайно важно, что мы наконец в открытую обсуждаем все больные вопросы, называя наконец вещи своими именами. Ведь не всегда было, что мы пользовались теми же терминами, оценивая аналогичные события. Вот и загрязнение стали наконец звать загрязнением, свободу— свободой, беспокойство — беспокойством. Чрезвычайно важно, что мы можем общаться друг с другом откровенно, напрямую.

— Может быть, вы, господин министр, что-то хотите сказать читателям нашего журнала?

— Непременно. Мы в Финляндии знаем и уважаем «Огонек» — он одна из важных точек, где соприкасаются мнения. У нас с вашей страной огромная площадь соприкосновения во времени и пространстве. Граница длинная, много общих воспоминаний, общих интересов, огромное взаимовлияние. Наше сотрудничество могло бы быть и должно быть еще более разнообразным и богатым. Оно таким и будет, если мы сохраним взаимную ответственность и будем всегда уважать достоинство друг друга. При всем различии наших социальных устройств мы очень близки...

— Если уж зашла речь о социальных устройствах, как вы относитесь к идее социализма?

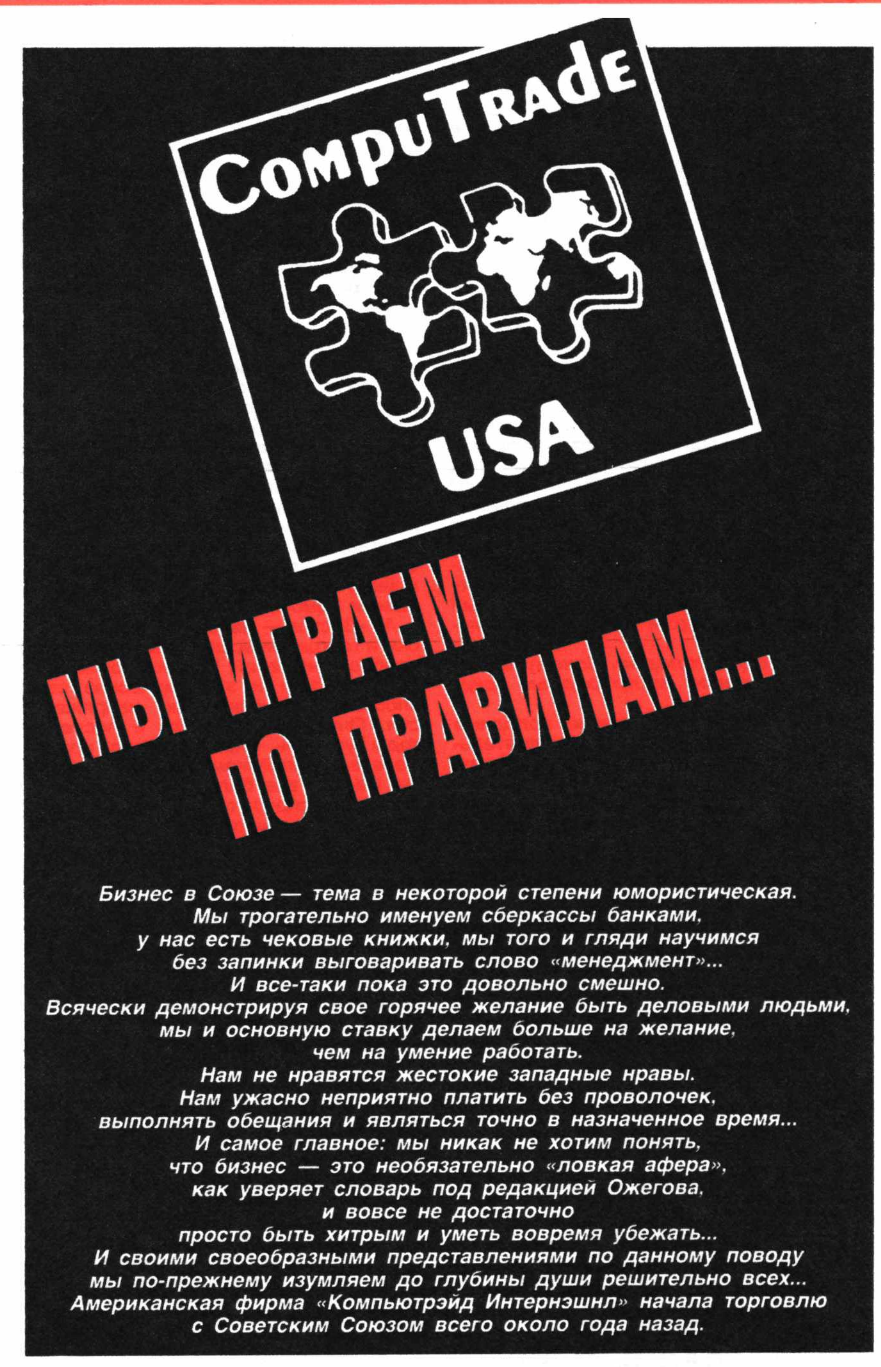
— По убеждениям и партийной принадлежности я социалист. Это уже часть ответа. Кроме того, мне хочется подчеркнуть огромный этический смысл, вложенный в понятие социализма. В последние десятилетия очень многое в социализме загонялось в сектантскую узость, ограниченность. Для меня же социализм — это когда человек максимально свободен.

— Без пределов?

— Предел только один: когда свобода одного начинает нарушать свободу другого и это препятствует духовному совершенствованию. Я умышленно не задеваю сейчас сложнейших проблем — в частности, имущественного распределения между государством и индивидуумом. Мне хочется, чтобы мы не забывали об этике социализма, о том, что свобода — самое важное, чем человек и народ могут владеть.

— Спасибо за беседу, господин министр.

Светлана ВАВРА



МЫ ИГРАЕМ ПО ПРАВИЛАМ...

Бизнес в Союзе — тема в некоторой степени юмористическая. Мы трогательно именуем сберкассы банками, у нас есть чековые книжки, мы того и гляди научимся без запинки выговаривать слово «менеджмент»... И все-таки пока это довольно смешно. Всячески демонстрируя свое горячее желание быть деловыми людьми, мы и основную ставку делаем больше на желание, чем на умение работать. Нам не нравятся жестокие западные нравы. Нам ужасно неприятно платить без проволочек, выполнять обещания и являться точно в назначенное время... И самое главное: мы никак не хотим понять, что бизнес — это необязательно «ловкая афера», как уверяет словарь под редакцией Ожегова, и вовсе не достаточно просто быть хитрым и уметь вовремя убежать... И своими своеобразными представлениями по данному поводу мы по-прежнему изумляем до глубины души решительно всех... Американская фирма «Компьютрэйд Интернэшнл» начала торговлю с Советским Союзом всего около года назад.

— Честно говоря, мы были настроены не особенно оптимистически,— говорит президент фирмы Марк Пикар.— В вашей стране логика ведения дела очень отличается от американской. Я был поражен кошмарным количеством бумаг, подписей, ответственных лиц... Казалось бы, чего проще: мы хотим продать, у нас хотят купить. Подписываем контракт, идем во внешнеторговую организацию — и тут выясняется, что у нас не те бумажки, что они нас не знают, они будут нас проверять — они это называют «прорабатывать контракт». И по два месяца бумаги лежат. Можно было бы еще понять, если бы эта система действительно работала на то, чтобы купить только качественную продукцию по возможно более низким ценам. Но ведь они прорабатывают-прорабатывают, а потом вдруг как закупят на шестьдесят миллионов долларов турецкого чая...

Впрочем, как считает глава московского представительства фирмы Андрей Кондрашин, это все закономерно:

— В условиях свободного рынка все эти проверяющие просто не нужны — их функции выполняет сам рынок. И, заметьте, бесплатно. Существует такая отлаженная коммуникативная система, которая гарантирует, что, если фирма продаст один раз некачественную продукцию, она ее продаст именно один раз. В советских же условиях отсутствие базы перепродажи приводит к полному хаосу. И если у поставщика, скажем, некондиционные компьютеры, тот, кто уже обжегся, второй раз, конечно, не купит, но другой об этом знать не будет.

— И именно «просвечиваемость» западной рыночной системы позволяет обходиться без всех этих подписей, печатей и так далее. В Нью-Йорке вы можете,— продолжает Марк Пикар,— в семь часов вечера заказать по телефону какие-то компьютерные части из Калифорнии, и они у вас будут завтра к девяти утра с условием оплаты в тридцатидневный срок. Ну если вас уж совсем не знают, могут потребовать деньги сразу по получении. А тут нам на полном серьезе предлагают, скажем, такие вещи: а не поставите ли вы нам то-то и то-то с оплатой в девяносто втором году?..

Или вот еще пример. Мы — небольшая частная фирма, у нас нет никаких многомиллионных капиталов, но у нас и очень низкие накладные расходы. Поэтому мы можем позволить себе выйти на советский рынок с относительно низкими ценами. И вот однажды в одной организации — я не буду ее называть — нас спросили, сколько стоят наши компьютеры. Мы предоставили ценник. «Что-то дешево,— сказали нам,— наверное, они плохие?» Человек, который занимается закупками, даже не представляет себе, что такое свободный рынок. Он думает, что там есть установленные госцены. Он не понимает, что в двух разных магазинах цена может отличаться вдвое на одни и те же вещи. Я уж не говорю об этике ведения переговоров...

И еще к вопросу о странностях. С одной стороны, вроде бы ваша государственная политика направлена на то, чтобы стимулировать приток валюты. А с другой стороны, вывезти отсюда что-то, купить — пусть это гниет, отравляет почву, портится, ржавеет, но вывезти — это называется разбазариванием страны. А с третьей стороны, мы бы, допустим, могли продавать наши компьютеры тут и за рубли. В конце концов рубль, плох он или хорош, но все-таки что-то стоит. И его можно во что-то вложить. Но ваше Министерство финансов категорически отказывается открывать инофирмам рублевые счета. Даже не хотят обсуждать этот вопрос. «А вдруг вы потребуете перевода этих денег за границу и их придется переводить в валюте».

Зато у вас есть «Внешэкономбанк», который — единственный в мире — не только не платит никаких процентов по вкладам, но еще и берет с инофирм налоги за хранение денег! Оригинальный способ зарабатывать валюту...

Вот сейчас у вас запретили бартерные сделки. Это же бред: если вы не хотите, чтобы утекала валюта, можно меняться. Но у вас этого нельзя — потому что, если предприятия обменяются товарами, это пройдет мимо государства. И никого не интересует, что в результате таких обменов простые люди что-то получат. То есть все, что звучит нормально и логично для любого бизнесмена на Западе, тут представляет невероятные трудности. И все время к делу примешиваются чьи-то личные интересы. Фирма, которая хочет сюда что-то продать, должна ориентироваться не только на потребности заказчика — скажем, завода, который хочет купить хороший товар по возможности недорого,— но и на посредника — внешнеторговое объединение. Завод хочет купить недорого, а посредник хочет съездить за границу под этот контракт. А поскольку он распоряжается деньгами, в конечном итоге он все и решает. В результате это может быть и дорого, и некачественно, а зато кто-то бесплатно съездил в Америку. Или просто взятку получил...

Марк — американец. Он говорит: «в вашей стране...», «у нас в Америке...». Но не так уж давно президент американской компьютерной компании был ленинградским школьником, комсомольцем... Правда, перед отъездом семьи за границу из комсомола его исключили. Теперь, приехав сюда, он уже искренне удивляется всему, с чем сталкивается в качестве западного бизнесмена. Удивляется: зачем нужен государственный посредник? Удивляется: что плохого в том, что иностранная фирма построит тут свое предприятие и будет выпускать для нас свою продукцию? Почему-то американцы не стали жить хуже оттого, что часть Нью-Йорка принадлежит канадцам, арабам, японцам... И что хорошего в том, что мы спокойно распродаем свои запасы нефти?..

— И так все: с одной стороны, разветвленная сеть запретов, жуткое количество проверяющих, а в итоге делается все, чтобы выгоднее было жульничать, чем честно торговать... С одной стороны, Запад, который готов сюда продать все, что угодно, с другой — система каких-то ловушек, в которые никто, кроме честных фирм, не попадается. Тот же рублевый счет можно открыть через подставное лицо, но ни одна фирма, которая дорожит своим именем, в это не полезет. А та, которая полезет,— много ли пользы стране от торговли с ней? С одной стороны, ужесточается борьба со спекуляцией, то есть с перепродажей, а с другой — собираются принимать закон о предпринимательстве, которое эту самую перепродажу в себя включает. Куда ни повернись, кругом парадоксы. И вот что меня еще удивило: как иностранные фирмы портятся, когда попадают на советский рынок. Они тут же начинают подстраиваться под ваш стиль работы — с полугодовыми затяжками отгрузки, опозданиями и тому подобным. Одна мультимиллионная фирма дважды назначала нам тут встречу, дважды мы приходили минута в минуту, и их просто никого не было на месте. Или вот однажды мы сделали поставку в один валютный магазин, и нас попросили подвезти товар прямо к складу. Вышли двое рабочих — иностранных — и начали ящики просто швырять. Я такого нигде в мире не видел. То есть тут не вы у них учитесь, а они у вас. И притом очень успешно перенимают опыт... Пожалуй, это самое сложное здесь — удерживать уровень ведения дела на уровне западных стандартов. Мы стараемся работать здесь по американским принципам. Тут нужна определенная жесткость, но в итоге это окупается. Недавно минское «Динамо» купило у нас компьютеры, хоккейную форму, всякое дополнительное оборудование — и все это буквально за неделю в разных концах Америки и мира было собрано, куплено и отправлено,— и я уверен, что в следующий раз они придут только к нам. Реклама в Союзе не играет такой роли, как на Западе, тут реклама — это кто что кому сказал. В этом смысле мы спокойны, потому что за те месяцы, что мы работаем на советском рынке, у нас не было никаких недоразумений с заказчиками. Конечно, нам немного легче, чем другим западным фирмам: мы все-таки довольно хорошо знакомы с советскими условиями работы, и у нас очень сильный советский персонал. Кстати, я еще хотел сказать о кадровой проблеме, которая здесь невероятно заострена. Человек может быть очень хорошим специалистом, но отношение к работе, как к чему-то второстепенному,— это уже не вытравишь. Между прочим, никто из наших работников никогда не сидел в госучреждении на твердом окладе. Такие в нашей фирме просто не выдерживают, потому что только за присутствие на работе человек у нас денег не получает. Зато у нас платят за конкретную работу, как и во всем мире. Мы тут не оригинальны. Во всем мире существуют определенные стандарты и правила — касается это оплаты труда или вообще ведения бизнеса, ведения дела...

Первый наш контракт в СССР был заключен 26 октября 1989 года на сумму четыре тысячи долларов. Сегодня наш оборот превышает полтора миллиона. Когда говорят, что в России нет валюты, не верьте! Просто здесь расходятся интересы народа и чиновников-распределителей. Сейчас ваша страна испытывает дефицит во всем — и мы готовы поставить все это немедленно. Мы играем по правилам!

СТОНЕТ ЗЕМЛЯ

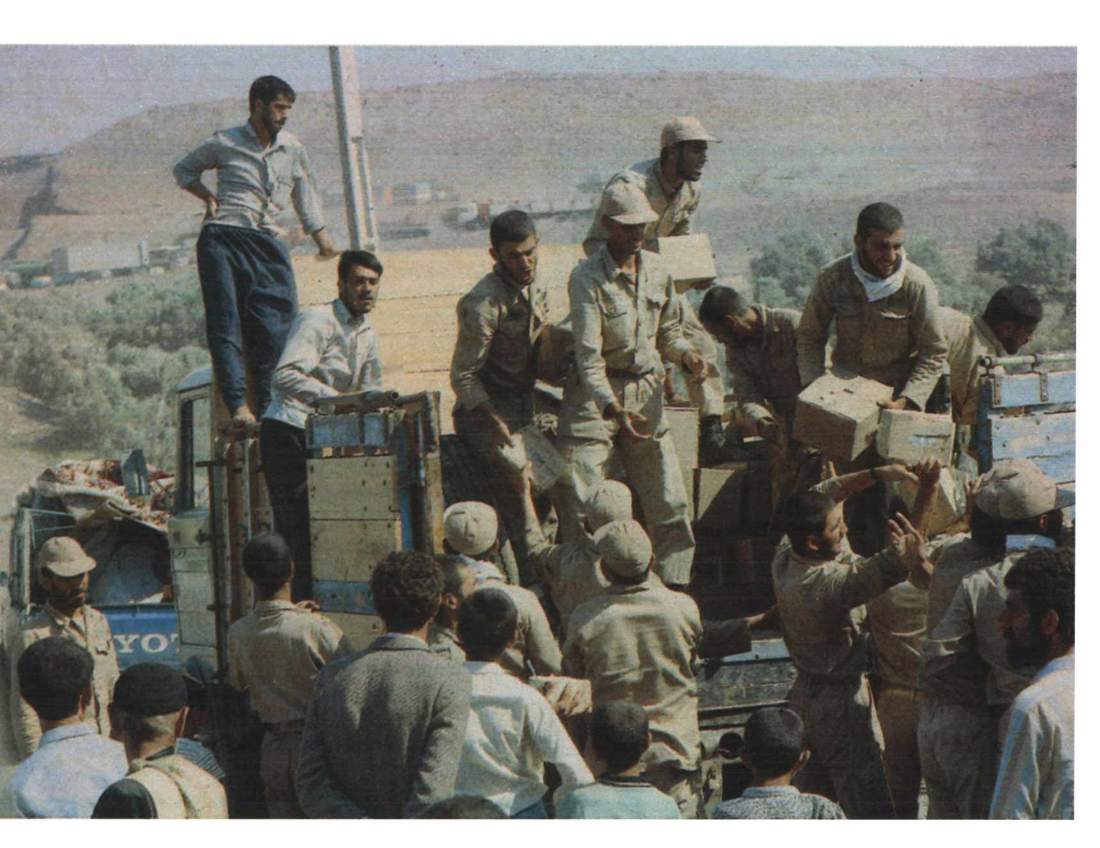
...Иран. 21 июня, 0 часов 30 минут. Роковая черта, за которой — руины разрушенных городов и деревень, десятки тысяч погребенных под развалинами, сотни тысяч оставшихся без крова.

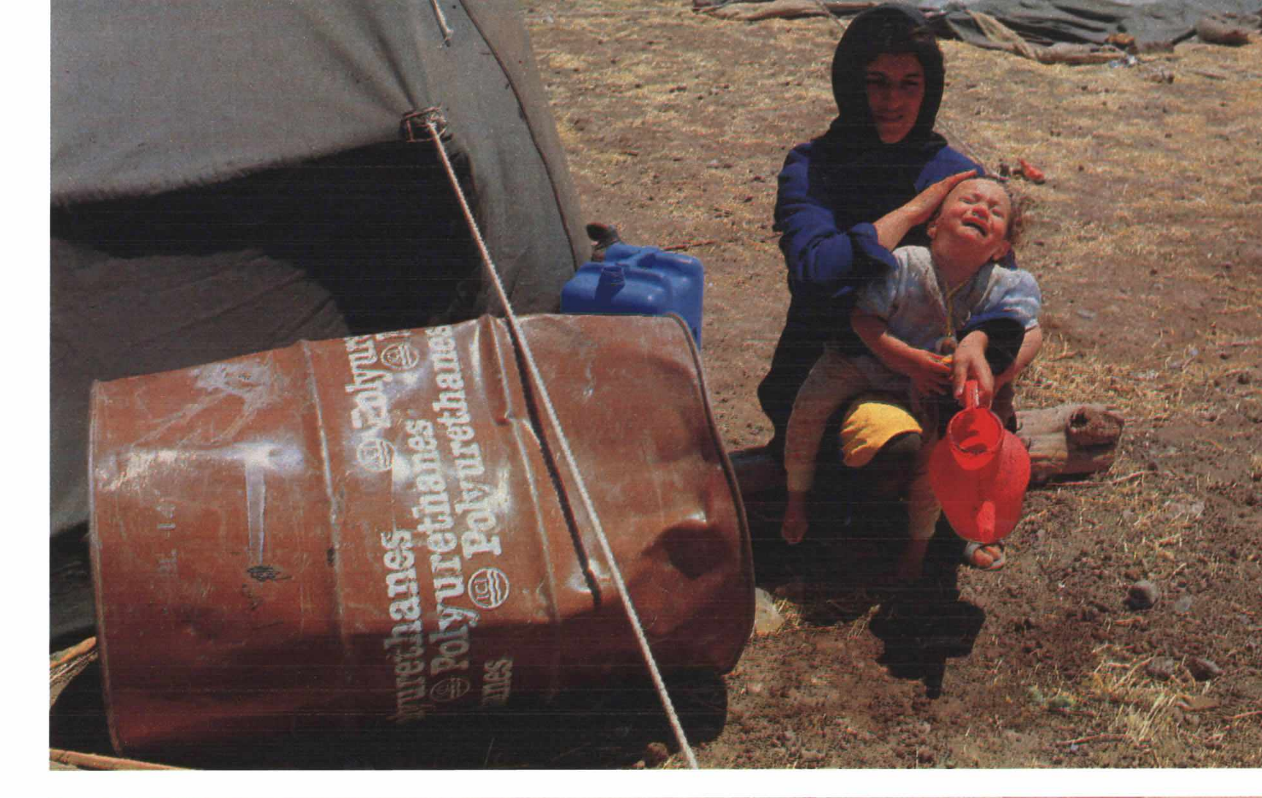
...В тегеранском аэропорту «Мехрабад» включены все телевизоры, по которым каждые полчаса передают последние видеосводки из зоны землетрясения. Солдаты из службы охраны, таможенники вглядываются в экраны, на которых скорбной чередой проплывают кадры очередных разрушений, похорон погибших, страданий выбравшихся из-под обломков. Мы стоим чуть поодаль, разглядывая места трагедии, где нам предстоит еще побывать.

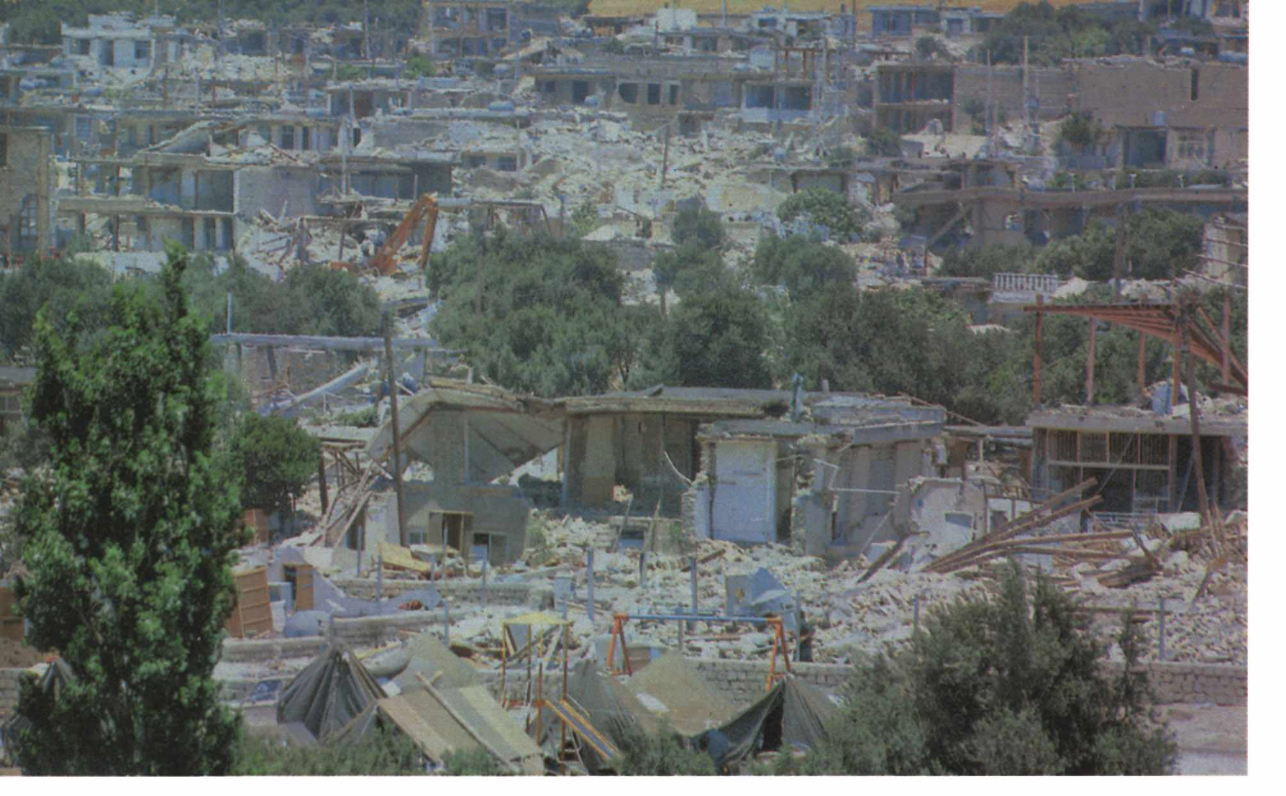
Что-то, наверное, в последнее время действительно произошло, сломалось во всех нас, если смерть и страдания этих, пусть и далеких людей уже не переворачивают душу. Чернобыль, Армения, Уфа, Фергана, Баку — сколько таких ран на наших сердцах, зарубцевавшихся безразличием ко всем, даже самым страшным событиям, происходящим и в стране, и в мире.

Манджил. Название этого небольшого сорокатысячного города станет, наверное, для иранцев таким же нарицательным, как и для нас в свое время Спитак. Непонятно, как и до катастрофы здесь жили люди — 300 дней в году шквальные порывы ветра сотрясали его стены, принося то нестерпимый зной, то ледяную стужу. Ветер сбивает с ног и сейчас, а вот стен нет — в городе не осталось ни одного устоявшего дома. По самым обнадеживающим подсчетам, погибло около трети

Фото Владимира СВАРЦЕВИЧА




Polyurethanes
Polyurethanes



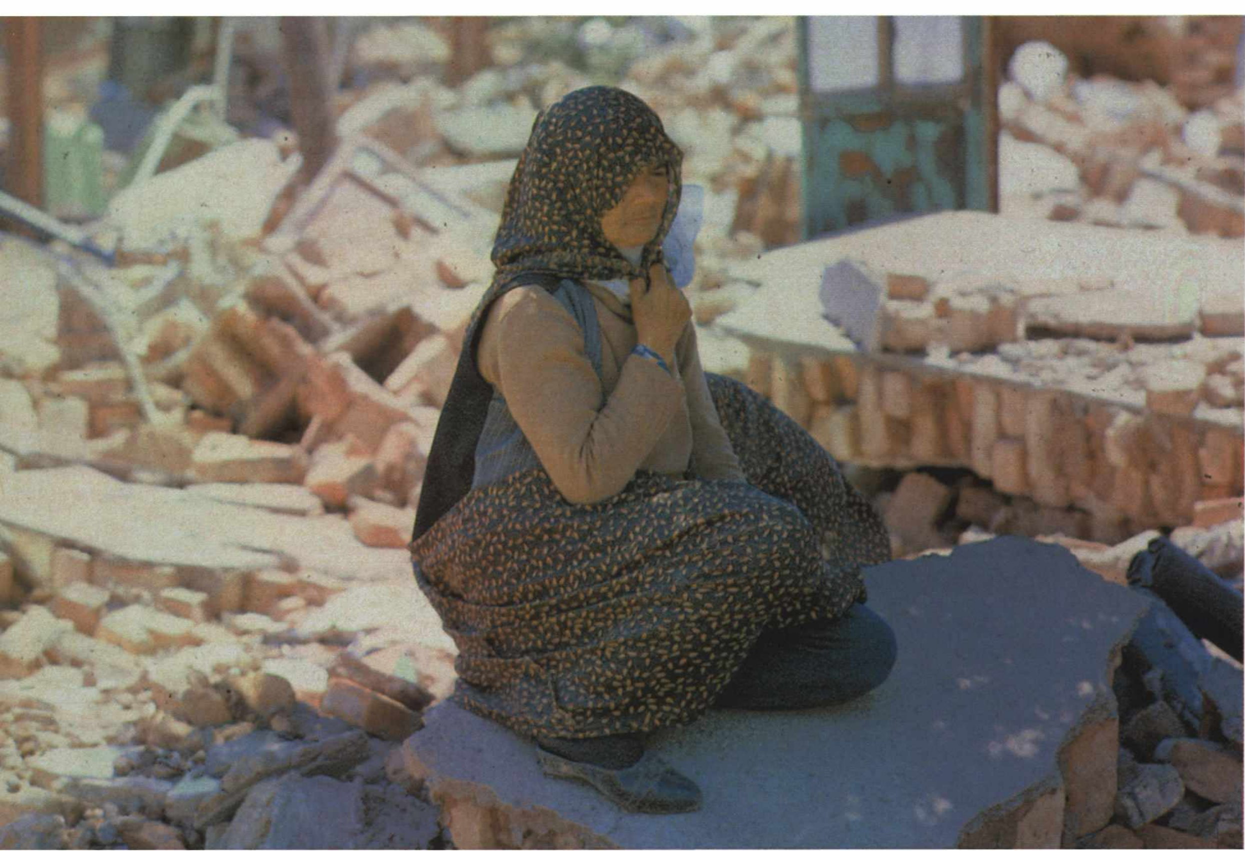
всех жителей. Оставшиеся в живых ютятся в палатках, и сколько им так жить, никто не знает — масштабы случившегося не позволяют надеяться на скорое восстановление.

Повсюду в этом временном палаточном городке встречаешь раненых. Впрочем, в своих страданиях иранцы — стоики, что во многом объясняется религиозным фанатизмом, десятилетие назад поразившим страну. Хозяин одной из палаток, Сатор, потерявший в трагедии сына, мать, отца, двух братьев, сам еле выбравшийся из-под упавшей на него балки, убежденно объясняет:

— Все это кара господня, наказание и испытание нам, сомневающимся...

Тела братьев и матери он так и не нашел среди обломков. Да и найдет ли? В этом месиве из камней, искореженного металла, кусков дерева и глины, в которое превратился город, по-моему, уже невозможно никого отыскать.

Среди десятков палаток возвышаются белые с такими непривычными здесь ярко-красными крестами на бортах фургоны. Это раскинули свой городок уже знакомые нам медики из благотворительных миссий «Врачи мира» и «Врачи без границ». Как и полтора года назад, они прибыли на место трагедии уже спустя несколько часов после катастрофы. Чуть поодаль расположился отряд советских пожарных — спасателей из подмосковного Реутова. Правда, для них всех работы здесь немного. Скованные мусульманскими традициями, иранцы неохотно допускают иноверцев и к живым, и к мертвым.



И все же землетрясение хоть и не сломало, но сильно расшатало эту стену. Еще недавно закрытая страна широко распахнула ворота для прибывающей из-за рубежа помощи, приняла ее даже у тех, кто считался ранее заклятым врагом,— США, Ирака, Великобритании. И «шурави» — советские — вызывают здесь уже не настороженность, а искреннюю благодарность. Господи, неужели нам всем нужны потрясения, чтобы сломать все разделяющие нас барьеры?..

Ф. ИВАНОВ

ПРОШУ СЛОВА!

БОРОТЬСЯ УСТАЛ. УХОЖУ...

Я — из тех, кого называют прирожденным аппаратчиком. Однако в душе моей вызрело решение уйти из Башкирского обкома КПСС. Осталось четыре года до пенсии, и пока ни должности, ни тихой заводи себе не приготовил. Последние два года у меня уши горят от омерзения. Я понял, что был игрушкой в руках людей, не верящих ни во что, спекулировавших на моей вере в незыблемость партийной дисциплины. Впрочем, лучше по порядку...

Перестройка постучалась в Башкирию лишь весной 87-го — громкой статьей правдиста Владимира Прокушева «Преследование — прекратить!». Разумеется, тут же попытались сфальсифицировать опровержение. Не вышло: срочно вылетев в Уфу, группа ответственных работников ЦК партии под руководством Петра Слезко установила, что факты, как говорится, налицо. Я видел, как эти люди работали, скрупулезно изучали документы, подолгу задушевно беседовали с людьми. Они смотрели прямо в глаза и задавали прямые вопросы. Я без утайки рассказал о том, как при полной бесконтрольности со стороны Центра произошла трагическая деформация личности первого секретаря обкома КПСС Шакирова — умный, энергичный человек переродился в заурядного деспота, падкого на лесть, нетерпимого к инакомыслию. Он сметал со своего пути руководителей самостоятельных, имевших неподдельный авторитет. Секретаря Уфимского горкома Сафронова, например, за честное выступление на пленуме упек в тюрьму. На нем-то «самодержец Башкирии» и сломал зуб. Сняли Шакирова, сняли недавно еще преданных, а затем дружно предавших его членов бюро. Это было равносильно революции в нашей автономной республике. Я был рад, я поверил в перестройку!

Поверил и новому составу бюро. Первый секретарь Хабибуллин — человек дела, неискушенный, а значит, и не развращенный партработой. Второй секретарь Кривяков, член той самой цековской комиссии, виделся мне в ореоле взыскательной принципиальности. И заведующего отделом организационно-партийной и кадровой работы Житяева, пригласившего меня своим замом, знал как человека порядочного, и много других грамотных специалистов встретил в аппарате обкома, чьи мысли были созвучны моим. С такими-то людьми и не добить шакировщину?!

Страшно не то, что мы этого не сумели сделать. Страшно, что не попытались. Ни одно решение пленума, на котором был снят Шакиров, не выполнено. В новых условиях, когда общественная жизнь стремительно демократизировалась и на практике являла плюрализм, продолжавшееся грубое администрирование выглядело чудовищным диссонансом. Обком словно жил в ином измерении. На заседаниях бюро первый секретарь, как прораб, старательно делил цемент, металл, трубы, кирпич. Стали было, помимо заведующих, приглашать и замов, но быстро спохватились — не чересчур ли такая гласность? Рядовой аппаратчик должен быть информирован ровно настолько, сколько требует данное ему конкретное задание.

Помню, накануне выборов народных депутатов СССР от КПСС заведующий объяснил мне, что первый секретарь желает видеть в этом качестве рядом с собой штукатура-маляра Зухру Валееву, давно и надежно представлявшую, так сказать, рабочую кость в разнообразных выборных органах. Зухру поручили лично мне. Потребовались усилия, чтобы ее в очередной раз выдвинули в родном строительном тресте. Поздним вечером заведующего информирую: «Все в порядке». Он тут же звонит первому. И я уже знаю, что будет дальше: пленум обкома по предложению Хабибуллина непременно проголосует за Зухру. И потому все происходившее вокруг — бурные дебаты в «первичках», предлагавших свои кандидатуры, районные, городские пленумы — казалось нелепым сном. Как и в былые времена, огромный общественный механизм, не подозревая того, работал вхолостую. А когда на выборах от территорий его не удалось поставить на холостые обороты и десятки предприятий пожелали увидеть в числе депутатов автора нашумевшей статьи в «Правде», весь разветвленный партаппарат по команде первого секретаря принялся, так сказать, дружно сыпать в эту машину песок. Чем не угодил Хабибуллину журналист? А ничем. Наоборот — косвенно привел его к власти. Но он потенциально опасен и потому не должен был пройти в депутаты. В ход пустили все — дезинформацию, подслушивание, тайные встречи. Даже самого муфтия — главу мусульман европейской части страны и Сибири — выдвинули по тому же избирательному округу, уж он-то Прокушева выбьет. Не выбил. Хабибуллин утешился другим: пятикомнатную квартиру — себе, двухкомнатную — дочери в том же обкомовском доме, жене — звание «Заслуженный юрист РСФСР», минуя закон. Под началом этого человека я почувствовал: моими руками пытаются душить перестройку.

Каюсь: я долго противился этой мысли, всякий раз, выполняя «непопулярное» поручение, находил какие-то оправдания. Делал поправку на человеческие слабости, ошибки, наконец, на непреодолимую силу так называемого партактива республики, а по сути мощнейшего клана, состоящего прежде всего из удельных князей, то бишь первых секретарей райкомов и горкомов. При кажущемся кадровом обновлении (треть партийных лидеров была заменена) эта среда продолжала играть решающую роль во всем. Новые кадры выдвигались из нее и с ее одобрения, старые — проштрафившиеся — забирались в аппарат обкома, который с недавних пор зло и метко окрестили кладбищем политических трупов. Интересы клана были очевидны: любой ценой удержать власть. А поскольку она «перетекала» из партийного русла в советское, надо было: а) воспользоваться возможностью совмещения постов, б) истребить на выборах в Советы как можно больше демократов.

Затеянные ради этого аппаратные игры в основном удались: совместители теперь есть чуть не в каждом местном Совете, а из 267 народных депутатов БАССР примерно двести — партийные, советские, хозяйственные руководители. Добиться этого выдающегося результата в нашей республике удалось путем нехитрой сделки, которая тет-а-тет заключалась в кабинете заведующего отделом. Моя задача была такая: каждые полчаса заводить туда очередного первого секретаря райкома или горкома так, чтобы он по возможности не столкнулся со своим предшественником. А предложение каждый раз было одним: мы тебе разрешаем баллотироваться в Верховный Совет Башкирии, а ты поддержи на выборах такие-то кандидатуры.

В чем же заключался секрет моего послушания? Если честно, был сперва страх с волчьим билетом остаться без работы... И потом все ждал: до бесконечности так продолжаться не может. ЦК провозгласил себя инициатором перестройки — где же принципиальность Центра, его борьба с теми, кого Генсек назвал перерожденцами? Но Центр либо глухо молчал, либо выдавал указания, мало чем отличавшиеся от брежневско-сусловских. То, скажем, наш куратор в ЦК КПСС Владимир Попов требовал через полчаса доложить, как в городах и районах Башкирии народ отреагировал на очередную речь Михаила Сергеевича, то диктовал вопросник по выборам в народные депутаты РСФСР, в котором содержалась и такая невинная графа: «Сколько выдвинуто нежелательных кандидатов (число и процент)?».

Несколько месяцев назад у нас побывал секретарь ЦК КПСС Юрий Манаенков. Две-три встречи в избранных аппаратом районах, заранее подготовленные маршруты на предприятия, беседы в полупустых залах, куда приглашали по особым спискам. Вряд ли московский гость не заметил этих игр, но он подыграл хозяевам, благосклонно заявив, что Башкирия — оазис спокойной трудовой жизни, там, дескать, здоровая парторганизация и сильное руководство. А через две недели это «сильное» руководство в полном составе трусливо бежало с политической арены, оставив клану на растерзание своего обидчика — первого секретаря Уфимского горкома партии Рифа Гареева, который осмелился назвать членов бюро обкома политическими банкротами. Гареева обвинили в авантюризме, не избрали в состав обкома, но коммунисты города его отстояли.

На место Хабибуллина посадили бывшего заведующего общим отделом обкома Игоря Горбунова. Давно знаю его. Приятный в общении человек, вполне либеральный и незлобивый, но без четкой позиции и твердой линии. И это более всего устраивает аппарат, прибирающий к своим рукам — не без демагогии о демократии — все большую власть. Ах, как бы кстати была в этот сложнейший момент помощь памятной цековской комиссии, так напугавшей шакировцев и так обнадежившей реформаторов... Но она будто сквозь землю провалилась. Выходит, тогда, три года назад, эти люди, блеснув принципиальностью, всего лишь выполнили чью-то краткосрочную установку? Выходит, коренные перемены в башкирской парторганизации не входили и не входят в планы Центра? Только ли в башкирской?

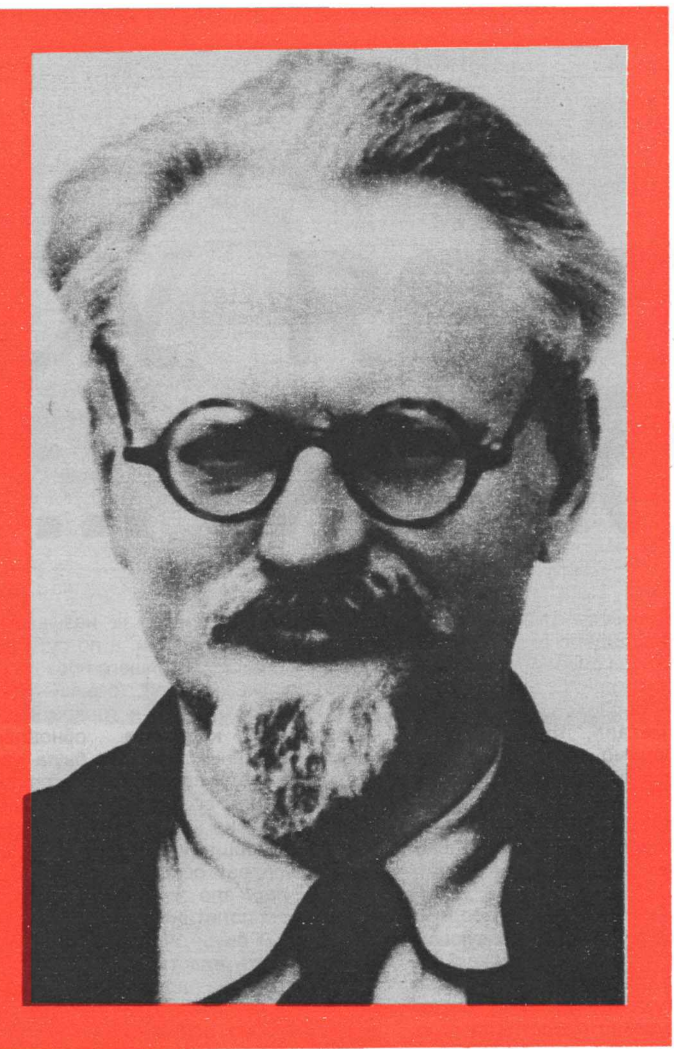
Что же получается? Хабибуллин развенчан, как и Шакиров. Досрочно отправлен на персональную пенсию, благополучно строит дачу. Не взыскано. Как и с Шакирова. Где же искать опору? Уж не у тех ли «стопроцентных» коммунистов, которых обком протолкнул на российскую партконференцию и XXVIII съезд? Не у Ивана ли Кузьмича Полозкова, которому Башкирия обязана несколькими тысячами партбилетов, в одночасье выложенных на стол?

Может, и я бы, несмотря на тридцатилетний партстаж, сделал то же, но обидно: стоит ли того партаппарат, который вошел в штопор и, повторяя витки, мельчает, деградирует? В конце концов среди рядовых коммунистов уйма замечательных людей, я с ними — пусть партократы выходят сами из партии.

Юлий МАРКОВ,
бывший заместитель заведующего орготделом Башкирского обкома КПСС

Уфа

Об убийстве Льва Троцкого существует огромная литература. На Западе вышли десятки исследований, воспоминаний и сборников документов, связанных с пребыванием Троцкого в Мексике. Документальная повесть Юрия Папорова — первая попытка рассказать эту историю нашим соотечественникам. Автор основывается на материалах, собранных им в 50-е годы, когда он работал в Мексике в качестве культурного атташе, встречался и дружил с непосредственными участниками тех событий. Свидетельство Ю. Папорова освещает много темных, непонятных сторон этого «убийства века». Не случайно одно из мексиканских издательств заинтересовалось повестью.



ПОКУШЕНИЕ НА ТРОЦКОГО

Юрий ПАПОРОВ

Часть 1

Была ночь... Дождь низвергался водопадом. Ближе к четырем часам утра совершенно высветлило.

Она шла, покачивая бедрами. Он ждал ее и покинул пост. Жаркие объятия и поцелуи слышали и видели те, чьи руки тут же оторвали его от тела женщины, зажали рот, перехватили веревкой локти, завели их за спину.

Остальные полицейские, находившиеся в будке на углу улиц Вена и Морелос, откуда осуществлялась наружная охрана обнесенного высокой стеной дома напротив, увидев людей, которыми командовал лейтенант-пехотинец, и услышав приказ: «Руки вверх, сучьи дети!», не успели оказать сопротивления, быстро были обезоружены, связаны и оставлены под охраной двух вооруженных в штатском.

Военные и полицейские — группа около двадцати человек под командой пехотного майора — приблизились к воротам, и майор нажал на кнопку звонка. Почти тут же за воротами послышался голос: «Кто там?» Один из пришедших ответил, и дверь в воротах отворилась. Расположение дома им было известно до мельчайших подробностей, хотя никто из них прежде в нем не бывал, каждый знал, что ему следовало делать.

Спальня... Там, на широкой кровати, укрывшись с головой легкими одеялами, лежали два разбуженных выстрелами человека. Появившиеся у открытого окна снаружи и в дверях, ведущих в спальню и детскую, чужие люди принялись стрелять по укрывшимся под одеялами из автоматического оружия. Было выпущено множество пуль. Этот поток свинцового дождя не вызвал у пришельцев ни малейшего сомнения — те, кто до их прихода спал сном праведников, теперь уже спят вечным сном.

Можно и надо было уходить, и майор — плотный, умевший носить форму и командовать твердым голосом, в котором ликование било через край,— отдал короткий приказ.

Стрельба прекратилась. Нападавшие заспешили оставить двор. Ворота распахнулись, и две автомашины — старый «форд» и новый «додж», стоявшие внутри двора и теперь битком набитые нападавшими, вместе с охранником, впустившим их в дом, помчались прочь, обдавая тротуары брызгами и жидкой грязью.

За рулем «доджа» сидел Роберт Шелдон Харт — охранник дома, в котором летом 1940 года проживал Л. Д. Троцкий, один из вождей Октябрьской революции, председатель РВС РСФСР, организатор Красной Армии, ближайший соратник Ленина.

Остальные, как и люди в штатском, охранявшие разоруженных полицейских, мгновенно растворились в ночи.

Вскоре «форд» застрял в грязи и был брошен, а управляемый Шелдоном «додж», в котором находились «главный», «майор» и его подчиненные, долго петлял по улицам спавшего Мехико, выкидывая из себя на перекрестках то одного, то другого пассажира.

Потом был ресторан... «Майор», уже в штатском, без темных очков и прежде приклеенных усов, сидел за столом напротив того, кто час назад был «лейтенантом» и кого звали художник Антонио Пухоль. Их компанию разделял еще один живописец, Луис Ареналь. Бражничавшие поднимали одну рюмку текилы за другой. Шутили:

— Давид, теперь ты станешь генералом! — смеялся Луис.

— А тебе дадут народного художника,— парировал Давид.

— Я попрошу.— Антонио облизнул губы,— чтобы меня на год взяли к себе. О, там у них отличные бабы!

Градусы текилы, крепкого кактусового напитка, хмелили головы и души, переполненные радостью одержанной победы и тем, что мы называем предвкушением славы.

Но... в шесть утра включилось радио, и первыми словами диктора были: «Два часа назад группа неизвестных совершила нападение на дом, в котором правительство Мексики предоставило убежище Льву Троцкому. Нападавшие выпустили из автоматического оружия более трехсот пуль. Однако никто из находившихся в доме не пострадал. Троцкий и его жена живы! Они не стали жертвами злоумышленников. Полиция ведет расследование!»...

Изложенное выше, с полным на то основанием, я мог бы закавычить, поскольку дословно слышал все это из уст известного мексиканского художника Давида Альфаро Сикейроса в июне 1957 года. Проживая и работая в ту пору в Мексике, с Сикейросом я был хорошо знаком. Мы часто виделись в самых различных ситуациях на протяжении более трех лет. Но только в июне 1957 года он сам, по собственной инициативе, заговорил об этой странице своей биографии. Почему? Читатель узнает об этом чуть позднее. Сейчас же я попытаюсь свести воедино исследования разных авторов, свидетельства очевидцев, газетные публикации и архивные документы, прежде всего материалы следственных дел, с тем чтобы сообщить читателю, как вошло в историю Мексики «событие в Койоакане в ночь с 23 на 24 мая 1940 года». Ряд текстов, в оригинале написанных на русском, в этом повествовании будет являться переводами с испанского и английского языков.

Полковника Леандро Санчеса Саласара, начальника тайной полиции Мексики, разбудили телефонным звонком. Через полчаса он был на месте преступления, казавшегося невероятным и не сулившего тайной полиции абсолютно ничего приятного.

Опросив продолжавших находиться без оружия полицейских, полковник Санчес Саласар и его помощники направились к воротам дома. Калитка приоткрылась ровно настолько, чтобы в щель можно было разглядеть лица звонивших и сквозь нее получить предъявленные ими удостоверения.

— Что здесь произошло, сеньоры? — спросил начальник тайной полиции у сгрудившихся вокруг него секретарей Троцкого и охранников его дома.

Молодые лица их были спокойны, каждый в руках держал оружие.

— Они убили дона Леона?

— Нет, полковник!

— Есть другие убитые или раненые в доме?

— Нет, полковник! Однако лучше вы сами поговорите с Троцким.

Полицейские чины переглянулись.

Уже рассвело. Сева, четырнадцатилетний внук Троцкого, недавно прибывший из Парижа в Мексику, играл на лестнице. У него была перевязана левая нога.

— Что с ним? — спросил полковник.

— Ничего серьезного. Пуля слегка оцарапала кожу,— ответил один из секретарей.

Прибыл генерал Нуньес, начальник полиции Мексики, и они с полковником вошли в спальню, где в халатах, накинутых поверх пижам, их встретили Троцкий и его жена Наталья Седова. Оба «пострадавшие» сохраняли совершенное спокойствие, словно бы в доме ничего не произошло, а их собственные жизни только что не подвергались смертельной опасности. Троцкий улыбался светлыми глазами из-под нависавших над ними лохматых бровей сквозь стекла очков в черепаховой оправе. Это еще больше настораживало. И добродушное лицо хозяйки, обрамленное аккуратно причесанными белокурыми с пепельным оттенком волосами, некогда, должно быть, красивое, сохранявшее и сейчас признаки нежного, кроткого характера, было поразительно спокойным.

Полковник стал размышлять: «Жизнь, которую они ведут, лишила их страха? Уже ничто не может вызвать в них волнения? Или это... хорошо разыгранное нападение? Русский политэмигрант желает привлечь к себе внимание и бросить тень на своих врагов?»

Троцкий пригласил полицейских в кабинет, усадил на стулья и на хорошем испанском языке сообщил:

— Наталья и я крепко спали. Наша комната находится, как вы заметили, между кабинетом и детской. Внезапно нас разбудили звуки выстрелов. Поначалу мне показалось, что это разрывались ракеты и петарды по случаю очередного религиозного праздника. Нет! То были выстрелы из огнестрельного оружия. Мы тут же оставили нашу постель, и Наталья увлекла меня с собой в дальний угол, вынудила лечь на пол, и тут послышался крик внука: «Дедушка!» Наталья замерла. Она еще стояла некоторое время, заслоняя меня собою, пока я не потребовал, чтобы она легла на пол. Это и спасло нас обоих. Выстрелы, направленные на нашу постель, производились со стороны дверей комнаты Севы, кабинета и открытого окна нашей спальни. Это был смертельный для нас перекрестный огонь. Мы лежали в углу без движения. Когда стрельба прекратилась и нападавшие покинули дом, мы обнаружили у дверей спальни оставленную там зажигательную бомбу. Однако нас больше беспокоила жизнь мальчика...

Полковник слушал и дивился самообладанию говорившего: «В чем причина столь превосходного владения собой?»

— Полагаю, что нас атаковало не менее двадцати человек с автоматами. Конечно, они были уверены, что покончили с нами. Так должно было случиться...

Более того, убегая, нападавшие разбросали зажигательные устройства, желая поджечь дом. Другого смысла не вижу.

— Вы считаете, затем, чтобы замести следы, дон Леон? — спросил полковник, стараясь голосом не выдать своих сомнений.

— Естественно! Но еще и затем, чтобы ликвидировать архивы. В Париже им удалось вскрыть сейф и уничтожить семьдесят шесть килограммов бумаг. Сейчас, более чем когда-либо, эти люди заинтересованы в уничтожении моих архивов. Все знают и, конечно же, НКВД, что в настоящее время я работаю над биографией Сталина. Для этой работы я располагаю несравненными документами. Потому они и прихватили с собой бомбы!

Полковник слушал и думал: «Около двадцати человек, выпущено две с половиной сотни пуль, семьдесят три из них в спальне, а результатов никаких».

— Нас прежде всего беспокоила судьба Севы. Его похитили? Мы сразу бросились к нему. Оказалось, что и он не потерял хладнокровия. Проснувшись, как и мы, от выстрелов, он позвал на помощь, но тут же сообразил забраться под кровать и там его лишь слегка задела одна пуля. Тут же нас окружили мои помощники и охранники. Мы обнаружили, что ни одна из дверей не была взломана. Возник вопрос: как могли эти люди оказаться внутри дома? Вскоре стало известно, что исчез Боб Шелдон. Нападавшие увели его силой.

— Вы подозреваете кого-либо, кто мог руководить этим покушением на вас, дон Леон? — спросил полковник.

— Как? Вы еще спрашиваете? У меня нет абсолютно никакого сомнения! — взволнованно заявил хозяин дома.— Прошу вас на секунду, полковник.

Генерал Нуньес, убедившись, что Троцкий жив, откланялся и удалился, чтобы лично доложить президенту Мексики Ласаро Карденасу о покушении. Хозяин дома доверчиво положил руку на плечо полковника и провел его во двор, к клеткам кроликов. Там Троцкий огляделся и зашептал полицейскому:

— Организовал покушение Иосиф Сталин. Он действовал средствами НКВД. Сталин! Он зачинщик покушения. Разве вы не читали? Я совсем недавно писал, что авторы кампании против меня, раздуваемой в прессе, уже готовы сменить перья на пулеметы.

Полковника Санчеса Саласара охватили еще большие сомнения. Он ожидал услышать имя человека, который бы находился в поле деятельности полиции Мексики, а тут... Идея «самопокушения» после этих слов Троцкого казалась еще более реальной.

— Опросите местных сталинистов! Задержите наиболее видных из них, и вы очень скоро обнаружите исполнителей.

Полковник подумал: «Дон Леон желает направить меня по ложному пути. Нет, меня ему не сбить!»,— и обратился с одним вопросом ко всем: начальнику внутренней охраны Гарольду Робинсу, секретарям и охранникам — немцу Отто Шуисслеру, англичанину Вальтеру Керлею и просто охранникам Чарлзу Корнеллу и Жаку Куперу.

— Кто нес охрану ворот и калитки в момент нападения?

— Роберт Шелдон Харт.

— И он исчез с нападавшими! Его увезли или он сам уехал?

Мнение всех, и прежде всего Троцкого, было единым: «Боб не мог быть соучастником покушавшихся!»

В доме, кроме упомянутых выше лиц, находились повариха, служанка и садовник — все трое мексиканцы, а также гостившие Альфред и Маргерит Розмеры, давние — со времен, предшествующих первой мировой войне,— друзья семьи Троцких. Альфред Розмер, писатель и журналист, являлся одним из основателей Французской компартии и Коминтерна, а последние двадцать лет — одним из наиболее верных последователей Троцкого. Они с женой привезли с собой в Мексику Севу и вскоре собирались отправиться в Нью-Йорк.

— Почему никто из внутренней охраны даже не попытался стать на защиту Троцкого? — спросил Санчес Саласар.

— Я только было собрался стрелять в нападавших, как после первой же очереди заклинило затвор ручного пулемета,— заявил Отто Шуисслер.

Остальные пояснили, что не успели, поскольку события развивались с необыкновенной быстротой, нападавших было много и их действия были четко организованы.

Полковник отвел в сторону своих ближайших помощников, заместителя Симона Эстраду и начальника управления агентами — офицерами секретной службы Хесуса Галиндо. Оба они думали одинаково, точно так же, как и Санчес Саласар. Полиция имела дело с хорошо организованной симуляцией вооруженного нападения.

К этому времени специалисты тщательно осмотрели все системы защиты дома и пришли к заключению, что опытный революционер, очевидно, хорошо знавший силу и возможности своих врагов, их методы и их ненависть к нему, учел все до мельчайших деталей в организации защиты, и это делало его дом действительно крепостью.

Отто Шуисслер, который по графику обязан был дежурить ночью вместе с Шелдоном, пояснил:

— Трудно сказать сейчас, как это произошло. Должно быть, Боб узнал или принял за друга дома того, кто звонил... Только сам Боб может пояснить.

— В четыре часа утра? В это время сеньор Троцкий принимает гостей? — спросил полковник.

— Отыщется Боб, он расскажет.

— У кого находились ключи от автомашин?

— Мы всегда оставляли их в авто. Специально, на случай опасности.

— Однако нападавшие сами не могли и не должны были знать этой подробности. Как могло прийти им в голову воспользоваться машинами именно «на случай опасности»?

Не получив ответа, полковник пообещал держать дона Леона Троцкого в курсе дальнейшего расследования дела и отправился к себе в офис. Однако прежде Санчес Саласар разослал в разные стороны от дома, расположенного на улице Вена, своих людей на поиски улик.

Улица Вена... Дом Троцкого...

О наличии улицы, названной в честь столицы Австрии, в Койоакане, пригороде Мехико, тогда уже входившем «колонией» (районом) в черту города, я узнал чуть более года спустя после приезда на работу в советское посольство.

Мы с третьим секретарем посольства Евгением Поповым направлялись в киностудию «Чурубуско», проскочили нужный поворот и петляли в поисках верной дороги. Помню, я свернул с улицы Лондона на улицу Морелоса и уже было проехал перекресток с улицей Берлин, как услышал истошный крик приятеля:

— Стоп! Назад! Скорее назад! Разворачивайся!

Не видя препятствия и какой-либо веской причины, я все же повиновался. Резко затормозив, я быстро подал назад и повел машину вверх по улице Берлин. Евгений Михайлович сидел сжавшись и молчал.

Проехав с квартал, я вопросительно поглядел на Попова. Он с трудом улыбнулся.

— Давай! Давай! — И еще через несколько секунд: — Мы чуть не вляпались! Понимаешь? Там впереди, на углу улицы Вена, дом Троцкого!

Еще не было XX съезда КПСС, я же был исправным советским гражданином, в достаточной степени вымуштрованным «порядками», бытовавшими в те времена в советских посольствах, поскольку имел четырехгодичный опыт работы в другой латиноамериканской стране. И все же!.. В душе зашевелилось то, что было запрятано, загнано вглубь... Оно запротестовало: «Какого черта? Это же дикий бред! Абсурд! Что, изменю Родине, случайно проехав мимо бывшего дома Троцкого? Дома, в котором он не живет уже пятнадцать лет. В чем дело?.. Правда, а отчего это я до сих пор даже не слышал ни от кого в посольстве о существовании дома Троцкого, столь опасного для гренадера, силача, доброго бражника, не трепетавшего даже перед послом, каким был Евгений Попов.

Но вернемся в кабинет начальника тайной полиции Мексики. Там очень скоро после возвращения его из дома Троцкого уже лежали на столе морская веревочная лестница с деревянными перекладинами, железная балка, ножницы для резки колючей проволоки, электрическая пила, инструмент, которым обычно пользуются мексиканские жулики для взлома дверей, маузеры, отобранные у наружных полицейских охранников, большое количество патронов 45-го калибра и целый диск от пулемета Томпсона.

Был обнаружен и брошенный «додж». В салоне его в беспорядке валялись одежда полицейских, два полных патронташа с патронами 38-го калибра и кинжал в ножнах. Версия Санчеса Саласара и его помощников была несколько поколеблена. Кто же были нападавшие? Действительно люди, направленные Сталиным, или, быть может, политические враги президента Карденаса? В стране проходила горячая предвыборная кампания. Полковник рассуждал, но не желал отказываться от первой версии.

— Похоже, нападавших действительно было не менее двадцати,— говорил он своим помощникам.— В таком случае разгадка наступит скоро. Однако настоящих подстрекателей и организаторов мы вряд ли отыщем. Если прав Троцкий, в этом случае мы имеем дело с НКВД, превосходно действующей организацией. Троцкий не желает слышать о соучастии Боба, а полицейские видели, что он убегал с ними. Его не увозили. Сержант, командовавший группой охранников, настаивает, что без участия кого-либо из своих в дом войти было совершенно невозможно. Он твердит одно и то же: почему Боб открыл двери, а потом и ворота, когда внутрь не пускают даже хорошо знакомых им полицейских? Да еще в четыре часа утра?

— И повариха утверждает, что видела, как Шуисслер, едва началась стрельба, выскочил из своей спальни в пижаме, с револьвером в руке. Она полагает, что потом он отсиделся на кухне. Почему не стрелял? — заметил Галиндо.

— Арестуйте Шуисслера и Корнелла, доставьте сюда,— неожиданно распорядился полковник и залпом осушил стакан воды с соком лимона.

Через час Корнелл объяснял, что он проснулся, хотел было взять оружие, но услышал, как кто-то сказал по-английски: «Спокойно, не высовывайся, и с тобой ничего не случится!» Затем Корнелл вспомнил, что накануне отдал свой револьвер Гарольду Робинсу — такое прежде часто случалось. Когда Корнелл хотел было выйти из комнаты, он услышал голос Гарольда: «Нагни голову! Они не должны тебя видеть!» Не обращая внимания на команду, Корнелл натянул на очень светлую пижаму темные брюки и рубаху, схватил винтовку и уже потянул на себя дверь, как услышал приказ Гарольда: «Не высовывайся, Чарлз! Боже мой! Нагни голову!»

Полковник понял, что этот приказ старшего товарища спас жизнь Корнелла. Однако, как только в поле зрения охранника показалась фигура неизвестного, он выстрелил, но промахнулся и тут же увидел, как из своей комнаты выскочил Отто Шуисслер.

— Корнелл, вам не кажется подозрительным исчезновение Боба? — спросил полковник.— Вы продолжаете верить, что он не виноват?

— Абсолютно! Пока не будет доказано, мы в это не поверим!

Тут полковнику доставили в кабинет новую важную информацию. Электрическую пилу в магазине «Наследники В. Клемента» приобрел хорошо одетый человек, подъезжавший к магазину на огромной черной машине с номерным знаком города Нью-Йорка. Это означало, что в деле подготовки, а возможно, и в нападении участвовали иностранцы.

На следующий день стало известно, что президент Карденас поддержал протест Троцкого против полиции, намеревавшейся обвинить в нападении известного художника Диего Риверу и арестовавшей Корнелла и Шуисслера. Последних пришлось отпустить. Тут же полковнику подали письмо от Троцкого, в котором тот возлагал ответственность за нападение на руководителя мексиканских профсоюзов Висенте Ломбардо Толедано и вождей Мексиканской компартии, проводивших до этого против Троцкого широкую кампанию в прессе. Письмо заканчивалось словами: «До настоящего момента я молчал, не желая мешать ходу расследования. Однако, видя направление, которое ему придается, я оставляю за собой право прибегнуть к помощи мексиканского и международного общественного мнения».

Троцкий знал, на какие пружины следовало нажимать. Пресса буйствовала, преподнося читателям разного рода сенсации, полные измышлений, что серьезно мешало работе полиции.

Полковник отправился на встречу с Троцким и после нее полностью отказался от прежней своей версии «самонападения». Однако печать, газеты и журналы, контролируемые МКП, раздували эту версию как могли. И полковник после встречи с Троцким вдруг ясно увидел в этом желание отвести от себя всякие подозрения.

Неделю спустя после нападения пострадавший направил прокурору Республики пространное письмо. В нем Троцкий сообщал, что, отвечая на вопросы репортеров, он обращал особое внимание прокурора Мексики на причастность к делу Сталина, как на единственное ответственное за нападение лицо, однако эту часть его заявления кто-то преднамеренно изъял. Далее Троцкий ставил в известность прокурора о методах ГПУ, рассказывал, как, по его убеждению, был ликвидирован агентами целый ряд политических деятелей и бывших работников ГПУ, его сын Лев Львович Седов, просил в расследовании не сбрасывать со счетов и агентов гестапо — секретной полиции Гитлера, поскольку, по мнению Троцкого, она работала с ГПУ по методу сообщающихся сосудов. Известный политэмигрант обрушивался на Ломбардо Толедано и руководителей МКП и позволял себе думать, что им, «как и Давиду Альфаро Сикейросу, убежденному сталинисту, должна быть известна личность представителя ГПУ в Мексике». Одновременно Троцкий защищал арестованных полковником Санчесом Саласаром по подозрению в соучастии сержанта и с ним пяти полицейских-охранников, утверждая, что не верит в возможность их вербовки агентами ГПУ, «хотя эта организация, как никакая другая, располагает набором средств, чтобы любого уговорить, заставить, подкупить».

В пору моего пребывания в Мексике многие во время дружеских бесед заговаривали о Троцком и особенно о его убийце, отсиживавшем свой срок

в тюрьме «Лекумбери». Бывало, и журналисты, надеясь на мою раскрепощенность, нетрадиционную для сотрудников посольства, с упорством, достойным лучших тореро, наваливались на меня, чаще в конце приемов или встреч с выпивкой. В основном их интересовало, кто в посольстве и каким образом передает крупные суммы денег заключенному № 2 главной тюрьмы страны. Тот, как и узник № 1,— известнейший гангстер, мастер разных темных и мокрых делишек, многие годы «снимал» в тюрьме «Лекумбери» роскошный отдельный «номер» со всеми удобствами. Мягкая двуспальная кровать, собственная библиотека, радиоприемник и даже новинка — телевизор, особая кухня... и двухразовое в неделю посещение в «номере» при закрытом глазке жены — женщины, ставшей женой узника № 2 уже во время его пребывания в заключении. Все это, так считали мексиканские журналисты, «не могло быть без денег».

Постоянно отрицая возможность передачи денег в «Лекумбери» кем-либо из посольства, я сам, конечно же, знал, что деньги попадали в руки владельца второго номера не с неба, как манна людям пророка Моисея...

Полковник Санчес Саласар в те дни с трудом мог работать. Большая часть его сил уходила на оборону. «Событие в Койоакане» всколыхнуло мировое общественное мнение, серьезное беспокойство начали проявлять и дипломаты. Троцкий же от слов перешел к делу. Он наводнял прессу сообщениями и заявлениями, претендуя на роль оракула и духовного руководителя расследования. Мексиканская компартия сделала официальное заявление с требованием к полиции должным образом вести дело и обвиняла в покушении на Троцкого местную реакцию, бывших владельцев экспроприированных нефтяных компаний и североамериканский империализм. МКП заявляла, что покушение на жизнь Троцкого — это провокация против Мексики, и требовала изгнания Троцкого из страны.

Усилия следствия не приносили желаемых результатов, работа шла впустую. Наконец, случайно, когда один из агентов, решив подкрепиться, зашел в бар, находившийся неподалеку от помещения тайной полиции, он там услышал разговор за соседним столиком. Говоривший сообщал собеседникам, что следователь района Такубайи совсем недавно предоставлял кому-то на время три комплекта полицейской формы.

Агент выскочил из бара и помчался к шефу.

Буквально через полчаса следователь района Такубайи предстал перед полковником.

— Вы занимаете официальный пост и обязаны помогать правительству. Не верю, чтобы вам не было известно, зачем я вызвал вас сюда. Так что прошу рассказать мне всю правду! Если вы назовете мне имя человека, которому оказали услугу, даю вам честное слово, слово солдата, а не полицейского, я не причиню вам никакой неприятности.

— В это дело я оказался замешан против своей воли. Семнадцатого мая меня навестил приятель Луис Матео Мартинес и просил дать ему на время три комплекта полицейской формы. Он и его друзья узнали, что противники генерала Карденаса имеют склад оружия. Они хотели в этом убедиться, чтобы затем сообщить властям. Поначалу я было согласился, но, к счастью, в тот день на месте не оказалось каптенармуса. Однако, подумав хорошенько, на следующей встрече я отказал моему приятелю в содействии.

— Вы хотите сказать, что не передали ему полицейской формы?

— Да, мой полковник! Теперь вижу, что я поступил правильно.

Уже через два часа полковник допрашивал учителя, члена МКП, который вопреки ожиданиям Санчеса Саласара не стал ничего скрывать. Луис Матео Мартинес тут же сообщил, что хотел заполучить полицейскую форму для Давида Серрано Андонеги, бывшего майора, участника войны в Испании.

В девять часов вечера полиция ворвалась в дом, где проживал Серрано Андонеги, арестовала его и прихватила с собой достаточное количество различных документов. По ним Серрано Андонеги являлся давним и активным членом МКП, входил в состав ее ЦК. Среди его бумаг был обнаружен конверт со штампом «Отель Мажестик», адресованный капитану Нестору Санчесу Эрнандесу, проживавшему на авениде Гватемала в доме № 54. Там полицейские агенты получили сведения о том, что Нестор Санчес Эрнандес, в прошлом капитан испанской республиканской армии, некоторое время назад проживал в этом доме вместе с другими испанскими эмигрантами. Полковнику стало ясно, что нападение на Троцкого совершили в основном участники недавней войны в Испании.

Агентов заинтересовал и другой адрес: улица Коррехидора, дом № 101, где работал привратником и проживал дядя капитана Санчеса.

Полковник сам направился туда и быстро нашел оставленный племянником на хранение запертый на замок чемодан. В нем оказались комплект полицейской формы со значком 7-й роты, пистолет системы «Стар», находившийся на вооружении полиции и явно отобранный на улице Вена у наружных охранников.

Через два дня агенты, дежурившие круглые сутки у дома № 101, задержали и самого бывшего капитана. На допросе он не признал свою принадлежность к компартии.

— Тогда по какой причине вы приняли участие в нападении на Троцкого? — в лоб спросил полковник.

— По причине дружбы с Давидом Альфаро Сикейросом.

— Ага! Значит, и Давид Альфаро Сикейрос...

— Он был организатором и прямым руководителем. Мы познакомились с Давидом в Париже во время Гражданской войны в Испании, а в конце апреля он предложил мне принять участие «в деле огромной важности».

— И вы станете утверждать, что не поинтересовались, о чем шла речь? — с ухмылкой спросил полковник.

— Да! Я сразу согласился. Во-первых, потому как имел революционное прошлое, а во-вторых,— обожаю опасность и сильные ощущения. Конечно, вскоре я узнал, что речь шла о Троцком, что на карту поставлена его жизнь. Он ведь был заклятым контрреволюционером! Опасным! Врагом номер один русской революции, а значит, и мексиканской...

— Выходит, Сикейрос, а не иностранцы, руководил покушением?

— Я их не видел, однако думаю, что настоящие организаторы и руководители специально для этого приезжали в Мехико. Давид постоянно встречался со странными людьми, когда надо было что-либо решать. Сикейрос был инструментом в их руках.

Далее, ничего не утаивая, бывший капитан Санчес подробно рассказал о том, как готовилось нападение на дом Троцкого, что один из активных его участников, Антонио Пуходь, вошел в дом с ручным пулеметом в руках. Из признаний Санчеса полковник понял, что в группе мексиканцев и испанцев были еще и кубинцы, и люди, говорившие по-испански с акцентом.

— Вы утверждаете, что ворота дома тут же открылись. Кто их открыл?

— Теперь я знаю, это был Шелдон. По пути к дому в Койоакане Сикейрос еще раз заверил нас, что все получится самым лучшим образом, потому как один из «пистолеро» Троцкого заодно с нами. Позже я узнал: он говорил о Шелдоне. Я остался караулить разоруженных полицейских. Стрельба началась сразу, как только Сикейрос и остальные вошли во двор. Я подумал еще: «Зачем так сразу?» Стреляли всего несколько минут. Затем ворота распахнулись, и из них выехало два автомобиля. Из одного выскочил человек, похожий на француза или еврея, и приказал нам обоим сесть в машину. Ее вел Шелдон. Он все время требовал от дававшего ему указания «француза» говорить с ним по-английски. Этот «француз» за каждым углом заставлял нас по одному выходить из машины.

— Хорошо! Мне очень важно знать, насколько вы убеждены в соучастии Шелдона,— сказал полковник, и капитан с готовностью ответил:

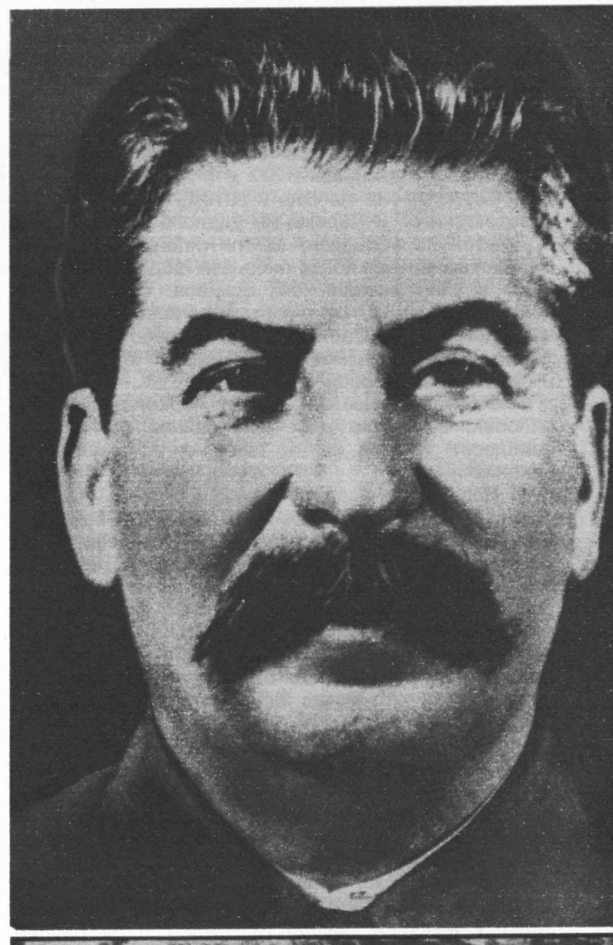
— Я абсолютно в этом убежден! Нападение было совершено, именно когда он дежурил. Он без звука впустил нападавших. Его, это точно, подкупил французский еврей. Сомнений нет, они были прежде знакомы. Чувствовалось, что они доверяют друг другу.

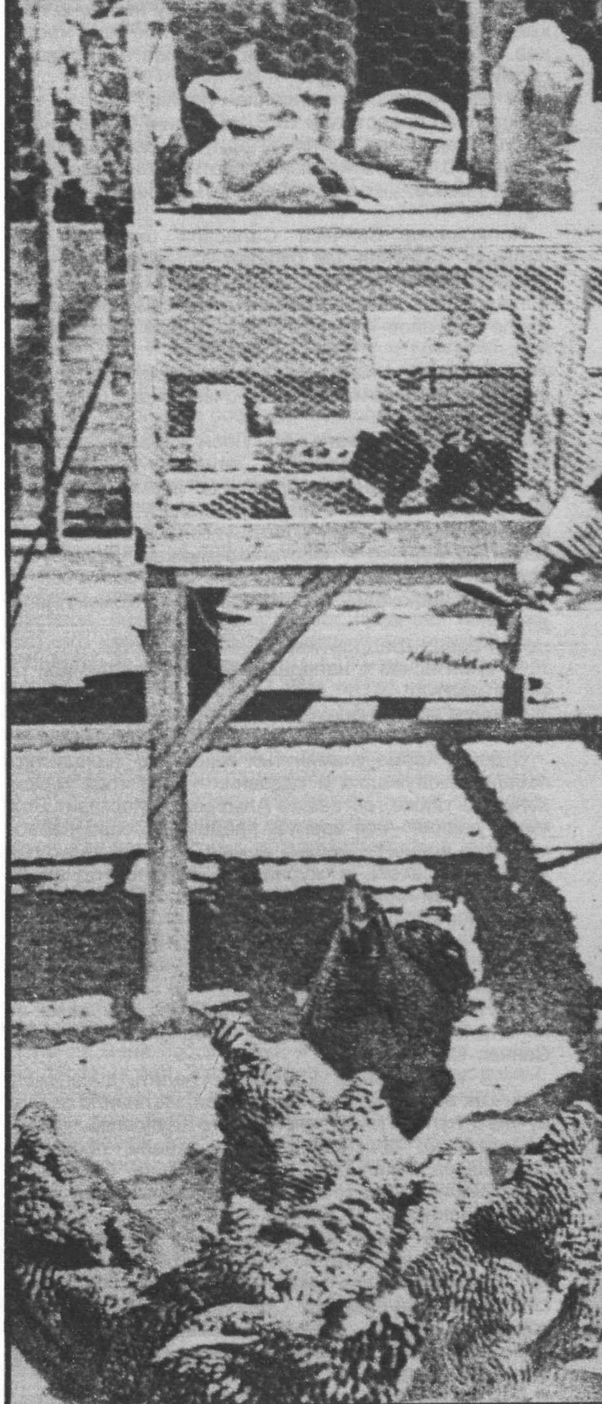
— А как звали этого, как вы говорите, французского еврея?

— Раз или два я слышал, как его называли Филиппом.

На следующий день во время тщательного осмотра комнаты Шелдона были обнаружены ключ от номера в гостинице «Европа», чемодан с московской наклейкой и ящик пива. Оказалось, ночь с 21 на 22 мая Шелдон провел в номере «Европы» с известной полиции проституткой. Она сообщила, что ее клиент был достаточно пьян и имел при себе крупную сумму денег. В показаниях одного из секретарей Троцкого значилось, что Шелдон, прибывший в дом Троцкого всего за полтора месяца до дня покушения, не раз получал доллары, поступавшие через «Американ Экспресс Травелерс», по адресу «Уэллс Фарго и К°». Шелдон был рекомендован Троцкому его сторонниками в Нью-Йорке.

Вскоре после его исчезновения в Мехико прилетел отец Шелдона, как выяснилось, состоятельный чело-





век, имевший на прилет одобрение руководителя ФБР мистера Гувера, с которым их связывала давняя дружба. Гувер сообщил отцу Шелдона, что, по мнению ФБР, главным дирижером нападения на Троцкого являлся некий Минк, прибывший в Мехико из Филадельфии, один из главных агентов ГПУ, прежде выполнявший ответственные задания в Испании, Японии и Соединенных Штатах.

Внимание полковника, однако, в большей степени привлекло заявление Джесси Х. Шелдона о том, что он никогда не делал денежных переводов сыну и что тот, уезжая из США, не сообщил отцу, что станет служить у Троцкого, «к которому, как мы знали, он никогда не испытывал симпатии, поскольку был сторонником Сталина, что подтверждается находкой большого портрета этого деятеля братьями Боба в его нью-йоркской квартире».

Через пару дней, после того как подозрения Санчеса Саласара в том, что Роберт Шелдон являлся соучастником покушения на Троцкого, получили солидное подкрепление, позвонили из тюрьмы «Лекумбери» и сообщили, что Нестор Санчес требует новой встречи с полковником...

— Я вызвал вас, потому что вспомнил... Это может очень вас заинтересовать,— начал Нестор Санчес и отхлебнул из чашечки глоток черного кофе, которым заключенных в тюрьме не баловали.— Дней за двадцать до нападения я по поручению Сикейроса посещал один из домов на улице Вена, где проживали будущие участники дела. Надо было узнать, не нуждается ли в чем шахтер из Остотипакильо. Он не был знаком с городом, не умел ни читать, ни писать. В разговоре со мной этот шахтер несколько раз упоминал селение Синко-Минас. В том доме я познакомился и с Мариано Эррерой, который жил за счет Сикейроса неподалеку от дома Троцкого. Так вот, в доме Эрреры меня однажды представили французскому еврею по имени Филипп. На прощание он заявил мне: «Я дам тебе номер телефона на случай, если потребуется срочно меня найти. Но запомни: я запрещаю тебе где-либо его записывать. Напрягись, заучи наизусть». Я вспомнил этот номер и хочу его вам сообщить.

Начальник тайной полиции глубоко вздохнул. «Поперло везение»,— подумал он и прямо из тюрьмы проехал на Центральную телефонную станцию. Получив там нужные сведения, Санчес Саласар не то что побледнел, его зашатало. Он понял, что знаменитый «французский еврей», духовный организатор и участник покушения на Троцкого, всего несколько дней назад практически был в руках полковника.

В тот вечер, когда Санчес Саласар по приказу президента республики освободил и сам доставил в дом Троцкого двух его секретарей, там с полковником говорила русская эмигрантка, которая сообщила, что в доме на улице Акаций, рядом с его квартирой, последний месяц по ночам собираются неизвестные люди, притом в большом количестве. «Чем они там занимаются? В доме рядом с жилищем Льва Давыдовича?» — эмигрантка закончила свой рассказ вопросами, на которые полковнику и самому непременно хотелось поскорее получить ответ.

Санчес Саласар поручил Хесусу Галиндо установить наблюдение за этим домом, а сам вместе с одним агентом отправился в мастерскую Диего Риверы, расположенную в районе Сан-Анхель. У начальника тайной полиции Мексики было достаточно оснований подозревать Риверу как возможного организатора нападения. Однако тщательный обыск не дал никаких результатов, и полковник лично принес извинения известному художнику, совсем еще недавно бывшему ближайшим другом Троцкого.

Недовольный собою, полковник поехал на улицу Акаций и прежде всего решил поговорить с хозяйкой дома напротив. Когда Санчес Саласар уже нажал на кнопку звонка, к особняку, указанному русской эмигранткой, подкатил шикарный черный автомобиль. Сидевший за рулем поднял боковые стекла, вышел из машины, закрыл ее на ключ. Одет он был в дорогой костюм. Приехавший не спеша подошел к калитке, отпер ее, спокойно пересек садик и вошел в дом. Номер машины, как потом выяснилось, был нью-йоркский.

Тем временем сын хозяйки дома, куда вошел Санчес Саласар, рассказал полковнику о том, что знал о посетителях особняка напротив.

— Они гуляки! Кутят по ночам, а днем отсыпаются. Среди них есть американцы и кубинцы. Похоже, туристы. Скандалов не устраивают.

Полковник попросил разрешения позвонить и по телефону получил сведения, из которых вытекало, что владелец особняка — личный друг генерала Нуньеса, имевший удостоверение почетного майора полиции,— недавно сдал в аренду особняк за приличную сумму достойному приезжему коммерсанту.

Теперь полковник понял, что в тот вечер подъезжал на своей шикарной машине не кто иной, как «французский еврей».

Санчес Саласар сломя голову бросился в дом напротив. Однако дом уже был оставлен арендатором. Взломав дверь, полицейские обнаружили в качестве вещественного доказательства лишь нижнее белье, приобретенное в Париже, на бульваре Сен-Мишель. «Неужели, полковник, ты упустил самого Джорджа Минка?» — спросил себя Санчес Саласар и поехал в тюрьму. Там он внезапно вошел в камеру, где находился первый арестованный по делу Луис Матео Мартинес, который явно, как казалось полковнику, не все сказал, и рассерженным голосом произнес:

— Послушай, Матео, если ты сейчас не расскажешь мне все, что знаешь, я прикажу арестовать твою жену!

— Она не в курсе! — в полном страхе прокричал Матео.

— Должна знать! Она расскажет то, что ты пытаешься скрыть!

— Умоляю вас, полковник, не трогайте ее. Она не виновна. Я все вам сказал!

— Даю тебе два часа на размышление! — Полковник с раздражением захлопнул дверь и отправился в другую камеру.

Не прошло и четверти часа, как Санчесу Саласару сообщили, что Матео перерезал себе вены. Призванным на помощь врачам с трудом удалось спасти его от смерти.

Между тем начальнику тайной полиции было необходимо как можно быстрее найти двух главных исполнителей несостоявшегося покушения на жизнь Троцкого: Давида Альфаро Сикейроса и Антонио Пухоля. Всем гражданским и военным властям республики был разослан строгий приказ в случае обнаружения немедленно задержать упомянутых лиц.

Затем полковник отправился в дом к матери Антонио Пухоля. Она ничего не знала о местонахождении сына, но полковник обратил внимание на новенький чемодан среди прочего хлама. В нем оказались дорогое белье и предметы женского туалета, принадлежавшие, по словам матери Пухоля, североамериканской подружке сына. Отец также не дал каких-либо стоящих сведений. Раздосадованный неудачей, полковник уже спускался вниз по лестнице, когда два его агента подвели к нему провинциала в брюках наездника и шахтерских ботинках. Задержанный у входа в дом после долгих и настойчивых допросов назвал себя Мариано Эррерой Васкесом. Два года назад он оставил ряды МКП, по профессии был электриком и находился в незарегистрированном браке с Аной Лопес.

— Ана Лопес, ты сказал? А знаешь ли Хулию?

— Хулиа Баррадас Эрнандес, первая жена Давида Серрано Андонеги, подруга Аны. Я хорошо ее знаю.

Нити вновь потянулись в район, где жил Троцкий. Там, в небольшом домике, по поручению и на деньги Сикейроса подруги Ана и Хулиа открыли маленькую лавчонку. Хулиа тут же сделалась любовницей одного из десяти полицейских охранников дома Троцкого.

— Ана познакомила меня с французом,— рассказал Эррера Васкес.— Тот платил мне пять песо в день[1]. От меня требовалось только, чтобы я каждое утро ровно в десять был на углу Тампико и авениды Чапультепек. На четвертый день ко мне там подошел Давид Альфаро Сикейрос. Он пообещал десятку в сутки. Мы поехали в Койоакан, на улицу Лондон, и там он поселил меня вместе с Луисом Матео Мартинесом. У нас появились хорошие деньги. Такая жизнь меня устраивала, тем более что я постоянно мог видеть Ану, имевшую лавку совсем рядом.

— А зачем Сикейрос все это делал? Он говорил тебе?

— Нет, но надо было быть полным идиотом, чтобы не догадаться. Все только и трещали кругом об этом. Троцкий был злейшим врагом Сталина и коммунизма... Коммунизм всех бедных должен сделать богатыми. Троцкого следовало убрать!

Мариано Эррера Васкес сообщил, что 17 мая Сикейрос приказал ему быть на знакомом углу улицы Тампико. Художник приехал туда вместе со своей женой Анхеликой Ареналь и Антонио Пухолем. Они купили раскладушку, спальные вещи, краски, кисти и поехали в деревушку Санта-Роса. Там он и Анхелика перенесли купленные вещи к домику, стоявшему в стороне и казавшемуся необитаемым. Анхелика тут же уехала, а Эррера вошел в дом и обнаружил в нем братьев Анхелики Луиса и Леопольдо Ареналей и еще двух неизвестных ему парней. Вскоре братья уехали, а оставшиеся четыре дня бездельничали, пили и отсыпались. 22 мая приехал Сикейрос, он привез деньги. На следующий день Эррера отпросился в город, там крепко выпил и к назначенному часу не вернулся, а в это время за ним приезжал Антонио Пухоль, чтобы забрать на дело. Опоздание Эрреры лишило его возможности принять участие в нападении на дом Троцкого. 25 мая в домике вновь появился Луис Ареналь. Он вручил Эррере семьдесят песо и сказал, что тот может проветриться. Он спешно поехал в дом к Ане и обнаружил, что лавочка закрыта. Тогда он помчался в дом к родителям Аны и там узнал о нападении на Троцкого.

Теперь полковнику предстояло немедленно найти и арестовать этих двух женщин. Тем временем газеты уже поливали полицию грязью. Дни шли, а ощутимых результатов не было — основные участники покушения гуляли на свободе. Одна из газет даже сообщила, что полковник Санчес Саласар снимается со своего поста. Скрипя зубами начальник тайной полиции читал эту заметку, когда на его столе затрещал телефон и агент обрадовал словами: «Мой полковник, Хулиа сидит в моей машине. Я нашел ее в районе Чурубуско». Полковник немедля отправился к месту, где находилась задержанная. У нее в сумочке, на оборотной стороне лотерейного билета, был обнаружен телефон квартиры, где скрывалась Ана Лопес.

Женщин допрашивали семьдесят два часа подряд. Семьдесят из них они упорно молчали, а потом... Тайная полиция Мексики теперь уже имела полную картину совершенного покушения. Но где находились Шелдон, Сикейрос, Антонио Пухоль и Луис Ареналь? Их еще следовало искать!

(Продолжение следует.)

---

[1] **Во время своего правления генерал Карденас установил минимальную зарплату в Мексике — 90 песо в месяц.**

Евгений ЕВТУШЕНКО

ПОСЛЕДНЯЯ

НАСИЛЬНО МИЛ НЕ БУДЕШЬ

«Насильно мил не будешь» —
так говорит народ.
Когда семья, как пустошь,
спасение — развод.

Но где-то бьют на жалость,
а где-то в морду бьют
и, самоунижаясь,
развода не дают.

Вцепляются друг в друга
то муж в свою жену,
а то жена — в супруга,
а то страна — в страну.

Кровавые разводы
бывают, если так
разводятся народы,
а примиритель — танк.

«Насильно мил не будешь» —
мораль не для рабов.
Из самых страшных чудищ —
насильная любовь.

Россией володея,
нас взяли в удила
насильные идеи,
насильные дела.

Когда с идеей ложной
разводится народ,
она все безнадежней
развода не дает.

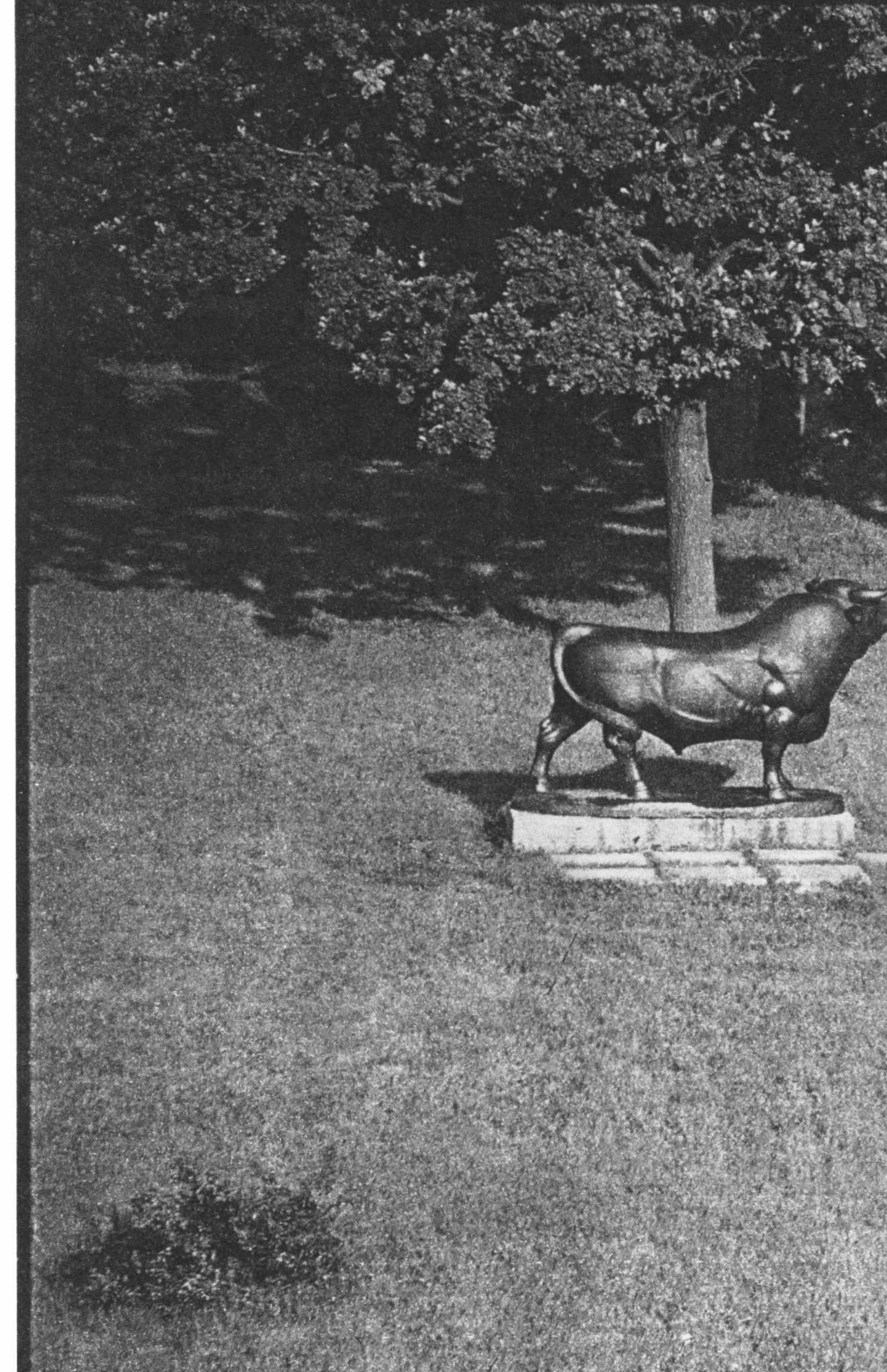
Хитры и языкаты,
все с пеною у рта,
нас мирят адвокаты,
а ведь она мертва.

Но мы в судебном зале
тайги, пустынь, болот
еще не все сказали
о праве на развод.

1990

ДИКТАТУРА КУХАРИАТА

На свете есть такая партия,
чье имя для меня —
Кухартия.
Вцепился, как в половник, в знамя
кухариат,
что правит нами.
Когда шахтеры «Воргашорской»
встают с шахтерами Кузбасса,
то дело не в судьбе шахтерской —
в судьбе обманутого класса.
Как облапошенная дура,
подменена так воровато



* * *

Зазвенели бубенчики хмеля,
как в чешуйках зеленая медь,
ну а что назвенеть не сумели,
я сумею один дозвенеть.

Во вселенную или в пылинку
человек для того и вроднен,
чтоб добавить хотя бы звенинку
в перезвоне пасхальном времен.

Я люблю запах ландышей в соснах,
запах так молодого сенца
и танцующий медленно воздух
возле так дорогого лица.

Млечный запах ребенка прекрасен,
потому что он смешан без слов
с вифлеемским дыханием ясель
и смущенным дыханьем волхвов.

Слишком поздно пришло к нам,
калекам,
понимание смысла креста.
Может назван ли быть человеком
тот, в ком нет ничего от Христа?

Мы ладони дырявили людям,
из людей понаделав гвоздей.
Разве можно с таким правосудьем
верить в Бога, не веря в людей?

С человечеством так я условлюсь:
равнодушие к родине — грех,
но превыше, чем родина,— совесть
как единая родина всех.

Зазвенели бубенчики хмеля,
будто где-то по краю земли
в несуразной алмазной метели
невидимками тройки прошли.

Я врагам своим весь не достанусь,
почитателям тоже не весь.
Бубенцом-невидимкой останусь
в нашем здесь и далеком нездесь.

Вдоль зареванных русских околиц,
размалеванных авеню,
как расколотый колоколец,
что-то нежное я прозвеню.

Упадет, как монетка-блестинка,
прокатясь по лесам и степям,
извинительная звенинка
к твоим легким, летучим стопам.

Мне, как видите, надо так много,
потому умирать не спешу,
и чем больше я верую в Бога,
тем все меньше у Бога прошу.

1990

ТАМ, ГДЕ ГОРЕ

Получив похоронки, выли
бабы, пряча глаза в мозоли,
но потом полы они мыли
так, что доски стонали от боли.

И, таща из ладони занозу,
мне сказала одна неречисто,
будто губы свело с морозу:
«Там, где горе,
должно быть чисто...»

Жили в славе, а вышло — в позоре.
В трех соснах, задыхаясь,
кружились.
Сколько горь в громадное горе,
словно в нашу судьбу, сложились.

Но неужто опять невылазно
в новых горях застряли мы сдуру?
Страшно то, что горюем грязно,
заменив озлобленьем культуру.

Не марайте Отечество кровью.
Христианству нам надо учиться.
Позабыли мы заповедь вдовью:
«Там, где горе,
должно быть чисто».

ПРОСЬБА

в октябрьской люльке
диктатура
пролетариата.
Совсем несхожую девчушку
тайком подбросили кормильцам,
тупую,
жирную, как чушку,
с навозным рыльцем.
Сосала грудь народа хмуро,
ее кусая хамовато,
подсунутая диктатура
кухариата.
Кухарка разрослась в бабищу,
с могучим задом в пол-России
и отдавала свиньям в пищу
всех, кто не свиньи.
И превратила государство
в такое свинское кухарство,
где все рыгаем, а не вырыгаться,
и остается только выругаться.
Как,
сам собой вполне красивый,
накормит нас кухар плаксивый?
Чем встретит атомный удар
в погонах маршальских кухар?
На кухне нечему протухнуть...
и что, ей-богу, стоит вся
та политическая кухня,
где ни гуся,
ни порося?!

1990

ПОСЛЕДНЯЯ ПРОСЬБА

Что попрошу я у людей —
прекрасных или непрекрасных?
Не надо больше нам вождей.
Есть вождь у нас, да только распят.

И, вызывая чей-то смех,
каким смеяться не пристало,
еще я попрошу у всех:
не надо, чтоб меня не стало.

Я потихонечку молюсь,
заблудший — обо всех заблудших,
а сам растаять так боюсь,
как в свете дня рассветный лучик.

Простите трусость смерти мне,
но я прошу — уже устало —
в такой заброшенной стране
не надо, чтоб меня не стало.

Вцепляясь в свежую траву,
шепчу с надеждой всем и всюду:
я просто не переживу
того, что я живым не буду.

И не прошу я ничего —
ни орденов, ни пьедестала,
за исключеньем одного:
не надо, чтоб меня не стало.

Как пахнет старая тетрадь
с забытым лепестком жасмина!
Всего ужасней потерять
и красоту, и ужас мира.

Забыть о смертных —
смертный грех.
Смерть, от людей бы ты отстала!
Не надо, чтоб не стало всех,
не надо, чтоб меня не стало.

1990

Фото Ю. Трунилова,
С. Супинского
и О. Дериглазова

Прозаик из Новосибирска Илья Картушин выступал на страницах «Огонька» как очеркист, а сегодня мы впервые публикуем его рассказы. По ведомству критики он все еще числится «молодым писателем», хотя уже достиг пушкинского возраста и выпустил в Западно-Сибирском издательстве три книги прозы. В конце этого года у И. Картушина выходит первый «столичный» сборник «Умение жить», в который входят два рассказа, предлагаемые сегодня нашим читателям.

АТЛЕТ СЕРГЕЙ ИВАНОВ

Который год схожу я вниз по деревянным этим ступенькам, толкаю одну дверь, другую, снова ступеньки, запах кожи и пота, свист скакалок, чокающие по мешкам удары, лязг железа, я открываю дверь, где железо.

— Кто к нам пришел! — равнодушно говорят мне, протягивая грязные и шершавые от железа ладони.

— Здравствуйте! — подчеркнуто на «вы» и по имени-отчеству отвечаю я на приветствия, протягивая готовно руку, стесняясь белой пока ладони.— Здравствуйте, товарищи атлеты.— Это стиль, это шутка, это дружеская подначка, надоевшая до оскомины, церемониал, наверно, живучей династии, надо терпеть, надо соответствовать, надо вносить свою лепту в общую копилку глупости.

— Скромней надо быть, скромней...— тому, кто со снарядом, откровенно льстя: мол, такие веса в работе.

— Я что,— привычно откликается товарищ, тоже демонстрируя роль назубок,— вы бы видели, что товарищ имярек сегодня творил, просто ужас, штангу в узел вязал!

— Не верю, не может такого быть, явная клевета! — вставляю свое «кушать подано».

— Вы что, не верите, что я здесь самый сильный? — откликается с негодованием имярек.

— Помилуйте, как можно сомневаться в очевидном!.. Но чтоб испортить снаряд — хоть режьте меня — явная клевета!

Общий смешок, и я становлюсь, наконец, свободен, ритуал соблюден, можно переодеваться и начинать, щеки ноют от деревянной улыбки.

Их несколько, несгибаемых шуток, не ржавеют по многу лет, как и снаряды из железа не снашиваются по многу лет, через какие только руки не проходя — от мальчиковых прозрачных пальчиков, тяжелее ложки ничего не державших, до твердых от коросты мозолей грубых мужских ладоней, налитых большой человечьей силой. Их несколько, несгибаемых шуток, как пропуск, пароль, дружеская вроде подначка, на самом деле — ненависть, ревность, любовь, как оно и бывает всегда,— комом. А если без романтического напряга, то получится то же в итоге самое, только в разжиженном виде — неприязнь, соперничество, симпатия. Я не хочу объяснять это, зачем, это слишком бы увело, у всех это всегда одинаково, когда из года в год, изо дня в день люди трутся дружка о дружку, одним делом заняты, это нормальные — куда как знакомо каждому — отношения.

Зальчик маленький, даже крохотный, зеркала, тренажеры, снаряды, окно под потолком, который одновременно первый слой пола в жилом замечательном доме центра города Новосибирска.

Это наркотик, говорю я вам, натуральный наркотик — железо. Из года в год, изо дня в день. Без особого толка, без особого смысла, все просто, предельно просто — сила. Она накапливается медленно, по чуть-чуть, она взбухает внутри как бы исподволь, мало сообразуясь с твоим про нее желанием. Она растворяет в себе многое из того, что было для тебя прежде чуть ли не твердокаменным, подчинявшим по крайней мере все остальное. Сила оказывается вдруг сильней многих и многих осмысленных желаний, стремлений, умения, наработанного годами, чем вроде бы ты гордился. Но только встает на пороге сила, как все отступает, ты по-прежнему раб, по-прежнему слепо твое обожание, по-прежнему — из рассыпавшегося в прах детства — жажда силы остается самой, что б ни буровил ты вслух, острой, желанной.

А силы нет. Ее никогда нет столько, сколько мог бы ты счесть для всей твоей жизни достаточным, как нет свободы, ума, достатка — жалкие крохи. И знание механики вот этой вот якобы недостижимости, этого стремительного в никуда бега или бега на месте, по кругу, за миражем, за нереальностью силы — это знание не спасает тебя ни от бега на том же месте, ни от миражей, ни от обаяния все той же постылой силы, которая бродит, дышит в тебе, в мышцах, нервах, костях, не прорываясь наружу, но и не смолкая совсем. Коварное существо — сила. Как нелюбимая жена, опостылевшая за долгие годы, стоит она перед тобой молчаливым укором; ты мне жизнь загубил, не раскрывая губ, говорит она. И хотя вы оба прекрасно знаете настоящую цену беззвучным этим словам, хотя давно и покорно смирились вы с существованием друг друга, все равно ты ответишь ей теми же точно словами, молча, молча, глаза в глаза, не томясь уже ни от любви, ни от ненависти. Вы одно, вы едины, вам это ясно как божий невинный день, вам не суметь ни полюбить уже, ни разлюбить, и в самых тайных мечтах, какое б свежее тело ни мнилось тебе в полустыдном бреду, протянув на зов руки, ты увидишь все то же, все то же беспечальное лицо жены твоей. Эта сила верна тебе твоей верностью.

Ты можешь запить, закуриться, окунуться вдруг в шахматы, карты, футбол, альпинизм, лыжи, сплав на плотах, заиметь машину, можешь погрузиться в семью, в ребенка, в работу или в другую семью, другую работу, добывание денег или двинуть вдруг по общественной линии, или бег трусцой, хатха-йога, ушу, голодание или обжорство, можешь свободно плюнуть и растереть, позабыть эту муть навсегда, можешь кучу купить гантелей, чтоб были всегда под рукой, для тонуса, не больше, можешь стать нумизматом, кинологом, можешь поменять город, страну, полушарие...— да все, что меняется в этой во всем одинаковой жизни, ты можешь сменить! Но коли узнал хоть единожды силу, ты снова, ты снова придешь, словно про́клятый, к низенькой этой двери, снова толкнешь эту дверь, снова в ноздри твои хлынет запах пота, запах горячих мужских тел, кожаных на крючьях мешков, едва различимый, въедливый запах смазки, растирок приторных, банная и туалетная вонь — все это вместе, стойкая, словно в рабочей бытовке, кислота, бодрящая и взывающая. И свист скакалок, и новые лица, и никчемные восклицания, и, поверх и помимо всего, чудный органный звон, стон, лязг железа, надменного тупого железа, полного собачьей преданности, кротости и смирения. Все это хлынет в уши твои, в ноздри, в глаза,

все это проникнет в душу твою, совершив изначальное с душой превращение — она раскроется навстречу любви, потому что сила — это любовь, и сила вершит свое назначение, не спрашивая ничьей на то воли.

По-разному было у вас, был ты мот и транжир, баловался с железом, как парни балуются с девками, не ведая, которая среди них будет жена. Ты мог изменить и ей, и себе, уверенный: впереди прорва, наверстаешь, возьмешь свое... Время таяло, ты при своих, пора бы и брать, а оно не дается. И тогда вот очередное твое перед силой бессилие разрешается горьким простым пониманием: назад хода нет — сейчас или никогда. Страшноватое село вдруг на плечо твое слово: никогда. Синими шепчешь губами жалкое, словно курице, кыш, кыш, пошла вон, зараза, но посмотреть, повернуть голову боязно, как бы глаз не выклевала. Никогда — зовут эту птицу с хищным, брезгливо изогнутым клювом и выпуклым, без белка, глазом.

Сила теперь — это жизнь. Пока ты кружишь вокруг нее, пока завоевываешь ее, то штурмом, то нудной осадой, то в долгие пускаясь переговоры, пока ты хоть изредка, хоть в побочном пустяковом упражнении, но прибавляешь, хоть граммы — малость,— но прибавляешь — ты жив и веришь в развернутый свиток жизни.

Не символом, но смыслом становится сила, не средством, но целью. Теперь ты вгрызаешься в железо, выцарапывая награду, никак не соразмеримую с той силой, которая расходуется ради прибытка. Наглядный пример затратной экономики, зримое подтверждение тупиковости пути, где перепутаны средства цели и цель средства, горькая расплата за мотовство, леность, никчемность вчерашнего дня, когда так упоительно было можно, когда казалось, раскрытая перспектива сохранится еще бесконечно долго, потом, потом как-нибудь, все будет потом. Пришла пора поменять ударение, потом обернулось пóтом, и поделом.

Но многомудрая, многоликая сила вдруг раскрывается благодарно, безграничны ее владения, фундаментальная сила, силовая выносливость, скоростная сила, взрывная сила, причудливое сочетание силы и силы, долины ее и ущелья, цветущие сладко луга и в сахарных шапках горы, и прозрачные реки, и рощи пушистые — все это владения силы, и ты хоть как там отыщешь едва пусть приметную для себя тропку, пойдешь и пойдешь, петляя, кружа, теряя ее из вида и снова и снова чувствуя под ногами опору, влекущую в жизнь.

Все мы там, в подвальчике, разные, да и не много там нас, ровно столько, сколько способен вместить он. Все мы разные — кто не добрал в недавнем спорте, кто по многолетней привычке, кого хворобы да возраст в угол загнали, кто с честолюбивой перед самим собой жаждой, а кто и просто прячется здесь от жизни, что наверху, или готовит себя к сражению с ней — разные. Ведь это наркотик, говорю я вам, натуральный наркотик, алхимия одних и тех же из года в год упражнений: жим лежа, приседания, подтягивания, на брусьях жим, тяга и пресс, бицепс-трицепс, грудь-широчайшая, спина-ноги... и прорва еще разновидностей одних и тех же из года в год упражнений.

В наш тесный круг не всякий попадал... Зимой еще один появился, хромой, бывший воспитанник клуба, афганец. Он приходил днем, когда никого из мужиков еще не было, рабочее потому что время.

Зальчик маленький, больше четырех-пяти человек уже тесно, вот и я приходил пораньше, чтоб воздуху больше было, тишины, не так теснота докучала, как никчемная болтовня, все эти якобы шуточки да всякие там из газет разоблачения, от которых уже тошнило, вот и старался пораньше. Я-то бездельник со стажем, а парень этот, Сережа Иванов, на инвалидности, калеченый. Он молчал, и я молчал, меня это здорово устраивало, так мы друг рядом с другом молчком и прозанимались несколько месяцев.

Единственное от времени того запало — несуразное какое-то остервенение, с каким занимался парень, долго, кстати, даже для меня безымянный. Прямо неприличное из него перло, не знаю, как уж и пояснить. Поперек, короче, любых систем и методик, ничего там в итоге для оздоровительных целей не оставалось. Очевидна была неловкость, словно подсматриваю, словно невольным становлюсь свидетелем, чуть ли не соучастником, словно темное, запретное из человека рвется наружу, а он и не знает, не понимает, забыл, что запретно это для человека, некрасиво, неприлично, не принято, забыл, что среди нормальных людей он находится, что человек рожден для счастья, что прожить надо так, что в человеке все должно быть прекрасно...

Парень выкладывался в зряшном каком-нибудь упражнении, словно только оно и только сейчас, здесь способно разрешить жизнь и смерть, на вечный ответить вопрос. Так он пыхтел и потел, так синел и стонал от запредельного напряжения — приходилось прятать глаза, не замечать, делать вид: все нормально, пашет себе человек, эка невидаль. Даже не лез страховать, видя, например, как корячится он под штангой при жиме лежа, как бьет его судорога, ползет изо рта пена, дрожит каждой жилочкой, медленно, не дыша, выдавливает он вес, словно завороженная, невидимо глазу, страшно медленно, медленно, на мертвой точке, когда отключается грудь и не включились руки еще, перекосившись, ползет все-таки штанга вверх, вверх!..

Меня устраивало молчание этого парня, я благодарен был ему за молчание и в качестве благодарности ответно тоже молчал. Может, и перебарщивали мы в этом молчании, со стороны оно, наверное, дико слушалось, но мы не хотели на посторонних, ни неловкости, ни напряжения не было в согласном нашем молчании, да ведь и само оно не было самоцелью, может, поэтому славно так нам молчалось. На других я работал весах, много больше, чем худенький парень этот, так что в молчании вроде как шишку держал, так мне казалось. Уважение вроде молчанием оказывал, не дергал советами, у каждого своя голова на плечах, паритет.

— Привет,— говорю.

— Привет.

— Пока,— говорит.

— Бывай.

— Делаешь еще? — спрашиваю, положив на снаряд, с которым он занимался, руку.

— Не-а.— Весь разговор.

Или короткий для разрядки, для самого себя матерок. Или из тренеров кто-нибудь заглянет.

— Занимаетесь? — коротко, почему-то без обрыдших шуточек спросит.

— Угу,— вежливо отвечу на правах старшинства и стажа за обоих.

— Ну, молодцы, занимайтесь,— одобрит нас тренер, заныривая в соседнюю дверь, к пацанам.

В дневное время как раз малышня — горох — занималась, головы не больше перчаток, зато энтузиазма — вагон. Тузили они друг друга на совесть, отчаянно труся, зажмурившись и вразмашку, страстно друг за друга болея, со слезами, истерикой, смехом, с криком и гвалтом, на взрослый наш скучный взгляд невозможными.

Пацанва иногда совершала набеги и на наш зальчик, и приходилось, замерев, застыв, пережидать эту напасть, словно хлынувший вдруг слепой дождь. Вдруг визг и писк пропадали, бурлящий поток, схлынув, одного-двух обязательно оставлял любопытствующих, хитро замерших в уголке, чтобы дяденек подсмотреть, свои какие-то совершить о мире открытия. Я безжалостно выковыривал эту плотвичку из недр, отправлял вдогон стае, и все равно из-за двери вдруг сверкал изумленный глаз, слышался скоростной шепоток.

Даже эти вот трогательные детворы набеги не служили нам поводом перекинуться парой взрослых солидных слов. Даже когда подходила к концу тренировка и можно было — ну хоть для разрядки — дежурно языки почесать, как оно и бывает обычно, в награду за отработанное, все равно мы молчали, теперь уже напряженно, значимо, чтобы не обесценить такое славное на двоих молчание, когда шла работа.

— Пошел?

— Ага.

— Ну, пока.

— Бывай.

Мне выгодно было молчать, я знал, парень — афганец, инвалид, орден имеет. Но куда приложить мне знание это, куда? Расспрашивать? Зачем? Из любопытства, сочувствия, жалости?.. Или — не приведи бог — вежливости? Свое про Афганистан говорить? Да и что ты можешь сказать — из телевизора, из газет? Любое слово твое будет как бы косвенным оправданием, почему сам не воевал. Хотя никто и не требует.

Мне выгодно было молчать, я знал, парень — афганец, но я не знал, что такое Афганистан, и знать не хотел. Конечно, хотел, хотел, но из мертвых источников, бронированных официальностью — газета, книга, телевизор, статистика,— словно живое радиоактивно. Слишком мало во мне мужества для добровольного облучения. А предлог для молчания всегда под рукой, благородный такой предлог деликатности.

Парень, выходит, молчал безо всякого для себя прибытка. То ли был он такой вот молчун, то ли стал он таким, некогда думать-гадать, не за тем ведь пришли, пахать надо. Хотя, замечу, митинговать здесь любили, с таким сладострастием бюрократов песочили, с таким смаком Советскую власть материли — куда с добром.

Занимался парень упорно, даже истово, хромал по зальчику от снаряда к снаряду, сидя и лежа выполнял упражнения, по пояс водой обливался, ногу чтоб калечную не мочить, никак не заживала нога, одна за другой операции, а кость все гниет, все болит, мочи нет. И дома, боком выяснилось, у него нелады, и с работой никак, пенсия грошовая, а на работу — на денежную — не берут. Ладно, обком комсомола, говорят, за него хлопотал.

Осенью, короче, прихожу в свой подвальчик, вы думали свéжи, а мы все те же, шучу для разгона, руки жму, по плечам хлопаю, и мне жмут, и мне хлопают, где этот, а тот, как здорово, что все мы здесь сегодня собрались, сладенько так про себя умиляясь, наружно переодеваясь, грубовато шутя, подрагивая от предвкушения, от обессилевшей внутри силы, запахи, звуки, родные морды кругом, все те же спелые железяки, ужо попрем!..

А Иванов-то погиб, вдруг сообщают. Как погиб, чего несете, парень Афган прошел. А так, отвечают, Афган прошел, а дома сломался, из окна летом выбросился, пятый этаж, ни записки, ни словечка, и трезвый был, ребенок остался, жена, жалко парня. Помолчали, не очень и помолчали. Ты-то как, ездил куда?..

Господи, да что же это такое, сколько можно, одно за другим, одно за другим!.. Да-да, точно помню, именно тем и смутилась душа, не смертью, но частотой смертей, слишком, мол, часто, словно опять пристойность нарушилась очереди. Не очень теперь понятно, что и кого имел я в виду, такие вот претензии Господу предъявляя.

Снова взялся за штангу, снова снял гриф со стоек, на грудь опустил, начал жать, раз, два, три... Расспрашивал, подробности зачем-то понадобились, не было особых подробностей, кроме догадок, суждений, пророчеств про жизнь поганую нашу, чем и сам я напичкан под горло. Снова делал подход, раз, два, три...— остывать нельзя, война войной, а обед обедом. И одна лишь скулила мысль подлинная: что же это творится, что за напасть такая, пронеси меня, Господи, сохрани и помилуй! Сродни раздражению чувство, сколько, мол, можно, одно за другим, будто к начальству взывал, будто в инстанции с личным обращался вопросом. Не вспомнить, что иль кого имел я тогда в виду, только чувство и помню: одно за другим.

А было то осенью восемьдесят восьмого, когда не мог я знать про январскую веревку старшего моего друга, когда не мог я знать, что буду метаться по зимнему городу, плача, болтая, беспрерывно куря, то там, то сям опрокидывая стопарик для трезвости, которая и не покидала, буду тупо твердить песню, любимую им, мой друг уехал в Магадан, снимите шляпу, снимите шляпу, буду топтаться на кладбище среди могилок и сосен, и белизны снега, и разговора трудяг кладбищенских про Горбачева и Сталина, и местных всяких царьков, и в кровь потом буду корябать пальцы, умащивая в махонькой промороженной ямке саркофаг из дорожных мраморных плит для урны с прахом, в который, поверить нельзя, нельзя, и буду видеть вокруг тысячу раз знакомые, почти родные для нашей провинции лица, словно его лицо отражается в них, но нет, нет его среди живых, уехал в бессрочный свой Магадан, и все равно поедом ест томительно-стыдное чувство, будто он, живой, сквозь меня на них смотрит, будто он, живой, на меня сквозь них, улыбаясь, глядит, уж он-то нашел что сказать, отмочить, видя откляченную мою к небу задницу, видя пошлую мою суету с крышкой от саркофага, не желающей лечь плотно, покойно...

И раньше еще, когда шла резня в Нагорном Карабахе, когда сотряслась страдалица Армения, когда по-прежнему умирали наши мальчики в проклятом этом Афганистане и все мы считали месяцы, недели, дни до вывода войск, потом, потом, когда затонула подлодка около Норвегии, когда погибли демонстранты в Тбилиси, когда взорвался под Уфой газопровод и сгорели живьем люди в поездах Новосибирск — Адлер и Адлер — Новосибирск, потом, потом, когда хлынула кровь в Фергане, когда не в одних еще пришлось участвовать похоронах...— я почти не помнил уже Сережу Иванова, обычного парня, с которым бок о бок просуществовал несколько времени, не удосужившись даже поговорить толком.

И только одно — мистическое — сохранила память чувство — мистическое по уровню цинизма — тут же сочиненное, между подходами, для будущего сочинения. Нет-нет, не малодушный скулеж тот к Богу, судьбе, провидению или что оно там имеется, с нелепой этой претензией, сохрани и помилуй, с косвенным в адрес высших сил обвинением, одно за другим — другое чувство, сразу же забракованное по причине дурной слащавости, но чего уж теперь-то! Как вытирал я мокрые ладони свои о майку, о штаны, о полотенце, вытирал и вытирал мокрые от напряжения ладони, которым чудилось, будто на всем, на всем, на грифе, на брусьях, на перекладине, на гантелях, на дужках гирь, на всем, на всем осталась Сережина кровь, проступила и преет тепловатая, невидимая глазу влага, от которой теперь не отмыться, не избавиться, она всюду, везде, нестираема, мокры ладони мои, и грудь, и лоб, и подмышки, и с кончика носа капает все та же бесцветная кровь, сочиненная вместо той, которой сам я ни капли не пролил.

Даже лица Сережи Иванова уже не помню, молчал он и занимался упорно, ради чего, остается гадать, там нет ничего, в том числе и атлетической гимнастики нет.

САМЫЙ МЕРТВЫЙ

То ли моя это беда, то ли что-то непонятное со словом сейчас происходит, то ли так оно и должно быть именно сегодня, именно с таким, как я, литератором, но любая, самая невинная, выдумка соотносится со вздыбившейся вокруг жизнью, словно бумажный кораблик с какой-нибудь громадой под названием «Адмирал Нахимов», плевать хотевшей на метод социалистического реализма, по которому тонуть категорически запрещено — тонуть и топить.

Меня интересуют слова.

Самый мертвый — так говорят футболисты про худшего игрока в команде, или он сам так говорит о себе, если достанет мужества повиниться. А про лучшего игрока говорят так — лучший. Странно, не правда ли?

Это городок Павловск на речке Касмала в полусотне верст от города Барнаула, столицы Алтайского края, который теперь называют аж прародиной человечества. Правда, имеется в виду Алтай горный, в Павловске гор не видно, но административное деление диалектически существовало всегда. Если сейчас чего-то нет, то это не значит, что этого вовсе нет, вполне возможно, что когда-нибудь это было или будет, а значит, в известном смысле есть и сейчас. Вопрос в одном — что это за это? Тут наше положение ничем решительно не предпочтительней положения существ, которых мы столь надменно оставляем в основании пирамиды, приписываемой Дарвину. Разве что бомба дает основания высокомерию, разве что бомба.

В Барнауле и в Павловске с первого по шестое июня нынешнего года представители лучших предприятий азиатской части страны проводили турнир по мини-футболу, названный «Честь марки», команды боролись за первое-второе места, дающие право играть с финалистами европейской группы. Наверное, событие это, как очередная примета времени, требует пространного комментария, который я с удовольствием опускаю, выражая лишь кроткую радость по поводу того, что после монголо-татарского ига, крепостного права, сталинизма, застоя в Павловск пришел праздник футбола. Все хорошо. Хотя можно и побрюзжать в том смысле, что причина надумана: откуда бы взяться в стране лучшим трудовым коллективам, если вся держава в прогаре? Или другое: почему именно такой принцип, с какого потолка взят? Отчего бы не собрать команды с одноименных улиц (улицы Мира — куда как звучно)? Или команды из игроков по имени Володя? Или команды, где всем игрокам в сумме двести лет?.. Глупости, конечно, но уж очень обидно за какого-нибудь Васю, всем сердцем любящего футбол, однако работающего на хиленьком убыточном предприятии,— Вася-то здесь при чем!

Вот и все исходные величины. Остальное — футбол, рассказывать о котором почти невозможно, слишком разные это стихии — движение и речь, слишком текуча реальность игры, чтобы поддаться словесному обозначению. Можно играть в футбол, можно смотреть футбол, можно на худой конец поговорить о футболе, но пересказывать, описывать, изображать — самое дохлое дело. Сходите на стадион, там все увидите, сходите в Лужники, Маракану, Уэмбли, сходите на любой, самый плохонький местный стадиончик, даже на пустырь, где вместо ворот пенек и прутик, и коровья лепешка на точке в штрафной, в крайнем случае щелкните телевизором или гляньте в окно на пятачок за гаражами — все увидите сами.

Я приехал в Павловск вместе с командой новосибирского стройтреста-43 (тоже оказался передовым), приехал со скромным желанием насладиться вдосталь хотя бы зрелищем футбола. Сибиряки и в этом смысле бессовестно обделены по сравнению с европейской частью страны, так что триста километров для бешеной собаки не крюк.

Я получил, что хотел, я объелся футболом, как объедается провинциал Москвой, как обжигается северянин курортным солнцем, как обалдевает солдат в увольнительной от пива, кино, мороженого, от обилия женщин вокруг. Пять дней перед глазами плескался карнавал: удары, свистки, крики, пестрота формы, страсть, азарт, упорство, смех, радость, надежда, крушение надежды, и снова рулетка делает магический свой оборот, и все это во все убыстряющемся темпе, во все более закручивающейся турнирной интриге, все более полно и ярко, невыносимо, невыразимо прекрасно, соблазн истощал, не утоляя желания, не даря обладания...

Чего уж там, можно признаться, я люблю футбол, как и любой нормальный мужчина, нет в этой страсти ничего постыдного или смешного, но, неразделенная, она гнетет и сжигает не хуже телесной страсти, сжигает и мучит оскорбительным приговором: самый мертвый — почти импотент. Чего уж там, можно признаться, я катил из родного Новосибирска в автобусе сквозь нежную зелень начавшегося лета не просто так, я катил из города в город с тайной подростковой печалью в сердце, с надеждой на случай, фарт, удачу — травма, болезнь, перелом, разумеется, пустяковый, я выхожу на замену, не бог весть какой ведь турнир, наверняка разрешат, или так уж, тишком, под чужой фамилией, подставкой, выхожу на замену, надев второпях мокрую от пота чужую майку, выхожу под свист и улюлюканье трибун... Ну, и так далее.

И сама механика этих мечтаний была настолько основательно подзабыта, что одно уже погружение в этот волнообразный мир дарило смутную радость не столько от барахтанья в ласковой той купели, сколько от воскрешения собственной жизни, не прожитой наяву. Так странно и ново было обнаружить себя и по сей день способным на желание, отстоящее — как оно водится — от возможностей, настолько странно, что и само желание как бы отступало в тень. В ту самую как раз тень, где помещался я под панамкой, сидя на трибуне и глядя, сидя и глядя.

Да, и такой может быть драматургия этих записей, почему бы и нет, это сильная может быть закрутка — неутоленная страсть, плотина на пути нерестовой стаи, красавец марал, пронзительно трубящий подруге, глухариное токовище... тот же солдат на неудачном свидании, это очень понятно должно быть всякому, чего-чего, а опыта несбывшейся любви отпущено нам предостаточно.

Но — мимо, мимо... Да и вымысел оказался реален, в первый же день, едва побросав пожитки, наспех переодевшись, вышли мы на площадку, размяться с дороги, подвигаться, опробовать поляну, вдруг обнаружилось: и впрямь ведь не бог весть какие игроки собрались, нормальные любители, плотники-бетонщики, без особых претензий ребята. Так что нет нужды нагнетать-накручивать, притягивать за уши братьев наших меньших, которые ни сном ни духом, да и девочки-патриотки положа руку на сердце завсегда готовы выручить воина любимой нашей доблестной Армии. Чего уж там!

Жили мы в пионерском лагере, в сосновом бору на берегу безымянной запруды, плотину для которой проектировал еще Ползунов двести с лишком лет назад. Кроме футболистов, в лагере находились мальчики допризывного возраста, что-то вроде военного сбора для школьников. К стадиону надо было идти через главный вход, там же останавливались автобусы, возившие участников в столовую, поэтому несколько раз за день проходили мы мимо мальчугана с деревянным автоматом в руках, и был то пост, часовой, служба.

Пацаны исправно несли службу, смущенно и гордо поглядывая на проходящих, чего-нибудь отвечая односложно или отмалчиваясь, когда эти зубры, эти волчары, эти матерые мужики, у которых с юмором все в порядке, чего-нибудь ласковое говорили. Но, как правило, мальчика-часового с деревянным автоматом не трогали, щадили — слишком легкая то была добыча. Проходили через калитку молча, косолапя по асфальту кроссовками, в желтой, красной, синей, зеленой, оранжевой, белой формах, с номерами на спинах, щурясь на солнышко, зубоскаля лениво, подначивая, скрывая волнение... Молча и возвращались, или гуртом, похохатывая, или поодиночке, ненавидя себя и друг друга, с грязными майками на грязных, лоснящихся пòтом плечах, с ободранными локтями, коленями, сплевывая и покуривая на ходу.

Две-три команды были составлены из действующих футболистов, в остальных преобладали любители, энтузиасты, из бывших, пинающих по выходным, для здоровья, с последующим пивком и разговором, турнир для них свалился подарком, нежданно-негаданно, замаячил вдруг шанс продолжения жизни, лучшего в жизни, наверное, поэтому в поведении преобладали этакая сдержанность, солидность, первые день-два даже не поддавал никто.

Каждой команде был отведен домик, как раз на двенадцать коек комната, место занял я у окна, в углу, почти машинально, по привычке, как и в палате пионерлагеря, как и в казарме, как и где-нибудь на шабашке, как и в любой многоместной гостинице всегда торопился бросить пожитки на эту именно койку — забито! Вот как оно обернулось, легко и беззвучно, словно ничего в промежутке и не было, пионерлагерь, койка у окна, опять не берут в команду, опять сижу, страдаю, утонув в панцирной сетке, то независимо откинувшись на стену, то униженно скрючившись, положив на ладони голову, тоскливым собачьим взглядом наблюдаю ритуал сборов, ритуал переодевания, таинство превращения друзей-товарищей в игроков, в команду.

Наверное, и такая вот полумистическая повторяемость жизни может служить основанием для говорения слов про незамеченную в промежутке жизнь, наверное, стоит подумать, чем же занят был человек целых двадцать пять лет — четверть века,— если в итоге четверть эта так просто выносится за скобки всего лишь навсего игры, и даже не самой игры, но переживания по поводу отсутствия игры.

Но было и то, что разнило неигру тогда и неигру сейчас,— прорезался голос — некого и нечего было стесняться, эти ребята, с которыми впервые поручкался всего день назад, были мне близки и понятны, словно с детства мы вместе гоняли пузырь, поэтому на правах земляка и друга, единственного представителя новосибирской прессы, единственного выездного фаната-болельщика я заявил им по-нашенски, по-чапаевски, без дипломатии, заявил, что ничего им в славном граде Павловске не светит, что командеха у них самая что ни на есть средняя, что надеяться, кроме как на характер, на жеребьевку, на то, что на теннисном корте вместо игры коррида, им больше не на что и что место у них в лучшем случае пятое, а может быть, и пятнадцатое (из шестнадцати команд), что выхода у них, кроме как грудью на амбразуру, нет и в принципе быть не может, потому что честь марки родного стройтреста-43 это не абы как, и если заранее они сложат крылышки, сдадут без боя, то будут распоследними... ну, и так далее. Все это мужики знали-понимали не хуже меня, однако выслушали со вниманием, еще раз призвали друг друга к мужеству и героизму, призвали в выражениях достаточно образных и пошли.

Золотые оказались ребята, золотые-серебряные, красавцы, бойцы, гладиаторы, каждый отыграл как мог, каждый выложился до последнего и превзошел себя, и все они дружно потом удивлялись моей прозорливости, заняв-таки пятое место, и я удивлялся тоже, но вида не показывал, хоть в том найдя малое свое утешение.

И это отдельный разговор, как заняли мы в своей подгруппе третье место, как бодались в финале за пятое-шестое с командой местной, алтайской, кумиром и баловнем публики, которая, в свою очередь, ого-го каких претендентов вышибла, как вели в счете и заранее ликовали, играя откровенно на отбой, сгрудившись у своих ворот, не помышляя об атаке, и все-таки пропустили всего за две секунды до свистка, били пенальти, мазали и те и эти, и все-таки победа! Это отдельный разговор, как да почему оказалась в финале команда, у которой, кроме характера, ничего, по существу, за душой и не было, как да почему оказались ниже команды и техничней, и опытней, и солидней, ах, как грамотно обращались с мячом на разминке ихние — из Саяногорска, из Оренбурга, из Омска, Кемерова, дальневосточники,— как красиво, четко, технично жонглировали они мячом: носочком, пяточкой, головой, бедром, и так, и так, и вот так, и даже этак! Наши строители растерянно засматривались, делали прозаические наклоны, приседания, да подолгу перешнуровывали обувь, ну, по воротам начинали мочить без продыху, уж тут ничего хитрого нет, вваливай, как бог на душу положит, мяч все одно не улетит, ограждение выручит, да и мазать не стыдно, разминка, спрос не большой...

Было так раз за разом, на нас смотрели, как на булку с маслом, готовясь слопать за милую душу, готовясь накидать полный короб, за версту было видно,— чайники прикатили. И хотя любой футболист понимает, игра на то игра — мяч круглый, поле ровное, слабых не бывает... но чертик в душе делает свое черное дело: чего там, обуем, грамотно, в пасик, на технике раскатаем...

Может, так оно на большой поляне и было б, в обычном футболе, где в избытке пространство и время для выявления истины, но только не здесь, где всего-навсего два тайма по пятнадцать минут, где игра идет пять на пять, а ворота три метра, где играют и за воротами, от бортов, без аутов, где под ногой не ласковый газон, который вроде сам ждет кувырка, а грубый асфальт, грозящий увечьем, но плотность игры диктует борьбу жесткую, в кость, на опережение, на грани фола, головы не поднять, из игры не выключиться, секундное расслабление может стоить гола, а по такой игре ответный уже не забить, пускай хоть ты самый великий мастер, не забить, не успеть ну никак!.. Лотерея, говорили потом мастера в оправдание, лотерея, а не футбол. А еще говорили так, молодцы, мол, пожимая после игры руки, молодцы, чего там, говорили мужики с опытом, знающие игру насквозь.

Рисунки Левона ХАЧАТРЯНА

Есть такая знаменитая поговорочка: организация бьет класс. Я бы взял на себя смелость дополнить: характер бьет организацию, которая бьет класс. Серьезный футбольный спец, может, и хмыкнет, язык без костей... но мне это наблюдение дорого как раз потому, что обнаруживается здесь шанс для многих и многих, отлученных от большого спорта, для многих и многих, дерзающих на свой страх и риск, вот она, голенькая, как в первый день творения, романтика, вылущенная из спорта, из игры по имени футбол, оголенный нерв, животворящая нить, соединяющая плоть человека и дух его.

Это отдельный разговор, как метался я за бортом, не веря глазам своим, метался и орал, и молился, и другие шептал слова, разговаривая с божественной игрой этой, как с лошадью человек разговаривает, тпру да ну, а если слова произносит, так больше к себе обращая, тварь неразумна, норовиста, не понимает, чума, слов человеческих, но чует, ох как чует...

А еще я бегал кроссы, куда денешься, вроде того же служивого, который с остервенением драит в казарме пол, вернувшись из увольнительной. Насмотревшись футбол до ряби в глазах, вволю намаявшись за своих, за чужих, застыв на точке какого-то нереального душевного отупения, когда и самые острые моменты не могли соблазнить и встряхнуть, устав от томления чуть ли не больше самих игроков, словно отработав положенное, я убегал по мягкой, в пыли и хвое, дороге, вперед и вперед, сквозь блики солнца, сквозь терпковатый хвойный дух, то вниз, то вверх, по пустой и тихой дороге со следами хозяйских порубок на обочине, с темнотой и влагой в низинах, где папоротниковый под березами покров словно бы хранил еще весеннюю тяжелую сырость, убегал от футбола, от соседей на трибуне, нещадно курящих, жующих мороженое, орущих и к месту, и просто так, куража ради — козел! на мыло! глаза-то разуй! — убегал от свистков, криков, смеха, стука мяча, от самого себя, почему-то не умеющего прожить без всего этого мельтешащего, пестрого и, наверное, пустого, по сути, в котором и победа, и поражение так мало значат перед тем же лесным молчанием, а если вдуматься хорошенько, так и не значат ровным счетом ничего, ничего, ничего, убеждал я себя, прорываясь в спасительную усталость, бежал и бежал, привычно слушая свое дыхание, сердце, мышцы, привычно муча себя, наказывая, словно снова и снова пытаясь уравновесить, примирить извечное это несовпадение лесного молчания и рева трибун, наружного спокойствия и внутренней суеты, детских запросов и взрослых возможностей, словно снова пытаясь угадать в настоящем безделье призрак грядущей работы... мало ли найдется причин наказать себя.

По вечерам происходили мероприятия, комсомол Павловска расстарался, и мероприятия были такие: выступление визгливой, вальяжной, похабной рок-группы, студенческий театр сатиры, злой и умный, встреча с бывшими футбольными звездами, почтившими Павловск, а на закуску, ежевечерне, танцы под названием «дискотека». Мероприятия и танцы происходили в той же хоккейной коробке перед трибунами, где днем сражались футболисты, кроме как этой трибуны, податься было некуда, киоски, где днем торговали всячиной, закрывались, в лагере пиратствовали комары, спать было рано, читать невозможно, света почему-то в домике не было, как пояснили, в целях пожарной безопасности, дичь полнейшая, до кинотеатра в Павловске идти лень, да я и не любитель кино, дом отдыха на другом берегу пруда, куда зазывали охочие мужики, обещая добычу легкую, скорую, и вовсе казался в тридевятом царстве, поэтому каждый вечер, по часу и больше, я исправно высиживал на дискотеке, на танцах, на трибуне, не знаю, как и сказать по-русски.

Приводили сюда танцевать и пацанов, соседей по лагерю, строем и с песней, на месте раз-два! РавньА! РавньА! СмирА! ВольА! Разойдись! Отцы-командиры, толстые и худые мужики в форме, садились кучненько, сдвигали на затылок форменные фуражки, утирали лысины и затылки, обстоятельно закуривали, а пацаны галчатами взлетали на трибуны, топча и пихаясь, окликая друг друга, а самые храбрые, кружком, наособицу, уже вытанцовывали под музыку из громадных колонок, стоящих на стульях. Пацаны откровенно торопились урвать от сладостей гражданки, перемахивали бортик и начинали танцевать сразу, без раскачки, без нудной и как бы обязательной в таких случаях рисовки, когда всему вроде бы миру делается — нехотя, не-хо-тя — одолжение... Подобные игры могли позволить себе товарищи штатские, а им, служивым, полагалось все делать скоро, споро, только на ять, в бане, в столовой, в уборной, в казарме, на танцульках тем паче.

И впрямь, вся эта бодяга еще только начинала раскручиваться, только-только самые передовые мальчики, самые модные и отчаянные девочки выходили первыми на ристалище, выходили в пустоту и любопытствующее восхищение взглядов, начинали ломко и прихотливо в такт музыке и вроде бы уже в самозабвении выгибаться, одни на громаде асфальта, словно заворожив остальных своей дерзостью, только-только и вторые, и третьи смельчаки, замерев, неторопливо пересекали голое под взглядами пространство, поддерживая самых первых, до которых никому уже не было дела, потому что ручеек рос и ширился, и вот уже не стало ни первых, ни пятых, не стало доблестью начать, и другие возникли вопросы, только-только забухала из колонок советская эстрада, которой все помогали согласно, правильно раскрывая рот, зная все слова всех песен, как бы для затравки, для разогрева, приберегая забойный запад на вкусненькое, еще только-только вся эта круговерть начинала радостную свою жизнь, а мужики-прапора, накурившись досыта, вдруг заскучав, вдруг встрепенувшись — чтоб служба медом не казалась,— подавали спасительную команду — становись! — и пацаны горохом сыпались с трибун, перемахивали из хоккейной коробки и строились, и равнялись, и поворачивались нале-ВО! и уходили на вечернюю уставную прогулку, где тянули ногу и орали «не плачь девчонка, пройдут дожди, солдат вернется, ты только жди», и при этом наверняка ведь понимали себя блестящими гусарами, в струночку, при золотой шпоре, громадном усе и в роскоши аксельбантов, среди бала, прервав изумительную мазурку, вынужденными покинуть милых испуганных дам, тысяча извинений, тревога, труба зовет, Отечество в опасности, долг и честь превыше салонных церемоний... — ах, кино.

Пацаны, пыля, скрипя гравийной крошкой, маршировали в сторону лагеря, на асфальте по-прежнему сосредоточенно, мерно, упрямо, разбухая на глазах, шевелилось в такт барабану некое единое тело, большое и доброе, как корова, а мне почему-то стало холодно, пусто, одиноко. Не знаю, откуда взялось это чувство, может быть, от телесной свежести, после суматошной жары, пробежки, купания приятно было существовать в прохладе вечернего ветерка, может быть, это извечный закон толпы, в которой наиболее остро чувствует себя человек одиноким, может быть, грустное умиротворение от сознания собственной отдельности от этой самой покачивающейся на площадке коровы, которую, казалось, можно погладить, может, еще какой бес, но чувство вдруг стало сильным и плотным, чувство это вдруг всосало меня с мощью, от которой и до сих пор словно бы дрожь, до сих пор его внятное эхо властвует надо мной, не выводимое из опыта жизни.

А чувство все то же — любовь — тихая, мучительно-чистая любовь ко всему, что видят глаза, ко всему, что понимает душа как единственное свое обиталище, восторг и смятение наполнили сердце мое!.. Я тщетно пытался постичь, откуда, зачем, за что мне, Господи, это чувство, рифмуется которое со слезами, с небом, кто и зачем подает мне знак, что начертано в нем? Неужели это дети, с деревянными автоматами, с какими-то испуганными и одновременно словно б надменными лицами, беззащитными, гордыми, слепыми, такими еще откровенно детскими...

Может быть, действительно дети, которых краснорожие мужики с тугими затылками все строят, все командуют, все муштруют, наслаждаясь повиновением, искренне веря в полезность и нужность всех этих команд, в обучение уму-разуму, в доброту, правоту трудного своего дела насилия, в то, что выскобленная веником земля под соснами — для порядка и воспитания, а разговорчики в строю — бунт и крамола... Может, это дети, с тонкими шейками, с торчащими ушами, словно утята, то в строю, то врассыпную, одетые разномастно и грязно, рыжие, чернявые, русые, поменьше и побольше... Может, это дети, которых много, много, много... Может, это новое знание о том, как воевали отцы наши, как они гибли и гибли, без счета, без смысла, без могилы и памяти, в тылу, в плену, в окопах, в обозах, в госпиталях, в лагерях Гитлера, в лагерях Сталина, страшно и тихо, стеная, вопя, безмолвствуя, оседая в утробу земли, гибли и гибли, не загадывая про нас, не ведая, что когда-нибудь, вскорости, всего-то ничего минуло с той поры, в алтайском тихом городишке (давшем стране столько-то мяса, столько-то хлеба, столько-то штук яиц, в годы войны давшем стране восемь Героев Советского Союза...— так нам рассказывали) погрузневшие мужики, родившиеся как раз после войны, родившиеся от тех, кто выжил и покорно зачал новую жизнь, соберутся со всей Сибири для непонятного этого дела, для игры в футбол, для того, чтобы павловские девчата, розовощекие от румян, со взбитыми по моде волосами, с подведенными глазами, даже со звездой на щеке, в черных чулках и в туфлях без каблуков, что делает их и без того грузноватые фигурки так мило медвежонковыми, чтобы павловские девчата со смелыми глазами все от того же мужского недорода в стране... Может, это извечные игры молодых, кто подойдет, кто пригласит, кто как одет, кто как волнуется и надеется, и не показывает надежды, безучастно поверх голов глядя... Может, это домики Павловска, вблизи и вдали, поверх танцующей массы, где машина пылит, пацан за ней гонится на велосипеде, еще не призванный под ружье, и белье висит, и антенны торчат, и лента соснового бора, и запах полыни, запах луга, лета, непременный сигаретный дымок, и все это сквозь победную чужую музыку, которая отслаивается от летнего вечера, от российской глубинки, от древней молчаливой земли, как нефть от воды, отслаивается, блестя, извиваясь, утекая вместе с водой под ломкие африканские движения русских мальчиков, русских девочек, настолько неестественные, что и печали в том уже нет, смех и слезы, то ли еще провинция учудит... Может, это все вместе красота людей, которой названия нет, красота жизни, которой тоже нет слова, но которая существует помимо нас и слов наших, огибая нас, размывая, просачиваясь неудержимо, сквозь пальцы, сердце, могилы, музыку, спорт, сквозь любовную тягу и попытку понять все это, мощно и полно, неудержимо, вот оно, вот, рядом, бродит сок жизни, вышибая пробку бессмыслицей — самый мертвый — говорят о себе живые, и Бог с ними, пускай зубоскалят, но другие вдруг вспыхивают слова — пушечное мясо — откуда они, откуда?

Новосибирск

Сергей КОРЗУН

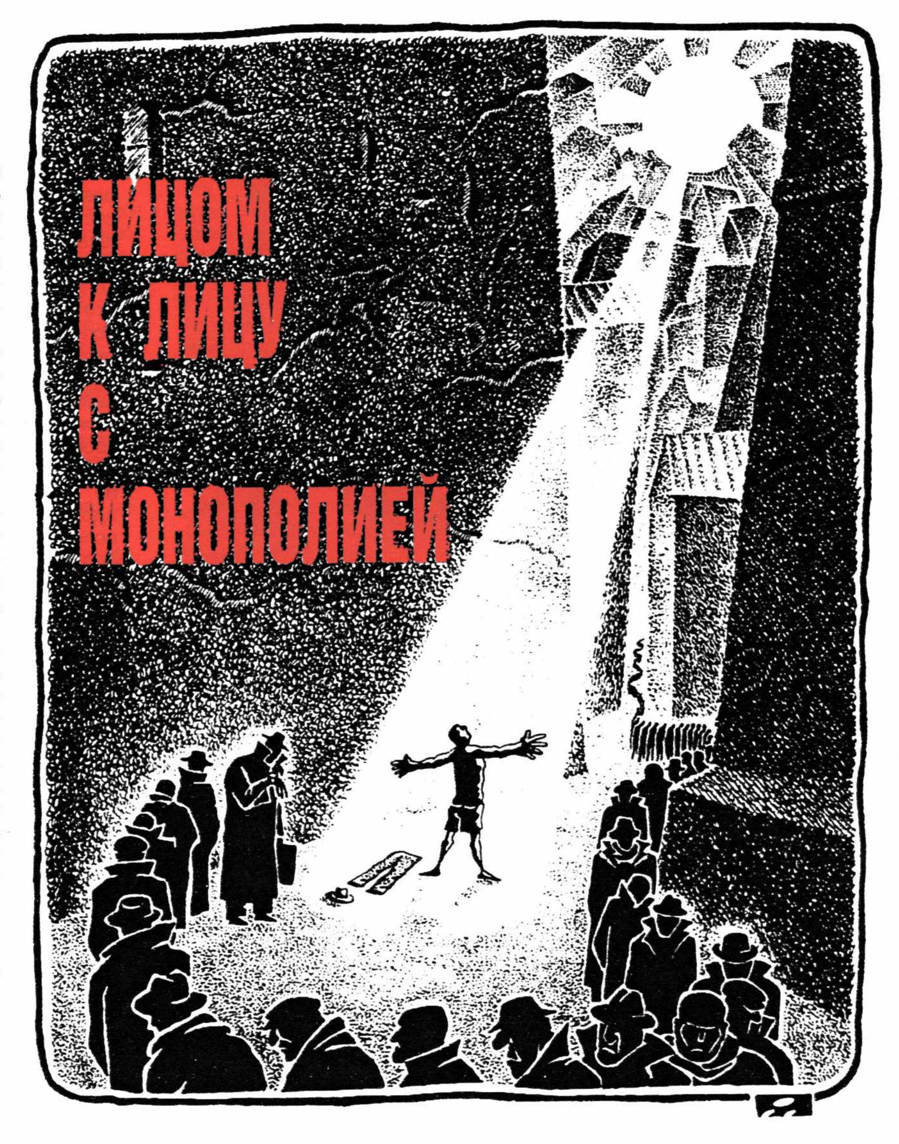


Рисунок Алексея МЕРИНОВА.

Часто с рождением в семье младшего ребенка старшие дети уходят в тень родительского внимания. Вроде бы у телевидения и возраст уже не младенческий, однако его старший родной брат — радио — продолжает существовать на периферии общественного сознания. И вот уже мы дожили до того, что в День радио — 7 мая — именно о радио вспоминаем в последнюю очередь. И все готовы далеко за полночь крутить настройку телевизора, переключаясь со съезда на съезд, а затем вчитываться в газетно-журнальные строки в поисках комментариев.

Есть, правда, еще источник комментированной информации — радио «Свобода», пробивающееся к нам через помехи коротковолнового эфира. Можно спорить о том, насколько свободна «Свобода». Но дело не в названии, а в сути: в СССР ее слушают, поскольку у нас нет свободного радио, а есть исключительно Гостелерадио СССР. Во власти этого комитета отлучить от эфира любого неудобного журналиста, примерно наказать радиопередачу «Аудитория», решившую воспроизвести вслух отрывки из книги Б. Н. Ельцина. В виде уступки плюрализму можно выпустить в московский эфир сразу две новые радиостанции — «Ностальжи» и «Европа плюс». Открытие этих двух франко-советских музыкальных радиопрограмм потребовало согласований на самом высоком уровне. Но чего не сделаешь ради своего единственного детища — Гостелерадио СССР! Если борьба идей в экономике привела к появлению термина-монстра «планово-рыночная экономика», то в области радиовещания мы уже сейчас живем в эпоху «монополизированного плюрализма». Разумеется, самое время отвлечься от проблем насущных под звуки прекрасной музыки на радиоволнах. Но и притом неплохо держать в своих руках все рычаги нового, чтобы — не дай бог — новые музыкальные радиостанции не стали политизироваться в нежелательном направлении.

Вполне возможно, что руководство Гостелерадио просто солидарно с А. Герценом, писавшим «К старшему товарищу» (М. Бакунину): «Нельзя людей освобождать в наружной жизни больше, чем они освобождены внутри». Вполне возможно, что оно берет за принцип слова А. Чехова о выдавливании из себя раба, но именно «по капле», под строгим аптекарским присмотром. Думаю, однако, что рядовые сотрудники радио гораздо быстрее освобождаются «внутри», чем их руководители, и не спешат встать в очередь за пипетками. Свидетельство тому — некоторые удивительно раскованные передачи союзного эфира в сравнении с пресс-конференциями начальников. И хотя бы поэтому радиожурналисты гораздо более достойны иметь свое собственное радио.

«Собственное» вовсе не значит работающее только на себя. Скорее наоборот: работающее на слушателей, ориентирующееся на их запросы, ищущее их внимания, настойчиво убеждающее их оставаться на своей волне. Это радио в основе своей самоокупаемое за счет рекламы, а стало быть, коммерческое. Вряд ли стоит бояться сближения двух слов, хотя многие считают зависимость от «золотого тельца» наиболее серьезной из зависимостей. Коммерческому радио может и должно составлять конкуренцию радио общественное, учреждаемое и субсидируемое политическими партиями, общественными организациями и отдельными гражданами (основа этого заложена в Законе СССР «О печати и других средствах массовой информации»), а также радио государственное. Тогда и будет видно, где больше степень свободы — в зависимости от дотирующих радиопрограммы инстанций, больших и малых, или же в зависимости от рекламодателей, вкладывающих деньги в самые слушаемые радиопрограммы.

Подобная структура успешно функционирует во многих развитых странах. Например, во Франции законами 1981 и 1982 годов были легализованы частные радиостанции, до того считавшиеся «пиратскими». С 1984 года разрешена передача в эфир рекламы, а с 1986-го — сняты ограничения на формирование общенациональных сетей радиостанций. За 9 лет реальной конкуренции французское радио в целом достигло лучших мировых показателей. Кстати, и «Ностальжи», и «Европа» являются частными коммерческими радиосетями с УКВ-передатчиками по всей территории Франции и за ее пределами. В любой момент дня и ночи в одном лишь диапазоне УКВ-ЧМ французский радиослушатель может выбирать как минимум из трех десятков радиостанций, незначительная часть из которых — государственные и муниципальные, такая же — общественные, а большая часть — независимые, живущие на доход от рекламы. При этом жесткая борьба за слушателя идет и между информационными программами, и между музыкальными. Равное для всех стартовое положение гарантируется Высшим советом по аудиовизуальным средствам информации путем выдачи лицензий. В Париже, к примеру, практически все радиопередатчики УКВ установлены на Эйфелевой башне и имеют одинаковую максимальную мощность.

Насыщенность радиорынка определяется не только политическим плюрализмом, но еще и насыщенностью рынка экономического, где выживание впрямую зависит от средств, вкладываемых в рекламу. К экономическому рынку мы, похоже, двигаться будем, поскольку движение в обратном направлении завело в тупик. А это значит, что постепенно будет создаваться и материальный фундамент для появления множества радиостанций, не зависящих от милости или немилости государственной машины.

Вообще мне кажется, что именно в области радиовещания со вступлением в силу Закона о печати возможно самое стремительное ускорение. Печать и без того уже плюралистична явочным порядком, поскольку ее дефицитный материальный носитель — бумагу — все-таки можно достать, выменять или купить на валюту. В отличие от радио телевидению нужна достаточно сложная и дорогая инфраструктура, и в силу этого оно более инерционно. Радио же для нормального функционирования не требует дорогостоящей техники и может быть доступно многим организациям и даже гражданам, покушающимся на монополию государства. Однако здесь мы выходим на самый больной вопрос радио- и телевещания — распределение частот.

Начну с того, что само число допустимых частот радиовещания в СССР смехотворно мало из-за самых архаичных в мире стандартов формирования радиосигналов, особенно в диапазоне УКВ-ЧМ-стерео, наиболее популярном в мире из-за высокого качества звука. Да и диапазон наших УКВ не совпадает с распространенным в остальной части мира — вот почему западные УКВ-радиоприемники и передатчики и не работают у нас без крупных переделок. Наконец, видимо, самое серьезное — распределение частот вещания — было и остается монополией тандема Гостелерадио СССР — Минсвязи СССР, для чего выдвигаются аргументы защиты безопасности во всех ее видах — от безопасности воздушных полетов до государственной. Их же, в свою очередь, ревниво блюдут еще одно министерство и еще один комитет, спорить с которыми общественность имеет право, но реально не может.

Статья 7 Закона СССР о печати гласит, в частности: «Не допускается монополизация какого-либо вида средств массовой информации (печати, радио, телевидения и других)». Соответственно со вступлением закона в силу с 1 августа реальное положение вещей в области радиовещания пришло в противоречие с законом. Каков может быть механизм его преодоления? Прежде всего это учреждение действительно не зависимых от Гостелерадио СССР радиостанций. Однако стоит ли спешить регистрироваться? По Закону о печати «право приступить к выпуску массовой информации сохраняется в течение одного года со дня получения свидетельства», а на деле свободных частот просто нет. И все новые радиостанции выходят в эфир за счет сокращения вещания старых, на их же частотах. Кто же отдаст их «независимым»? Очевидно, специальный парламентский орган, подотчетный только выборной власти, который и следовало бы создать по подобию существующих в других странах. Именно он должен выдавать лицензии на право использования частот, а также контролировать условия их выполнения.

Шаг в этом направлении сделан Указом Президента СССР от 14 июля этого года — первым официальным актом в нашей стране, в котором высказывается необходимость лицензирования. Но только почему под лицензирование подпадают «создание и деятельность» телерадиоцентров или студий, а не частоты вещания? Ведь именно создание и деятельность всех средств массовой информации, в том числе и аудиовизуальных, регламентируются уже принятым Законом о печати! Разумеется, телевидение и радиовещание имеют свою специфику, и вполне возможно, что особый закон для них будет признан Верховным Советом необходимым. Но почему после всех слов Указа о демонополизации временное положение о порядке выдачи лицензий предложено утвердить (не просто разработать!) все тому же Гостелерадио СССР вместе с Министерством юстиции?

Не может разрушение монополии быть делом рук самого монополиста, иначе мы придем все к тому же «монополизированному плюрализму». В этой новой обстановке покушение на монополию становится еще более насущным делом. Соответствующие комиссии по лицензированию должны быть полностью независимыми. Во Франции, например, уже упомянутый Высший совет состоит из 9 членов, трое из которых назначаются Президентом республики, а остальные — по трое — председателями обеих палат парламента страны. При этом кандидатуры подбираются так, чтобы никто из членов Совета никоим образом не имел ни политических, ни экономических интересов в сфере аудиовизуальной информации. Только в этом случае игра пойдет «без гандикапа», к которому так быстро привыкают все монополизированные структуры.

Агата КРИСТИ

УБИЙСТВО ПОД ФЕЙЕРВЕРК

Повесть

Последние слова она произнесла с настоящей яростью.

— К сожалению,— сказал Пуаро,— это преступление совершено, так сказать, шиворот-навыворот. По идее, жертва шантажа должна бы убить шантажиста, а не наоборот.

Джейн Плендерлейт слегка нахмурилась.

— Это так... но я могу представить себе обстоятельства...

— Например?

— Допустим, Барбара была в отчаянии. Возможно, она пригрозила ему этим своим дурацким пистолетиком. Он попытался вырвать у нее оружие и в ходе борьбы нечаянно выстрелил и убил ее. Придя затем в ужас от содеянного, он попытался выдать случившееся за самоубийство.

— Это могло бы произойти именно так,— возразил Джэпп,— не будь одного обстоятельства.

Мисс Плендерлейт вопросительно посмотрела на него.

— Майор Юстас (если это был он) ушел вчера отсюда в десять двадцать вечера и распрощался с миссис Аллен на пороге дома.

— О, я понимаю.— Ее лицо омрачилось. Однако она тут же нашлась: — Он ведь мог вернуться сюда позднее!

— Да, это возможно,— согласился Пуаро.

Джэпп продолжал:

— Скажите, мисс Плендерлейт, где миссис Аллен обычно принимала своих гостей? Здесь или в комнате наверху?

— И там, и здесь. Но эта комната чаще использовалась, когда народу бывало больше и когда речь шла о моих личных гостях. Мы договорились, что Барбара получит большую спальню и будет пользоваться ею как гостиной, а я расположусь в спальне поменьше, но зато получу в свое распоряжение эту комнату.

— Если майор Юстас пришел вчера вечером, предварительно договорившись об этом визите, то где, по-вашему, миссис Аллен принимала его?

— Думаю, она провела его сюда.— В голосе Джейн звучало легкое сомнение.— Это выглядело бы менее интимно. С другой стороны, если она хотела написать чек или что-нибудь в этом роде, она, вероятно, прошла с ним наверх. Здесь нет письменных принадлежностей.

Джэпп покачал головой.

— Дело не в чеке. Миссис Аллен вчера сняла со своего счета в банке двести фунтов наличными. И насколько нам известно, в доме этих денег нет.

— Значит, она отдала их этому подонку? Бедняжка Барбара!

Пуаро кашлянул.

— Если, как вы предположили, это не был в известном смысле несчастный случай, поистине странно, что этот человек убил женщину, служившую для него, по-видимому, регулярным источником дохода.

— Несчастный случай? Оставьте! Просто он пришел в ярость, потерял контроль над собой и застрелил ее. Говорю вам, это было убийство!

Джэпп задал следующий вопрос:

— Какие сигареты курила миссис Аллен?

— «Гэспер», там в ящике есть несколько штук.

Джэпп открыл ящик, достал одну сигарету, кивнул и положил ее к себе в карман.

— А вы, мадемуазель? — поинтересовался Пуаро.

— То же самое.

— А турецкие сигареты вы не курите?

— Никогда.

— А миссис Аллен?

— Нет, они не нравились ей.

Пуаро спросил:

— Что курил мистер Лавертон-Уэст?

— Чарльз? Какое это имеет значение? Уж не думаете ли вы, что это он убил ее?

Пуаро пожал плечами.

— Убийство женщины мужчиной, который ее любит, не такая уж редкость, мадемуазель.

Джейн решительно покачала головой.

— Чарльз никогда не пошел бы на убийство, он слишком осторожен для этого.

— Осторожные люди — самые умные из убийц, мадемуазель.

Джэпп поднялся.

— Думаю, здесь мне больше делать нечего. Мне бы хотелось еще раз посмотреть дом.

Инспектор действовал быстро, но основательно. Гостиная была дотошно обыскана всего за несколько минут. Затем он поднялся наверх. Мисс Плендерлейт сидела на ручке кресла, курила и, хмурясь, смотрела в огонь камина. Пуаро незаметно наблюдал за нею.

Через минуту он негромко спросил:

— Мистер Лавертон-Уэст сейчас в Лондоне?

— Не знаю. Впрочем, кажется, он в Гэмпшире, у своих родных. Наверное, мне следовало телеграфировать ему. Как ужасно, я совсем позабыла об этом.

— Нельзя помнить обо всем, мадемуазель, когда случается катастрофа. Кроме того, не стоит торопиться сообщать дурные вести.

На лестнице раздались шаги Джэппа. Джейн вышла ему навстречу. Тот покачал головой.

— К сожалению, ничего интересного, мисс Плендерлейт. Теперь я обыскал буквально весь дом. Кстати, надо еще заглянуть в этот стенной шкаф под лестницей.

Он подошел к шкафу, взялся за ручку и подергал.

Джейн Плендерлейт сказала:

— Он заперт.

Что-то в ее голосе заставило обоих мужчин пристально взглянуть на нее.

— Да,— любезно подтвердил Джэпп.— Я вижу, что он заперт. Может быть, у вас найдется ключ?

Женщина словно окаменела.

— Я... я не знаю, где он.

Джэпп бросил на нее быстрый взгляд. Его тон оставался любезным и непринужденным.

— Жаль. Не хотелось бы ломать дверцу. Я пошлю Джеймсона подобрать ключи.

Джейн сделала неловкое движение.

— Подождите, я посмотрю...

Она вернулась в гостиную и через минуту вновь появилась, держа в руке большой ключ.

— Мы держим шкаф запертым,— пояснила она,— ради сохранности зонтиков и тому подобных вещей.

— Весьма разумно,— одобрил Джэпп, принимая ключ.

Он распахнул дверцу, извлек из кармана фонарик и посветил им. Пуаро почувствовал, как стоявшая рядом с ним молодая женщина вся напряглась и на мгновение задержала дыхание. Его глаза проследили за движением луча света от фонарика.

Содержимое шкафа было небогатым. Три зонтика (один из них сломанный), четыре трости, набор клюшек для гольфа, две теннисные ракетки, аккуратно скатанный коврик и несколько диванных подушек различной степени потертости. На них небольшой элегантный кожаный чемоданчик.

Как только Джэпп протянул к нему руку, Джейн Плендерлейт быстро сказала:

— Это мой. Я... я привезла его с собой сегодня утром. В нем не может быть ничего интересного для вас.

— Я только удостоверюсь в этом,— отозвался Джэпп еще более дружелюбным тоном, чем прежде.

Внутри оказались головные щетки в шагреневой оправе, еще кое-какие туалетные принадлежности, два иллюстрированных журнала — и больше ничего. Джэпп внимательно изучил одну вещь за другой. Когда наконец он закрыл чемоданчик и приступил к небрежному осмотру подушек, молодая женщина издала явственно слышный вздох облегчения.

Больше в шкафу ничего не было. Джэпп вновь запер дверцу и вернул ключ мисс Плендерлейт.

— Конец — делу венец,— сказал он.— Не можете ли вы сообщить мне адрес мистера Лавертон-Уэста?

— Фэрлском Холл, Литтл Ледбери, Гэмпшир.

— Благодарю вас, мисс Плендерлейт. Пока это все. Я, вероятно, еще загляну. Кстати, пусть для посторонних этот случай останется самоубийством, ладно?

— Разумеется, я вполне понимаю.

Она обменялась с ними прощальным рукопожатием.

На улице Джэпп взорвался:

— Пари держу, с этим шкафом дело нечисто! Но что, черт побери, могло быть в этом шкафу? А ведь наверняка там что-то было.

— Да, там было кое-что.

— И будь я проклят, если это не связано с чемоданом! Должно быть, я полнейший идиот, но не обнаружил в нем абсолютно ничего... А ведь прощупал все, даже подкладку! Ну, где, где в нем можно что-нибудь спрятать?

Пуаро в раздумье покачал головой.

— Эта мисс каким-то образом замешана в случившемся,— продолжал Джэпп.— Привезла чемоданчик с собой сегодня утром? Черта с два! Вы заметили в нем два журнала?

— Да.

— Так вот, один из них был от прошлого июля!

7

На следующий день Джэпп вошел в квартиру Пуаро, раздраженно швырнул шляпу на стол и рухнул в кресло.

— Ну,— проворчал он,— она не имеет к этому делу никакого отношения.

— Кто?

— Плендерлейт. Играла в бридж до полуночи. Хозяин, хозяйка, слуги — все готовы поклясться в этом. Мы, безусловно, должны отказаться от мысли о ее причастности. И все же мне хотелось бы знать, почему она так запсиховала из-за этого чемоданчика в прихожей. Это по вашей части, Пуаро. Вы ведь обожаете разгадывать такие маленькие пустяковые секреты. «Тайна чемоданчика»! А что? Звучит многообещающе.

— Могу предложить вам другой заголовок, «Тайна застоявшегося табачного запаха».

— Несколько неуклюже для заголовка. Запах, э... Значит, вот к чему вы принюхивались, когда мы в первый раз осматривали труп? Я, грешным делом, подумал, что у вас насморк,— так вы шмыгали носом. Кстати, я не почувствовал никакого табачного запаха.

— Я тоже, друг мой.

Джэпп подозрительно поглядел на него, затем извлек из кармана сигарету.

— Это из тех, что курила миссис Аллен. Шесть из оставшихся в пепельнице окурков были от этих сигарет. Остальные три — от турецких.

— Совершенно верно.

— Вам подсказал это ваш замечательный нос?

— Уверяю вас, что мой нос здесь совершенно ни при чем.

— Но зато клеточки серого мозгового вещества кое-что засекли, не так ли?

— Кое-что я действительно мысленно отметил. Например, из комнаты явно кое-что исчезло, но зато кое-что, я думаю, было добавлено. Кроме того, на бюро...

— Так я и знал! Мы возвращаемся к этому треклятому гусиному перу.

— Отнюдь. Перо играет исключительно негативную роль.

Джэпп отступил на более надежную почву.

— Я договорился с Чарльзом Лавертон-Уэстом, что он зайдет повидаться со мной через полчаса в Скотланд-Ярде. Не хотите ли присутствовать при этом?

— Даже очень.

— Могу также сообщить, что мы нашли майора Юстаса. У него квартира на Кромвель-роуд. Судя по тому, что мы о нем узнали, личность это несимпатичная. После встречи с Лавертон-Уэстом давайте повидаемся с ним. Идет?

— Отлично.

— Тогда пошли!

В половине одиннадцатого Чарльз Лавертон-Уэст вошел в кабинет старшего инспектора Джэппа. Хозяин кабинета встал и пожал вошедшему руку.

Окончание. См. «Огонек» № 33.

Член парламента был мужчина среднего роста и явно человек с характером. Он был гладко выбрит, с подвижным ртом актера, глазами навыкате и смотрелся красивым джентльменом, притом что в его внешности не было ничего броского.

Он вежливо, но решительно отклонил обычные выражения соболезнования со стороны Джэппа.

— Оставим в стороне мои чувства. Скажите, старший инспектор, знаете ли вы, что побудило мою... миссис Аллен лишить себя жизни?

— А сами вы не можете нам ничего подсказать?

— Абсолютно ничего.

— Между вами не было ссоры, никакой размолвки?

— Ничего подобного не было. Случившееся явилось для меня величайшим потрясением.

— Может быть, дело несколько прояснится, сэр, если я сообщу вам, что это было не самоубийство, а убийство?

— Убийство?! — Глаза Лавертон-Уэста, казалось, были готовы выскочить из орбит.— Вы сказали — убийство?

— Совершенно верно. А теперь, мистер Лавертон-Уэст, скажите, не хотел ли кто-нибудь расправиться с миссис Аллен?

Лавертон-Уэст отвечал, почти захлебываясь:

— Это... это просто немыслимо! Сама эта идея абсурдна!

— Она никогда не упоминала о каких-либо врагах, недоброжелателях?

— Никогда.

— Вы знали, что у нее был пистолет?

— Нет.

Он выглядел слегка шокированным.

— По словам мисс Плендерлейт, миссис Аллен привезла оружие из-за границы несколько лет назад.

— Вот как?

— Правда, тут мы можем опираться только на показания мисс Плендерлейт. Вполне возможно, что миссис Аллен опасалась чего-то и держала пистолет под рукой, имея на то свои причины.

Чарльз Лавертон-Уэст с сомнением покачал головой. Он производил впечатление человека, совершенно сбитого с толку.

— Какого вы мнения о мисс Пленделейт, мистер Лавертон-Уэст? Я хочу спросить, считаете ли вы ее человеком, достойным доверия?

— Я бы сказал, да...

— Она вам не нравится? — спросил Джэпп, пристально наблюдавший за собеседником.

— Не то, чтобы... Я не в восторге от молодых женщин такого типа... Меня такие ядовитые и независимые характеры не привлекают, но я бы сказал, что доверять ей вполне можно.

— Гм...— проворчал Джэпп,— знакомы вы с майором Юстасом?

— Юстасом? Юстасом? Ах, да, вспоминаю. Я встретился с ним однажды у Барбары... миссис Аллен. Он не тот человек, которого я был бы рад видеть в своем доме после женитьбы.

— Что говорила по этому поводу миссис Аллен?

— О, она была абсолютно согласна со мной. Она целиком и полностью доверяла моему суждению. Мужчина разбирается в других мужчинах лучше, чем женщина. Она объяснила, что не может быть невежливой со знакомым, которого довольно долго не видела. Но, естественно, став моей женой, она нашла бы многих людей из своего прежнего окружения, скажем... неподходящими для нашего дома.

— Вы хотите сказать, что, выходя замуж за вас, она тем самым поднималась на более высокую общественную ступень? — без обиняков спросил инспектор.

Лавертон-Уэст протестующим жестом поднял ухоженную руку.

— Не совсем так. Мать миссис Аллен была в отдаленном родстве с моей семьей. По рождению она была равна мне. Но, разумеется, учитывая мое положение, я должен проявлять особую щепетильность при выборе моих друзей — так же, как моя супруга при выборе своих. Ведь находишься как бы на авансцене, у всех на глазах...

— А сейчас, мистер Лавертон-Уэст, будьте любезны сообщить мне, где вы были и что делали вечером 5 ноября.

Парламентарий, казалось, от возмущения лишился дара речи.

— Речь идет о чистейшей формальности,— поторопился успокоить его Джэпп.

Тот взглянул на него с холодным достоинством.

— Смею надеяться, человека, занимающего такое положение, как я, можно было бы избавить от подобных формальностей. Но если вы настаиваете... Я был в палате общин. Ушел оттуда в половине одиннадцатого и прошелся по набережной, любуясь фейерверком. Затем я... отправился домой.

— В каком часу вы пришли домой?

— Не могу сказать точно.

— В одиннадцать? В половине двенадцатого?

— Приблизительно так.

— Кто-нибудь открыл вам дверь?

— Нет. У меня свой ключ.

— Встретили кого-нибудь, когда прогуливались?

— Нет... Поистине, старший инспектор, этот допрос оскорбителен! И если это все...

— Пока все, мистер Лавертон-Уэст.

— Вы будете держать меня в курсе?

— Конечно, сэр. Кстати, разрешите представить вам мсье Эркюля Пуаро. Вы, вероятно, слышали о нем.

— Мсье,— сказал Пуаро, и вся его повадка внезапно сделалась подчеркнуто неанглийской,— поверьте, сердце мое обливается кровью, глядя на вас. Такая утрата! Но ни слова больше; вы, англичане, так великолепно умеете скрывать свои чувства.— Он выхватил свой портсигар.— Позвольте мне. Ах, он пуст... Джэпп?

Тот похлопал себя по карманам и покачал головой.

Лавертон-Уэст извлек собственный портсигар и пробормотал:

— Э... э... прошу вас, мсье Пуаро.

— Благодарю, благодарю вас.— Пуаро воспользовался приглашением.

— Как вы только что сказали, мсье Пуаро,— продолжал Лавертон-Уэст,— мы, англичане, не выставляем напоказ наши чувства. Сохранять самообладание при всех обстоятельствах — вот наш девиз.

С этими словами он поклонился обоим и вышел из комнаты.

— Чванливый пижон! — с отвращением промолвил Джэпп.— Но выглядит импозантно и наверняка пользуется успехом у женщин, особенно у лишенных чувства юмора. Ну, что сигарета?

Пуаро передал ее инспектору, покачав головой.

— Египетская. Дорогой сорт.

— Да, тут нам ничего не светит... А жаль, так как я в жизни не сталкивался с более сомнительным алиби. По сути дела, это вообще никакое не алиби... Знаете, Пуаро, лучше бы дело обстояло наоборот. Вот если бы она шантажировала его! Он подлинная находка для шантажиста, платил бы, как ягненок. Пошел бы на все, лишь бы избежать скандала. Ну, перейдем к Юстасу. У меня есть кое-что о нем. Довольно гнусный тип...

— Кстати, что там мисс Плендерлейт?

— Подождите секунду, я позвоню и узнаю последние новости.

После короткого разговора с кем-то по телефону он положил трубку и взглянул на Пуаро.

— Она не из чувствительных. Отправилась играть в гольф. Хорошенькое времяпрепровождение для женщины, у которой накануне убили подругу.

Пуаро издал невнятное восклицание.

— Что еще? — осведомился Джэпп.

Но Пуаро, не отвечая, бормотал как бы про себя:

— Разумеется... Ну, конечно, какой же я идиот... Ведь это просто бросается в глаза...

Джэпп грубовато прервал его:

— Кончайте лопотать и давайте займемся Юстасом.

Он был поражен, увидев, как по лицу Пуаро расплывается сияющая улыбка.

— Конечно, друг мой, давайте займемся им. Видите ли, теперь я знаю все, абсолютно все.

8

Майор Юстас встретил их с уверенностью и непринужденностью светского человека. Он предложил им выпить и, когда они отказались, вынул портсигар. Взяв по сигарете, Джэпп и Пуаро обменялись быстрыми взглядами.

— Я вижу, вы курите турецкие,— вымолвил Джэпп, вертя в пальцах сигарету.

— Да, а вы предпочитаете что-нибудь другое? Где-то здесь у меня должны быть...

— Спасибо, не беспокойтесь.— Джэпп наклонился вперед, его тон несколько изменился.— Вы, наверное, догадываетесь, майор Юстас, по какому поводу я к вам пришел?

Юстас отрицательно покачал головой. Его манеры оставались беспечными. Майор был высоким мужчиной, красивым несколько грубоватой красотой. У него были мешки под глазами — небольшими и хитрыми, не соответствующими добродушной раскованности его поведения.

— Представить себе не могу, что заставило такую важную шишку, как старший инспектор, заглянуть ко мне. Что-нибудь с моей машиной?

— Нет, речь идет не о машине. Вы, кажется, знали некую миссис Барбару Аллен, майор Юстас?

— Вот оно что! Разумеется, мне следовало догадаться. Весьма прискорбный случай.

— Значит, вы знаете, что произошло?

— Прочел вчера вечером в газете. Очень печально.

— Насколько мне известно, вы знали миссис Аллен в Индии?

— Да, тому уж несколько лет.

— Вы были знакомы и с ее мужем?

Майор помедлил какую-то долю секунды, но за эту мгновенную паузу он успел бросить молниеносный взгляд на лица гостей. Потом ответил:

— Нет, я не встречался с Алленом.

— Но вы что-нибудь знаете о нем?

— Слышал, что это было не бог весть какое сокровище. Впрочем, до меня доходили только слухи.

— Миссис Аллен ничего не рассказывала?

— Она о нем никогда не говорила.

— У вас с нею были близкие отношения?

Майор Юстас неопределенно пожал плечами.

— Мы были старые друзья, но виделись не так уж часто.

— Но вы видели ее 5 ноября вечером?

— Да.

— Вы навестили ее дома, не так ли?

Собеседник кивнул.

— Да, она советовалась со мной насчет некоторых денежных вложений. Я понимаю, куда вы клоните,— ее настроение и тому подобное... Трудно сказать что-либо определенное. Держалась она достаточно нормально, но, как я теперь припоминаю, несколько нервозно...

— Однако она ничем не намекнула вам на то, что собирается сделать?

— Абсолютно ничем. Прощаясь, я даже сказал ей, что скоро позвоню и мы вместе пойдем куда-нибудь развлечься.

— Вы сказали, что позвоните ей? Это были ваши последние слова?

— Да.

— Любопытно. По моим сведениям, вы сказали нечто совсем иное.

— Разумеется, за точность я ручаться не могу, но...

— Насколько мне известно, в действительности вы сказали: «Обдумайте это и дайте мне знать».

Юстас побледнел.

— Минутку, да, мне кажется, вы правы. В принципе, я хочу сказать. По-моему, я предложил ей дать мне знать, когда именно она будет свободна.

— Не совсем одно и то же, а? — спросил Джэпп.

— Милый мой, вы не можете ожидать, что человек дословно вспомнит сказанное им в том или другом случае.

— А каков был ответ миссис Аллен?

— Она сказала, что позвонит мне. Это все, что я могу припомнить.

— И тогда вы сказали: «Ладно. Пока».

— Возможно. Во всяком случае, что-то вроде этого.

Джэпп спокойно промолвил:

— По вашим словам, миссис Аллен просила у вас совета относительно ее денежных вложений. Не передала ли она случайно вам двести фунтов наличными, чтобы вы вложили их для нее?

Лицо Юстаса покраснело от гнева, он подался вперед и прорычал:

— Что, черт подери, хотите вы этим сказать?!

— Сделала она это или нет?

— Это вас не касается, господин старший инспектор.

— Миссис Аллен взяла двести фунтов стерлингов наличными из своего банка. Часть денег была выдана пятифунтовыми банкнотами. Их, разумеется, можно будет легко проследить.

— Если даже она забрала в банке эти деньги, что из того?

— Предназначались эти деньги для дальнейших вложений, майор Юстас, или для передачи шантажисту?

— Да это просто смешно! Что еще выдумаете?

Джэпп заявил самым официальным тоном:

— Теперь, майор Юстас, я должен попросить вас явиться в Скотланд-Ярд для дачи показаний. Совершенно добровольно, конечно, и, если хотите, вы можете сделать это в присутствии вашего адвоката.

— На кой дьявол мне адвокат? И чего ради вы мне это предлагаете?

— Я расследую обстоятельства смерти миссис Аллен.

— Господи, боже мой, уж не предполагаете ли вы... Да это бред какой-то! Дело было так: я договорился с Барбарой, что приду к ней, и пришел.

— В какое время?

— Приблизительно в половине десятого вечера. Мы сидели, разговаривали...

— И курили?

— Да, и курили. Это что, преступление?

— В какой комнате вы беседовали?

— В гостиной. Слева от входной двери. Разговор был вполне дружелюбный. Я ушел почти в половине одиннадцатого. На минуту я задержался у двери, чтобы сказать пару слов на прощанье...

— Поистине на прощанье,— пробормотал Пуаро.

— А вы-то, собственно, кто такой? — злобно прохрипел Юстас.— Какой-то паршивый иностранец! И чего вы встреваете в это дело?

— Я Эркюль Пуаро,— с достоинством ответил тот.

— А мне наплевать! Как я уже сказал, мы с Барба-

Рисунок Вячеслава ЛОСЕВА

рой расстались друзьями. Я поехал прямо в Дальневосточный клуб. Приехал туда в одиннадцать двадцать и сразу сел за карты. Играл в бридж до часу ночи с половиной. Вот вам, подавитесь!

Он бросил вызывающий взгляд на Джэппа: «Удовлетворены?»

— Вы оставались в гостиной на всем протяжении вашего визита?

— Да.

— И не поднимались наверх, в комнату миссис Аллен?

— Говорю вам, нет. Мы оставались в одной комнате и не выходили оттуда.

Минуты две Джэпп задумчиво смотрел на него, а потом задал следующий вопрос:

— Сколько у вас пар запонок?

— Запонок? Какое это имеет отношение к делу?

— Разумеется, вы не обязаны отвечать на этот вопрос.

— Я не против ответить на него. Мне нечего скрывать. Но я потребую извинения. Значит, вот эти...— он протянул руки.

Джэпп взглянул на золотые с платиной запонки и кивнул.

— ...И вот эти.— Он поднялся, открыл ящик стола и, вынув оттуда футляр, грубо ткнул его почти под нос инспектору.

— Очень милый рисунок.— одобрил Джэпп.— Я вижу, одна сломана, кусочек эмали отвалился.

— Что из того?

— Вы не помните, когда это случилось?

— День или два назад, не раньше.

— Вы удивились бы, узнав, что запонка сломалась, когда вы были в гостях у миссис Аллен?

— Что тут особенного? Я же не отрицаю, что был там! — Майор говорил высокомерно. Он продолжал играть роль справедливо возмущенного человека, но руки у него дрожали.

Джэпп наклонился к нему и произнес, подчеркивая каждое слово:

— Да, но этот обломок запонки был найден не в гостиной, а наверху, в будуаре миссис Аллен, где она была убита и где сидел мужчина, куривший те же сигареты, что и вы.

Удар попал в цель. Юстас упал в кресло, его глаза затравленно забегали по сторонам. Зрелище мгновенного превращения самоуверенного забияки в жалкого труса было непригляднмм.

— У вас нет улик против меня.— Он не говорил, а почти скулил.— Вы пытаетесь пришить мне дело... Но у вас ничего не выйдет, у меня есть алиби... Я даже не возвращался к ее дому в тот вечер.

Пуаро заговорил в свою очередь:

— Да, вы не возвращались к ее дому... В этом не было необходимости. Ведь, быть может, миссис Аллен была уже мертва, когда вы покидали ее жилище.

— Это невозможно, невозможно... Она была прямо за дверью... говорила со мной! Ее наверняка кто-нибудь видел... слышал...

Пуаро спокойно продолжал:

— Слышали, как вы говорили с нею... притворялись, будто ждете ее ответа, и якобы отвечаете ей. Это старый и известный прием. Люди, должно быть, предполагали, что она там, но не видели ее, так как не могли даже сказать, была ли она одета в вечернее платье или нет, не могли назвать цвета ее платья...

— Бог мой, это ложь, ложь!

Его всего трясло, он был окончательно раздавлен. Джэпп посмотрел на него с отвращением и сухо сказал:

— Прошу вас, сэр, следовать за мной.

— Это арест?

— Скажем, задержание для снятия показаний.

Последовавшее за этим молчание было нарушено не то вздохом, не то всхлипом. Полным отчаяния голосом недавно еще столь заносчивый майор Юстас пробормотал:

— Мне конец...

Эркюль Пуаро потер руки с видом полного удовлетворения.

9

— Быстро же он сломался,— сказал несколько позднее Джэпп Эркюлю Пуаро, сидевшему рядом с ним в автомобиле.

— Он увидел, что игра проиграна,— отозвался с отсутствующим видом Пуаро.

— Мы многое можем предъявить ему,— продолжал инспектор полиции,— проживание под двумя или даже тремя чужими именами, сомнительное дельце с чеком и афера в отеле «Риц», где он остановился, назвавшись полковником Батом. Надул полдесятка торговцев на Пиккадилли. Мы задерживаем его по этому обвинению — пока не закруглим последнее дело. Кстати, что, собственно, так спешно погнало вас — и меня с вами — за город?

— Друг мой, дело должно быть закруглено как следует. Нужно объяснить все. Я лично занят разгадкой предложенной вами «Тайны пропавшего чемоданчика».

— Кажется, я назвал это просто «Тайной чемоданчика», но, насколько мне известно, он никуда не пропадал.

— Терпение, друг мой.

Автомобиль свернул в знакомый квартал. У двери дома № 14 Джейн Плендерлейт вылезала из маленького спортивного «остина». Она была одета для игры в гольф. Посмотрев на подъехавших мужчин, она достала ключ и отперла дверь.

— Входите, прошу вас.

Сама она пошла вперед. Джэпп проследовал за ней в гостиную. Пуаро подзадержался в прихожей, пробормотав что-то насчет неудобных рукавов своего пальто, мешающих снять его.

Через мгновение он, избавившись от пальто, также вошел в гостиную, но губы Джэппа под усами дрогнули в ухмылке: его тонкий слух уловил слабый скрип дверцы стенного шкафа.

Джэпп бросил на Пуаро вопросительный взгляд и получил в ответ едва заметный кивок.

— Мы не отнимем у вас много времени, мисс Плендерлейт,— сказал Джэпп.— Я хочу только узнать имя поверенного миссис Аллен.

— Ее поверенного? — Молодая женщина покачала головой.— Я даже не знала, что он у нее был.

— Не знали? Жаль, но ничего не поделаешь. Впрочем, это не так уж важно.— Инспектор повернулся к двери.— Ездили играть в гольф?

— Да.— Она покраснела.— Полагаю, вы сочтете меня бессердечной, но я просто не могла оставаться в этом доме. Мне нужно было выбраться отсюда, заняться чем-нибудь, иначе я сошла бы с ума!

— Я понимаю вас, мадемуазель,— вставил Пуаро.— Это вполне естественно. Сидеть здесь, как в клетке, и думать, думать... Да, это не весело.

— Вы играете в гольф-клубе? — поинтересовался он далее.

— Да, в Уэнтуорте.

— Приятный денек сегодня. Увы, на деревьях уже мало листьев, а еще неделю назад лес был великолепен.

— Он и сегодня хорош.

— Всего доброго, мисс Плендерлейт,— вежливо попрощался Джэпп.— Я сообщу вам о ходе дела. Кстати, мы тут задержали одного по подозрению.

— Кого же? — быстро спросила она.

— Майора Юстаса.

Джейн кивнула и нагнулась, чтобы разжечь камин.

— Ну? — спросил Джэпп, когда машина свернула за угол.

Пуаро улыбнулся.

— Это было очень просто. На сей раз ключ был на месте, и... клюшек для гольфа в шкафу нет.

— Естественно; эта Плендерлейт не дура. Еще что-нибудь пропало?

— Да, маленький чемоданчик.

Джэпп резко затормозил.

— Проклятье! — воскликнул он.— Я чуял, что в нем что-то есть. Но что, черт побери, что?! Ну, ладно... А теперь куда?

Пуаро взглянул на часы.

— Еще нет четырех. Я думаю, мы успеем доехать до Уэнтуорта до темноты.

— Думаете, она действительно ездила туда?

— Я полагаю, да. Она сообразит, что мы наведем справки. Не сомневаюсь, что она побывала там.

— Ладно, едем, однако, хоть убейте, не понимаю, какое отношение чемодан имеет к этому преступлению!

— Тут, мой друг, я согласен с вами — он не имеет к преступлению ни малейшего отношения.

— Так какого же дьявола?.. Нет, не рассказывайте мне! Знаю я ваш девиз: порядок, методичность, все в свое время. Великолепная погода сегодня!

Поскольку день был будний, в уэнтуортском гольф-клубе, куда они прибыли около половины пятого, народу было немного.

Пуаро прямо прошел к старшему тренеру и спросил клюшки мисс Плендерлейт. Она завтра будет играть на другой дорожке, объяснил он. Ему немедленно вручили спортивную сумку с клюшками, на которой были инициалы «Д.П.».

— Спасибо,— поблагодарил он.— Кстати, не оставила ли она у вас и небольшой чемоданчик?

— Нет, сэр. Может быть, она оставила его в помещении клуба. У нас ведь здесь только инвентарь. Мне кажется, сегодня, когда она была здесь, чемоданчик был при ней.

Возвращаясь к машине, Пуаро остановился на минуту, восторгаясь открывшимся перед его глазами видом.

— Как красивы эти темные сосны... на фоне озера, да, озера.

Джэпп быстро взглянул на него.

— Ах, вот оно что...

Пуаро улыбнулся.

— Я думаю, возможно, кто-нибудь что-нибудь заметил. На вашем месте я выяснил бы это, друг мой.

10

Пуаро отступил назад, обозревая убранство комнаты. Один стул здесь, другой — симметрично ему — там. Очень мило и аккуратно... А вот и звонок у двери — это наверняка Джэпп.

Полицейский чин из Скотланд-Ярда буквально ворвался в комнату.

— Вы попали в самое яблочко, старина! Люди видели, как молодая женщина — по описанию, Джейн Плендерлейт — вчера швырнула что-то в озеро в Уэнтуорте. Нам довольно легко удалось выловить эту штуку: как раз в этом месте густые заросли тростника.

— И что же это было?

— Чертов чемоданчик! Но почему, хотел бы я знать! Просто ум за разум заходит... Чемодан абсолютно пуст, даже журналов нет. Зачем молодой женщине в здравом уме и твердой памяти бросать хороший, дорогой чемодан в озеро? Всю ночь я ломал над этим голову.

— Бедный мой Джэпп! Но сейчас вашим тревогам пришел конец, у входной двери снова звонят — это ответ на ваш вопрос.

Камердинер Пуаро открыл дверь и доложил:

— Мисс Плендерлейт.

Джейн вошла с обычным самоуверенным видом и поздоровалась с присутствующими.

— Я просил вас прийти сюда...— сказал Пуаро.— Прошу вас, садитесь вот здесь, а вы, Джэпп, тут. У меня есть для вас новости.

Мисс Плендерлейт вопросительно переводила взгляд с одного на другого. Нетерпеливым жестом она сняла шляпу и отложила ее в сторону.

— Ну,— сказала она,— значит, майор Юстас арестован.

— Я вижу, вы читали утренние газеты.

— Да.

— Пока ему предъявлено обвинение в менее серьезном правонарушении,— продолжал Пуаро,— а мы тем временем собираем улики в связи с убийством.

— Значит, это все-таки убийство?!

Пуаро кивнул.

— Да. Это было убийство. Умышленное уничтожение одного человека другим человеком.

Она слегка вздрогнула.

— Перестаньте,— невнятно пробормотала она,— когда вы так говорите, это звучит просто ужасно.

— Но это действительно ужасно. А теперь, мисс Плендерлейт, я расскажу вам, как я добрался до истины в этом деле.

Джэпп снисходительно улыбнулся.

— У него свои методы, мисс Плендерлейт,— сказал он.— Я с ним не спорю, пусть его... Давайте послушаем.

Пуаро начал свой рассказ:

— Как вам известно, мадемуазель, я вместе с моим другом прибыл на место преступления утром шестого ноября. Мы вошли в комнату, где было обнаружено тело миссис Аллен, и мне сразу бросились в глаза несколько существенных деталей. Я бы даже сказал несообразностей.

— Продолжайте,— произнесла мисс Плендерлейт.

— Во-первых, насчет запаха табачного дыма.

— Вы преувеличиваете, Пуаро,— возразил Джэпп,— я, например, не почувствовал никакого запаха.

Пуаро с быстротою молнии обернулся к нему.

— Вот именно. Вы не уловили табачного запаха. Я тоже ничего такого не унюхал. Но ведь это в высшей степени странно — так как дверь и окно были закрыты, а в пепельнице оставались окурки от минимум десяти сигарет. А между тем воздух в комнате был совершенно свежим. Но продолжаю: следующей вещью, привлекшей мое внимание, были наручные часы на правом запястье убитой, хотя, как правило, часы носят на левой руке.

Джэпп пожал плечами, и Пуаро поспешил дополнить:

— Но в этом еще нет ничего особенно странного, потому что некоторые предпочитают носить часы именно на правой руке. А теперь я перехожу к действительно интересному обстоятельству — я перехожу, друзья мои, к бюро, вернее, к письменному столу. Оно очень интересно по двум причинам. Во-первых, с него кое-что исчезло.

— Что именно? — спросила Джейн Плендерлейт.

— Листок промокательной бумаги, мадемуазель. Поверхность пресс-папье была абсолютно чистой.

Джейн недоуменно пожала плечами.

— Но, мсье Пуаро, люди часто отрывают использованные промокашки.

— Да, но что они с ними делают? Бросают в корзинку для бумаг, не так ли? Но этой промокашки не было в корзинке для бумаг. Я смотрел.

Джейн Плендерлейт явно теряла терпение.

— Ну, значит, ее оторвали и выбросили раньше. Пресс-папье было чистым, потому что Барбара не писала писем в день, который нас интересует.

— Вряд ли дело обстояло так, мадемуазель. Ведь соседи видели, как миссис Аллен в тот вечер направлялась к почтовому ящику. Она не могла писать внизу — там нет письменных принадлежностей. Вряд ли она прошла в вашу комнату, чтобы написать письмо там. Так что же случилось с использованным ею листком промокательной бумаги? Правда, люди иногда бросают ненужные обрывки не в корзину для бумаг, а в огонь, но в ее комнате было газовое отопление. А камин внизу не горел, поскольку вы сами сказали мне, что растопка в нем дожидалась вашего возвращения.

Он помолчал.

— Любопытная деталь: я искал повсюду, но так и не смог обнаружить листка использованной промокательной бумаги. Похоже, кто-то намеренно убрал этот листок с глаз долой. Почему? Да потому, что отпечатавшиеся на этом листке слова могут быть легко прочитаны с помощью зеркала.

Но с бюро связано еще одно интересное обстоятельство. Джэпп, может быть, вы хотя бы приблизительно помните, как на нем все было расставлено и разложено? Пресс-папье и чернильница в центре, лоточек налево, календарь и гусиное перо направо, не так ли? А теперь припомните: гусиное перо, которое я столь внимательно осмотрел, играло чисто декоративную роль, им не пользовались. Все еще не понимаете? Повторяю: пресс-папье в центре, лоточек для всяких писчебумажных мелочей налево... налево, Джэпп! Но не удобнее ли держать его справа, чтобы доставать правой рукой?

А, я вижу, до вас начинает доходить... Лоточек слева, часы на правом запястье, исчезновение промокашки и... появление в комнате чего-то, чего раньше в ней не было, а именно — пепельницы с окурками.

Воздух был свежим и чистым, Джэпп, в этой комнате, где окно было открыто всю ночь, а вовсе не закрыто... И я мысленно нарисовал себе картину случившегося.

Он круто обернулся к Джейн Плендерлейт.

— Мысленно я увидел, как вы, мадемуазель, подъезжаете к дому на такси, расплачиваетесь, взбегаете по лестнице, быть может, зовете «Барбара!», открываете дверь — и находите вашу подругу мертвой, с пистолетом, зажатым в ее левой руке,— ибо она была левшой,— а поэтому и рана на голове была слева. Вы находите также адресованное вам письмо. В нем говорится, что побудило ее расстаться с жизнью. Полагаю, это было очень трогательное письмо... Молодая, милая, несчастная женщина, доведенная шантажом до страшного конца!

Я думаю, в вашем мозгу немедленно родилась некая идея. Это — дело рук определенного мужчины. Так пусть же его постигнет полное и немедленное возмездие! Вы поднимаете пистолет, вытираете его и вкладываете в правую руку убитой. Затем вы берете предсмертное письмо и отрываете верхний листок пресс-папье с отпечатавшимся на нем текстом. Потом вы спускаетесь вниз, разжигаете камин и сжигаете то и другое. Вслед за этим вы относите наверх пепельницу — в подтверждение мысли о том, что два человека сидели там и курили, и, кроме того, относите туда же найденный на полу обломок эмалевой запонки. Вы рассчитываете, что эта ваша находка поставит в деле последнюю точку. Наконец вы закрываете окно и запираете дверь. Не должно возникнуть и подозрения, что в комнате кто-то уже побывал. Поэтому вы не обращаетесь за помощью к соседям, а звоните прямо в полицию.

Дальше все идет как по маслу. Трезво и холодно играете вы избранную роль. Сначала вы отказываетесь сказать что-либо конкретное, но умело ставите под сомнение версию о самоубийстве. Позднее вы проявляете полную готовность пустить нас по следу майора Юстаса...

Да, мадемуазель, это была умная, даже очень умная попытка убийства майора Юстаса.

Джейн Плендерлейт вскочила на ноги.

— Это было не убийство, а справедливое возмездие! Этот человек довел Барбару до гибели. Она была такой милой, доброй и... беспомощной! Видите ли, бедняжка, когда ей было всего семнадцать лет, связалась в Индии с... одним мужчиной, женатым и гораздо старше ее. У Барбары родился ребенок. Она могла бы отдать его в приют, но не хотела и слышать об этом. Она отправилась в какую-то богом забытую дыру, а потом вернулась, называя себя миссис Аллен. Ребенок умер. Она приехала в Англию и влюбилась в Чарльза — в этого чванливого истукана! Барбара обожала его, а он... снисходительно принимал это обожание. Будь он другим человеком, я бы посоветовала ей все ему рассказать. Но, зная, что он собой представляет, я, напротив, порекомендовала придержать язык. В конце концов никто, кроме меня, ничего не знал о ее прошлом.

И тут черт принес этого Юстаса! Остальное вы знаете. Он начал систематически тянуть из нее деньги, но только вчера вечером она поняла, что подвергает опасности скандала и своего обожаемого Чарльза тоже. Стоило ей выйти замуж за Чарльза, и Юстас добился бы своего. Ведь он только того и хотел, чтобы увидеть ее женой богатого человека, панически боящегося всяких скандалов. Когда Юстас ушел отсюда с деньгами, которые она раздобыла для него, она обдумала сложившуюся ситуацию. Затем она поднялась наверх и написала письмо, адресованное мне. Она писала, что любит Чарльза и не в силах жить без него, но ради его собственного блага не должна выходить за него замуж. Она добавляла, что выбирает наилучший выход...

Джейн откинула голову назад.

— И вы удивляетесь тому, что я сделала? Вы смеете называть это убийством?

— Да, ибо это убийство.— Пуаро говорил суровым тоном.— Иногда убийство может показаться оправданным, но от этого оно не перестает быть убийством. Вы правдивы и умны, мадемуазель, взгляните же правде в лицо! В конечном счете, ваша подруга умерла потому, что ей не хватило мужества жить. Мы можем сочувствовать ей, жалеть ее. Но факт остается фактом: ее смерть — дело ее собственных рук.

Он помолчал.

— А вы? Этот мужчина сейчас в тюрьме, его ожидает длительное тюремное заключение за другие его проступки. Действительно ли вы хотите по своей воле оборвать жизнь — подчеркиваю, жизнь! — человека?

Она пристально смотрела на Пуаро. Глаза ее потемнели. Внезапно она содрогнулась.

— Нет! Вы правы. Этого я не хочу.

Затем, повернувшись на каблуках, она быстро вышла из комнаты. Хлопнула наружная дверь...

Глядя на улыбающегося Пуаро, Джэпп свистнул, помолчал и только потом заговорил:

— Будь я проклят! Значит, не убийство, замаскированное под самоубийство, а как раз наоборот!

— Да, и заметьте, как умно все проделано, ни малейшего наигрыша.

Внезапно Джэпп спросил:

— Но чемодан, какое он-то имеет к этому отношение?

— Дорогой друг, я ведь уже сказал вам, что абсолютно никакого. Дело не в нем, а в клюшках для гольфа. Это были клюшки для левши! Джейн Плендерлейт держала свои клюшки в Уэнтуорте, а эти принадлежали Барбаре Аллен. Неудивительно, что мисс Плендерлейт, как вы выразились, запсиховала, когда мы открыли шкаф. Весь ее план мог пойти прахом. Но она сообразительна и сразу поняла, что на какое-то мгновение выдала себя. Поэтому она сделала лучшее из того, что могло прийти ей в голову,— переключила наше внимание на другой объект, а именно, на чемоданчик. Как она и надеялась, вы пошли по ложному следу. На другой день, решив отделаться от клюшек, она воспользовалась для отвода глаз тем же чемоданчиком.

— Вы хотите сказать...

— Подумайте сами, друг мой. Где лучше всего отделаться от такой вещи, как клюшки для гольфа? Их не сожжешь и не бросишь в мусорный ящик. Если просто оставить их где-то, их могут вернуть. Мисс Плендерлейт поступила проще: взяла их с собой на участок для игры. Несомненно, она — с разумными интервалами — переломала клюшки, забросила их в густой кустарник, а затем отправила туда же и сумку. Если бы кто-нибудь и нашел сломанную клюшку, это никого не удивило бы. Это легко можно объяснить азартом увлеченного игрока.

Но, понимая, что ее поступками могут все-таки заинтересоваться, она бросила в озеро чемоданчик, предварительно удостоверившись, что эти ее действия не остались незамеченными. И вот вам разгадка «Тайны пропавшего чемоданчика»!

Перевела с английского Ирина БУЖИНСКАЯ.

Ирина ЗАТУЛОВСКАЯ

«НАС БО РАДИ РОДИЛСЯ...» («Праздник № 5») 1988

«В ИОРДАНЕ» («Праздник № 6») 1988

ЧИСТЫЙ ЦВЕТ НА КРОВЕЛЬНОМ ЖЕЛЕЗЕ

Живопись Ирины Затуловской трудно отнести к какой-либо ветви современного московского искусства. Ее творчество не вписывается в «левое крыло» МОСХа с его установкой на мастеровитость, часто вырождающуюся в салонность, в тиражирование некогда найденного приема. Для «левого МОСХа» Затуловская пишет сухо, трудно, «невзрачно» и глубоко. Использует нетрадиционные материалы, вводит в изображение тексты — и, значит, «предает» станковую живопись ради авангардного объекта.

Для московского авангарда Ирина Затуловская тоже не вполне «своя». В ее творчестве нет «обсуждения» языка, функции и роли искусства, отношений искусства и социума, искусства и власти — того, что образует интригу концептуализма.

Все изобретения Ирины Затуловской — живопись на кровельном железе, на толе, вращающиеся портреты на досках — не авангардная рефлексия, но находки колориста, открывающего нужные ему для выражения цвет, плотность, тяжесть, фактуру разных материалов. В отличие от многих Затуловская хочет говорить не об искусстве, но о жизни, о ее переживании сейчас, о том, как она отпечаталась в душе с детства.

Отказавшись от «фальковской» традиции, той школы, которую она прошла в юности, Затуловская обнажает цвет. Она «красит», как красят

«ВСТРЕЧА» («Праздник № 7») 1988

«БАБА МАНЯ»
1983

забор,— это самое честное понимание цвета. Так или почти так покрашен авангардный объект, так «красил» Казимир Малевич — от природы, так стал «красить» другой мастер русского искусства начала века — Михаил Ларионов — во всеоружии европейской живописной культуры.

Но в этой «честной», грубой краске всегда что-то мерещится в глубине, в ней живет цвет, насыщенный пространством, светом, настроением... Почти одной зеленой краской в работе «Вокруг монастыря» (1984) выкрашена рамка — и создана беспредельная даль горизонта, тающая и светящаяся.

В творчестве Затуловской сплелись традиции русской иконы и фрески, авангарда 1910—1920-х годов и целого пласта неофициального, независимого искусства 1930-х. Они предопределены ее художественным «генетическим кодом» — Затуловская ничего не может заимствовать, ничему не может научиться, что не созрело бы внутри ее искусства.

Доски Затуловской своим происхождением восходят к иконе, понятой не только как горний образ, но и как пластическое тело, состоящее из досок с определенной толщиной, весом, с оборотной стороной. Традиция вводить в изображение надписи идет через живопись Михаила Ларионова от иконы, от лубка. Цвет и очертания букв воскрешают пластическую природу письма. Само начертание надписей у Затуловской — нечто полярное «социальным» шрифтам и безличностному бюрократическому

«РОЖДЕСТВЕНСКАЯ НОЧЬ» 1986

«ВОКРУГ МОНАСТЫРЯ»
1984

почерку текстов в работах Ильи Кабакова. У Затуловской стихи появляются чаще и занимают больше места, когда она работает на листе кровельного железа с твердой поверхностью,— ведь он больше, чем податливый, впитывающий холст, напоминает лист бумаги с буквами, лист книги. Череда слов вольно ведет в любом направлении руку художника и глаз зрителя. Иногда буквы ниспадают, как капли с весенних сосулек. Стихи, такие же «невоспитанные», как безыскусные изображения, не поясняют оных, а те не иллюстрируют стихи. В их соединении есть некое проникнутое мягким и часто грустным юмором смысловое смещение. Простые слова о самых важных вещах:

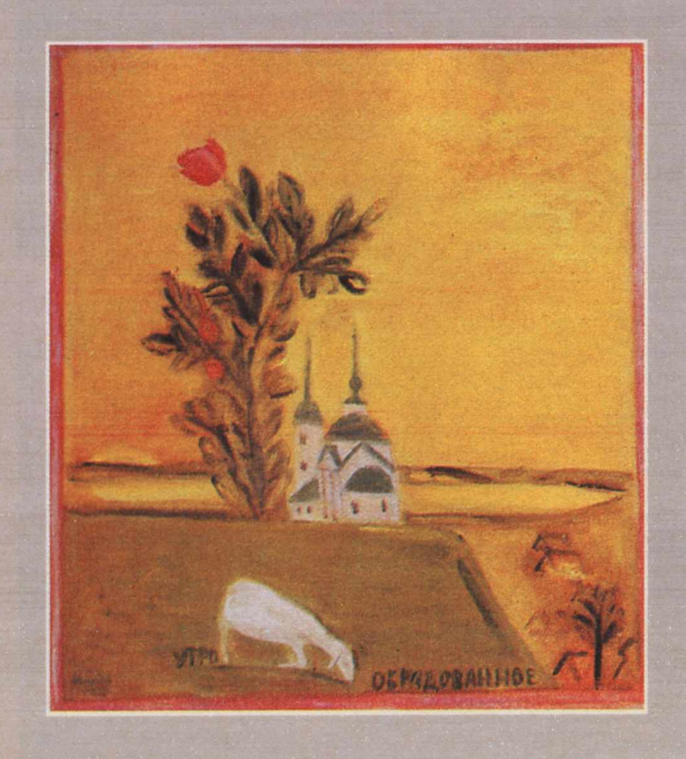
«Образ так просто
любить созданный в мыслях
людям гораздо труднее
любить человека грешного и
некрасивого с изъянами тела.
Но мне не грозит тут
ошибка. Такого, живого безумно
я сердцем люблю.
Осенью скажешь:
скучать по тебе — хорошо!» — переходят с одной стороны темной доски на другую, обрамляя бесхитростные изображения букета подсолнухов и нахохлившейся вороны на пригорке, под белыми звездами — или снежинками — в деревянном небе...

Важная для Затуловской традиция — неофициальное искусство 1930-х годов. Это А. Древин, Р. Фальк, М. Соколов, А. Софронова, П. Басманов, Ю. Васнецов и еще ряд художников, которых мы теперь заново открываем. Это искусство — «ворованный воздух» (выражение Мандельштама). Созданное «без разрешения», оно наследует и развивает пластические открытия авангарда 1910—1920-х годов, во многом отходя от его концепций, и одновременно обращается к классике.

В портретах Ирины Затуловской на досках, имеющих оборотную сторону, «затылок» (некоторые — поворачиваются на штырях), нет типизации, они стремятся быть «портретами души», и оттого иногда в них взрослые похожи на детей. И каждый ее герой безошибочно узнается.

Ирина Затуловская говорит, что удачные ее вещи рождаются, «приходят» помимо нее самой. В этих случаях она не знает, что выйдет в конце работы, и оказывается часто удивлена тем, что получилось, что «произошло». А это — классическое, от века повторяющееся и всегда изумляющее явление художника-проводника. Посредника, воплощающего невоплотимое.

Татьяна ЛЕВИНА



«УТРО ОБРАДОВАННОЕ»
(«Праздник № 3»)
1987

«ПОБЕДА НЕПОБЕДИМАЯ»
(«Праздник № 4»)
1987

Не хочу присваивать себе авторство: эти слова написал на подаренной режиссеру пластинке его новый друг Борис Гребенщиков: «Сергею Соловьеву — отцу новой стагнации. С любовью. Б. Г.». Соловьев гордится этим знакомством, этой пластинкой и этими словами. Кто другой, может, и обиделся бы, но только не он. Соловьев не перестает удивлять окружающих неожиданностью своих оценок, своих поступков, своих суждений, своих фильмов, наконец... Он не из тех, кто постоянно жалуется на ужасающую действительность и невозможность что-либо в ней изменить. Он как раз из тех немногих, кому удается что-то менять в ней. Его, пожалуй, можно назвать Победителем, и за это его многие недолюбливают. Победителей не любят, хотя никогда не говорят об этом вслух...

Мы сидим в его небольшой однокомнатной квартире где-то у черта на рогах, на самой окраине. Антикварная мебель, живописные портреты XIX века, копии античных статуй, а рядом — суперсовременный компьютер и постоянно щелкающий автоответчик. Режиссер, художественный руководитель студии «Круг», первый секретарь Московского союза кинематографистов, руководитель новой хозрасчетной мастерской ВГИКа, он постоянно ощущает необходимость что-то придумывать.

Фото Валерия ПЛОТНИКОВА

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ — ОТЕЦ НОВОЙ СТАГНАЦИИ

ПОЗИЦИЯ

Анастасия НИТОЧКИНА

— Ну, что бы нам придумать такого? Все сошли с ума от говорения. И я в том числе. Устал, надоело...

— Тогда я буду сводить с вами счеты. Помните, сразу после пятого, «революционного», съезда кинематографистов — оживление, бурление в студенческой вгиковской среде. Мы были полны желания что-то изменить и рассчитывали на поддержку Союза кинематографистов. Вы с Климовым действительно стали нам помогать... Потом все стихло. Мы говорили, что революция не удалась. Больно, обидно, противно... Но совсем недавно мне сказали, что был, оказывается, заключен негласный договор между Союзом и ЦК. Вам сказали: «Делайте все, что хотите, но ВГИК оставьте в покое. Во всем остальном поможем». Мы, студенты, оказались пешками в большой игре. Вы нас просто предали...

— Я слышу все это впервые. Нет, ничего подобного не было! Предали нас. Мы начали получать письма от самих же студентов, которые умоляли оставить их в покое, дать возможность нормально учиться, а не менять хорошую профессию на дешевую политическую борьбу. Нас предал тогдашний МГК КПСС. Нас предал Идеологический отдел ЦК КПСС, который предложил подумать об альтернативной системе образования, например, при МГУ. Мы столкнулись с круговой порукой во всех эшелонах власти. Было очень странно, что хиленькое заведеньице, каким казался нам ВГИК, оказалось неприступным бастионом. И самое главное — располагало феноменальными связями. В какой бы кабинет мы ни заходили, нас уже ждали, знали, с какими доводами мы придем, и все контраргументы были заготовлены. Мы стали заложниками перестроечного романтизма. Наша энергия захлебнулась в коридорах безукоризненно отлаженной системы...

— Грустно...

— Грустно, потому что все продолжается. И даже Марлен Мартынович Хуциев, человек уважаемый, знамя оттепели 60-х годов, на каждом собрании кинематографистов продолжает утверждать, что ВГИК — лучшая в мире киношкола. Что вокруг ВГИКа якобы сложился заговор карьеристов. Карьеристы — это, наверное, Климов и я, позже к нам примкнули Смирнов и Агишев.

— Ну, а сегодня вы видите выход?

— ВГИК — это бюрократический монолит прошлого. Как и все остальные монолиты, он охраняется государством. Наша задача — создать внутри него свой микромир. Создать такую среду обитания, в которой можно было бы существовать, чтобы с души не воротило. Я тогда ушел из ВГИКа... А сейчас снова набрал актерско-режиссерскую мастерскую. Но уже хозрасчетную и уже как бы самостоятельную. У нас свои педагоги, свои принципы — и художественные, и нравственные... Не удалась революция?.. Ну, что ж, попробуем еще один способ реформы этого учебного заведения...

— А как проект кинофакультета в МГУ?

— Знаете, я понял одну очень важную вещь. На сегодняшний день любые проекты, которые имеют срок реализации три-четыре года, абсолютно бессмысленны. С каждым днем предсказание Воланда на Патриарших становится все более грозным. Смысл всех проектов — выполнимость в течение пяти месяцев, максимум в течение года. Дальше планировать совершенно невозможно. Мне смешно слушать Рыжкова, который говорит: «Дайте нам спокойно работать восемь лет». Да кому вы будете нужны через восемь лет?! Почему в нашей бессмысленной говорильне внимание людей вдруг сфокусировалось на Бочарове? Он назвал срок — 500 дней! Это вполне обозримое будущее. Или генерал какой-то говорит о реформе в армии: «Мы стараемся перейти к тому, чтобы после 1995 года призывать в армию на один год». Да не будет у вас уже никаких призывников после 95-го года! А они все сидят, жуя свои генеральские пайки, и думать не думают даже о профессиональной армии. Бред, тупость, беспомощность...

— Вы, наверное, испытываете сейчас чувство глубокого удовлетворения, что в свое время не вступили в партию? Ведь не приходится мучиться вопросом, как же из нее теперь «слинять»...

— У меня всегда были сложные взаимоотношения с окружающими. Меня обвиняли в конъюнктуре, когда я снимал «100 дней после детства». Якобы не бывает таких лагерей. Я начал комплексовать и даже думал, что надо бы снять что-нибудь общественно-полезное, про стукачей, что ли... Я не конформист, но ненавижу воздвигать на собственном пути препятствия, чтобы потом их же и преодолевать. Я не умею наслаждаться этим самоистязанием. Радоваться я люблю гораздо больше, чем биться головой о стену. Но, несмотря ни на что, мне никогда в жизни не могла прийти мысль о вступлении в партию.

— Руки не выкручивали?

— Выкручивали. В течение семи лет. Приходили новые партийные секретари, и каждый считал своим долгом впихнуть меня в партию. И всякий раз я молол какую-то околесицу. Я твердо понял: чем невероятнее околесица, тем она убедительнее для этих людей... Сначала я говорил, что пока не дозрел. «Как это не дозрел?» — вопрошали меня.— Говорить с двадцатью миллионами своих зрителей дозрел, а в партию нет? Ты эти глупости давай кончай...». Я понял, что доводы, в которых есть хоть какая-то логика, хоть какой-то здравый смысл, не годятся. И года через три стал говорить: «Вы знаете, я никак не могу вступить в партию». «Дурак! — говорили мне в темном коридоре.— Ты не представляешь, как трудно вступить в партию. Разнарядки на интеллигенцию не дают, мы с трудом добились для тебя места. Иди и немедленно пиши заявление!». Я жутко надувал щеки, упирал безумные глаза в пол и отвечал: «Я не могу. Мои фильмы зрители не смотрят. Значит, во мне есть какой-то внутренний изъян. Я не могу с таким чудовищным изъяном в партию идти». Я плел это в течение семи лет. Потом меня оставили в покое.

— А никогда не жалели, что отказывались?

— О чем вы говорите? Эта партия висела над нами с самого рождения. Я знаю несколько хороших, порядочных людей, которые вступили в партию. Но я ни разу не слышал от них: «Боже, как я счастлив, что вступил в партию». Но они могут по крайней мере более или менее сносно объяснить, как они там оказались. Один — на войне. Понятно. Другой — в оттепель 56-го года. Опять-таки понятно... Но никто из них никогда не сказал, что его цель — «построение коммунизма в одной, отдельно взятой стране». Такого я не встречал ни разу... Мы все родились с этой партией. Ну если у вас пьяница отец, например, что, его теперь убить? Но и спиваться по его примеру тоже глупо.

— В оттепель действительно многие вступили в партию — с надеждой что-то изменить в нашей жизни. Перестройку часто сравнивают с той оттепелью. Однако сегодня думают не о том, как в партию вступить, а как из нее побыстрее выйти...

— Чем отличается оттепель от нашего времени? Разные уровни сознания. Тогда говорили: «Это абсолютно честный коммунист, а на него возвели поклеп, будто бы он хотел убить Сталина». Сама постановка вопроса казалась кощунственной: честный коммунист, а ему приписывают, что он хочет убить Сталина. А сегодня: «Ну если ты действительно был мало-мальски честным коммунистом, почему же ты его не убил?». Раньше говорили: «Не было никакого заговора, он честно служил...». Только чему он честно служил? Иначе говоря, и оттепель, и перестройка — это попытка освобождения от догматического сознания. Однако нынешняя спираль этого движения уже вплотную приблизилась к настоящей свободе. Тогда было послабление. Сейчас — переход к нормальному человеческому мировоззрению.

— Судя по фильмам, вы всегда были неполитизированным человеком. Однако после пятого съезда активно включились в борьбу, в общественную, организационную работу. Оказалось, что у вас много сил, энергии, желания и, главное, умения делать дело. Откуда в вас это? Вы сознательно скрывали свои возможности или сами о них не знали? Ведь и возраст у вас уже зрелый — пора о душе думать, здоровье беречь...

— Просто я очень реалистично мыслю. Я рано пришел во ВГИК, в семнадцать лет. Но уже тогда меня очень увлекала в общении с другими людьми попытка создания человеческой среды обитания. Среды, в которой человек может сохранить себя, не погибнуть. Я никогда не думал о судьбах человечества, но для себя и своих близких всегда старался такую среду создать. Мои фильмы «100 дней после детства», «Спасатель» и «Наследница по прямой» — это попытка внедрить классику в бытовое пространство жизни, попытка создать сложный комплекс охранительных структур, чтобы не спятить, не повеситься, не выкинуться из окна. Каждый день неумолимо приговаривал к этому. Мои фильмы и дела тех лет я понимаю как своего рода кислородные подушки, которые качали человеку озон... Как только изменилась ситуация, сразу появилась возможность расширить эту озонную сферу. Я почувствовал, что в условиях ломающихся структур можно сделать гораздо больше. Это не бессмысленная, донкихотская деятельность во имя всего человечества. Наше жизненное пространство — я всегда это ощущал чрезвычайно болезненно — очень страшно: архитектура городов, подъезды, лифты, в которых писают и какают, в которых все давно сломано... Наш повседневный быт постоянно говорит: «Умри, застрелись, повесься, выкинься из окна, погибни...».

— Или отвали...

— Конечно. Но все это при невероятной красоте России, которую я обожаю. Я снимаю сейчас на Николиной горе — возникает не умиленность, а потрясение красотой! Это невероятно, как уживаются рядом эта дрянь и эта красота. Моя общественная задача, как я ее ощущаю, состоит в том, чтобы по мере возможности отбивать куски безжизненного, гниющего пространства и очеловечивать их. Я чувствую, что это возможно.

Лично мне силы, энергию и желание жить дает только возможность снимать картины. Я это делаю беспрерывно. Если бы я полгода провел в заседаниях, сатисфакциях, ротациях, я бы сошел с ума...

— До определенного момента вы были очень последовательны в своем творчестве: осуждали моду обязательно снимать новый фильм так, чтобы он не был похож на предыдущий. Вы всегда возвращались к тому, во что верили. Вы утверждали, что отказываться стоит лишь в том случае, если жизнь неумолимо доказывает обратное. Жизнь вам что-то доказала? Научила? Изменила вас? Или в какой-то момент вы решили изменить ее?

— Что касается моих убеждений в области искусства, я эстет. Самый что ни на есть закоренелый эстет. Меня интересует исключительно изображение красивого. Меня волнует только открывшаяся в определенный момент красота жизни. Она может быть в женском лице, в пейзаже, в жизненной ситуации и т. д. Ко мне сегодня приходят уже не молодые люди и говорят: «Как же так? Мы были воспитаны на ваших фильмах, а теперь вы продались улице, „Ассе", вы нас предали...». Мне страшно становится: оказывается, на моих фильмах кто-то воспитывался... И про «Ассу» я намолол колоссальное количество всякой чепухи просто для того, чтобы подключить фильм к «публицистическим структурам» времени. «Время Крымовых прошло... Перемен!!!». На самом деле «Асса» — это поэма о красоте эпохи стагнации. Я вам говорю абсолютную правду. Если бы я хотел обличить Крымовых, я бы снимал эту картину в своем загаженном подъезде. Я же снимал ее в зимней Ялте, снимал своего друга Станислава Говорухина, которого уважаю и ценю именно за его крымовские ухватки. Мне доставляет удовольствие на него смотреть. Рокеры говорили мне, что я не ухватил рокерскую жилку. Но она меня абсолютно не интересовала. Меня интересовала красота времени, одной из составных частей которой была эта молодежная культура. А потом мне в голову пришла гениальная идея — показывать не только фильм сам по себе, но и некое культурное поле, к которому он имеет непосредственное отношение. И мы сделали выставку в МЭЛЗе. Я помню, как пришли люди из КГБ принимать эту выставку и говорят: «Здесь у вас висит Ленин, вы уберите его, а то мы все закроем!». А художники отвечают: «Ленин у нас здесь совершенно внеконтекстуален» — и плетут какую-то чушь... А я ходил и думал: „Абсолютный „Мир искусства"». Сомов, Бенуа нового времени. Выставка эта была совершенно эстетской, а не социально-андеграундной. Меня этот андеграунд вообще не интересовал. Меня интересовала красота уходящего куска времени. Никто, кроме Гребенщикова, этого, по-моему, так и не понял. Тогда он подарил мне свою пластинку с трогательной дарственной надписью... С художественной точки зрения брежневское время было поразительно интересно. Нельзя, конечно, гадости вспоминать с умилением, но и у меня, и у Бори существует к нему совершенно неоднозначное, неполитическое, несоциальное отношение. Свою трилогию — «Ассу», «Черную розу» и картину, которую я сейчас снимаю,— я хочу назвать «Три песни о Родине». Сейчас я снимаю фильм, для

которого опять выдумал новый жанр: «абсурдный триллер с романтической любовью». Но на самом деле это как бы пьяный Висконти с его любовью к материальной культуре... Представьте, что Висконти охмелел от нашей жизни... Это опять попытка найти в нашем абсолютно чудовищном существовании нетленную красоту... Я точно следую за этими кретинскими жизненными формами, но меня совершенно не интересует их анализ или их испрямление. Только поиски красоты. Поэтому я никогда и не смогу уехать на Запад (хотя есть замечательные предложения) — невозможно. Это означало бы для меня потерять эту красоту. Я приобрету деньги, комфорт, может быть, новую мастеровитость, но у меня отберут счастье изображения нашей варварской красоты...

— Зачем же тогда перестраивать что-то, изменять жизнь к лучшему, если она, эта жизнь со всеми своими кошмарами, так вас вдохновляет?

— Социально-историческое движение общества и святая, таинственная жизнь искусства — совершенно разные вещи. Это все равно что Федора Михайловича Достоевского удачно женить в молодости, дать хорошее наследство, лишить падучей. Кому он нужен тогда, этот болван? Условия сделали из него феноменального гения...

Наши жизненные условия, конечно, омерзительны, ужасны, гнусны, но это корчи фантастической российской красоты...

— А если через 500 дней, как обещает Бочаров, все вдруг переменится и жизнь станет невероятно прекрасной, что вы будете снимать?

— Тогда уеду... Опять в Колумбию, вернусь к наркобизнесу...

Вы совершенно точно заметили во мне раздвоение личности. Если меня спросят, чего я хочу, я отвечу: «Комфортной, счастливой, благополучной жизни». Но иногда, втайне, я думаю: «Господи, не лиши меня несчастий!» Можно же сразу стать болваном. Вася Шукшин начал с идеи, что все в городе плохо, а в деревне хорошо. Теперь в Сростках его «последователи» кричат: «В городе жиды засели!» Просто бандитское фашистское кодло там собралось... Но из рассказов Шукшина нельзя вытащить ни мысли, ни морали: это изображение дикой, варварской социально-невероятной красоты. И эта красота все время сохраняет человеческую душу. Мы дети страшного, уродского времени, но те, кто спасся, не спились, не сломались, наиболее сильно наделены этим чутьем красоты...

— Вы оптимист?

— Конечно. Здесь, в России, все будет прекрасно, замечательно. Здесь не может быть плохо, если вообще все не полетит в тартарары. У нас все взрывается, лопается, ломается, портится... Но если останется хоть малюсенький клочок чего-то живого — будет очень хорошо, я в это очень верю...

— Вы предпочитаете окружать себя людьми исполнительными или творческими? Какие качества в окружающих вы больше всего цените? Когда на «Мосфильме» вы организовали свое объединение, все шепотом в коридорах сплетничали: Соловьев сошел с ума, набрал себе зубного техника, студентку второго курса, дочку секретаря Союза. Ужас!

— Я очень люблю работать с людьми живыми, которые знают что-то, чего я не знаю... К сорока годам в человеке возникает странная уверенность в жизни. Ему кажется, что он знает, как нужно жить, с кем дружить, как работать, что снимать и т. д. Сорок лет — очень опасный возраст: ты думаешь, что все уже понял. И тут влетаешь в такой жизненный столб, что от тебя только пустое место может остаться. За что я люблю педагогику во ВГИКе? Я ведь совершенно не способен кого-то чему-то научить. Просто для меня это совершенно уникальная лаборатория по обмену творческими идеями. Сашу Баширова (он потом у меня снимался — и в «Ассе», и в «Черной розе») привел Рашид Нугманов. Я думал — алкаш из вытрезвителя, оказалось — студент из параллельной мастерской. С Гребенщиковым, с Цоем меня тоже познакомили студенты. Я вообще не знал об их существовании... Мне страшно нравится любая творческая среда, в которой возникает не просто обмен информацией, а обмен как бы потайной информацией души.

— Одно дело — творческая мастерская во ВГИКе, другое — своя студия, которая должна производить картины, да еще и не прогореть в новых условиях. Кинематографический опыт должен же у сотрудников быть...

— Ничего подобного. Самое главное — идеи. Весь ужас наших общественных структур, причина их косности в том, что они не рассчитаны на людей с идеями. Людей с идеями очень мало... Впрочем, и исполнителей толковых тоже нет. Дефицит человеческий страшный.

— Вы говорили, что принадлежите к поколению «шестидесятников». Что вы сегодня, в девяностые годы, вкладываете в это понятие? Как оцениваете судьбу этого поколения? Состоялось ли оно? Победители они или проигравшие?

— На золоте и серебре ставят, как правило, пробу. Так вот, люди того поколения очень высокой человеческой пробы. Говорят, что хороший человек не профессия. Неправда. Это поколение сцементировало очень хороших людей. Это идеалисты и романтики. В этом есть свои прекрасные стороны. Но именно идеализм и романтика стали причиной крушения этого поколения. Единение правоверных шестидесятников вышибало из своей среды неправоверных шестидесятников. Родилась особая атмосфера, клановая дисциплина шестидесятничества. Но стала естественно оскудевать, становиться все менее жизнеспособной сама идея, вокруг которой эти люди сплотились. Семидесятые и восьмидесятые годы создали непослушные осколки шестидесятников, те, кто вывалился из шестидесятнической общности. А сейчас... Самый порочный путь творческой работы в кино — взять сценарий, который не приняли в 1963 году, и снимать по нему фильм. Это путь гробовой... Очень многие, жутко отрицательные черты нашей общественной жизни, например, либеральная болтовня в Верховном Совете,— это от выживших из ума шестидесятников. Там сидят правоверные шестидесятники, которые добились своего — достигли через 20 лет власти, попали в аппарат. И это ужасно. Чтобы что-то реально изменить, должны прийти совершенно другие люди — новые, молодые, умеющие не слова говорить, а дела делать... Не либеральные демократы, а конструктивные реалисты... А все наши надежды мы все еще связываем именно с этими выжившими из ума шестидесятниками...

— Они — идеалисты - романтики. Вы — конструктивный реалист. Значит, сегодня вы отказываетесь от шестидесятничества?

— Я уже говорил, что живу двойной жизнью. Реалист? Конечно. Но с другой стороны — русский верующий человек. Поэтому, например, убежден, что социальные демократические перестройки общества русскому человеку счастья не принесут. Хотя это, конечно, лучше процветающего нынче свинства. Я уверен, что наше сознание будет развиваться по другим законам. Вы можете назвать хоть один русский роман, в котором бы герой разбогател, нарожал детей и был бы счастлив? Странная атмосфера воцарилась на нашей земле — счастье для людей всегда устраивалось ненормальным порядком. Это идеалистическое понимание мира очень свойственно способу моих размышлений. И при этом я жуткий прагматик.

— Циничный прагматик?

— Нет. Реалистичный прагматик.

Для меня совершенно невозможно задумать картину, а потом четыре года ходить и пробивать ее. У меня была масса картин, которые я мечтал снять, а вместо них снял другие — и благодарен за это судьбе. Жертвенный догматизм — это не для меня. Я очень люблю прелесть живой реальности, которая неизвестно к чему приведет. Наверное, я человек очень цепкий и жизнеспособный.

— Как вам удавалось во все времена сохранять хорошие отношения с начальством? Картины ваши не всегда им нравились, но вас лично они обожали.

— И я их по-своему любил... А они меня? Во-первых, многие начальники любили меня потому, что я не еврей. Они пристально всматривались мне в глаза, долго узнавали, не менял ли я фамилию... Это был один из основных показателей в мою пользу.

Во-вторых, я был не блатным. Начальники очень ценили блатные, «позвоночные» связи, но втайне друг друга за это презирали. А за меня никто никогда и никуда не звонил...

В-третьих, ни с одним начальником я никогда не говорил серьезно. Я всегда молол некую усредненную, удобоваримую чушь. Она не искажала моих представлений, но я адаптировал все свои замыслы до уровня начальственного понимания. Хотя это невероятно сложно.

В-четвертых, среди начальников попадались и просто хорошие люди, пусть и не во всем. Например, Сизов — тогдашний директор киностудии «Мосфильм». Я четыре года не мог со своим «Спасателем» пройти к нему в кабинет. Он мне только записки писал: «Киностудия «Мосфильм» сюжетами о самоубийцах не занимается...»

— А говорили, что не можете пробивать свои замыслы по четыре года...

— Я пробивал, но параллельно снимал другие фильмы. Так вот. В один прекрасный день я пришел к Сизову и говорю: «Вчера открыл газету и в речи Брежнева прочитал: «Нет ничего более ужасного для развития партии, как расхождение слова и дела». Так ведь это же про моего «Спасателя»!» Сизов впервые сфокусировался на мне... Так и появилась на свет эта картина...

Сизов был очень порядочным генеральным директором, он никогда не врал, не темнил, не обещал зря. Я свои отношения с ним строил на этом чисто человеческом уважении друг к другу. Он не мог высидеть и трех склеенных мною кадров — его тошнило, он скучал, с души воротило. На его лице были написаны нечеловеческая тоска и сердечная слабость. Но в наших отношениях не было ни крутежа, ни жульничества, поэтому мы общались по-человечески нормально. Невероятно сложно, но нормально. Я ему за многое благодарен.

— А Ермаш?

— Я убежден, что у Ермаша были замечательные продюсерские наклонности. Он меня периодически вызывал и говорил: «Занимаешься ты всякой ерундовиной. Брось ты эту дрянь. Сними лучше фильм про Вертинского. Я тебя всем обеспечу. Пока живет единственный артист, который может сыграть Вертинского... Ну, какой артист?» — спрашивает. «Не знаю». «Думай». «Не знаю». «Смоктуновский пока жив, снимай... По всему миру прошел человек, искал счастья, потом приехал и землю у Белорусского вокзала целовал. Это тебе и касса, и заграница, и творчество». Оцените... По-моему, грандиозный проект. Другое дело, что я отказался от него, потому что считаю: если уж ты уехал, то не надо целовать землю у Белорусского вокзала. Но сама по себе продюсерская идея замечательная!

Потом он мне говорил: «Ты очень способный человек — я это чувствую,— у тебя очень разумные глаза! Сейчас будет семидесятилетие Октября. Ну, что же мы будем сто пятидесятый раз с каким-нибудь дураком брать Зимний дворец? Это же стыдоба. Я тебе предлагаю — сними картину о Блоке». Я ответил: «Нет. Не могу. Ну, глупость же получится. Будет какой-нибудь артист, например, Кайдановский, играть Блока. И все скажут: «Вот дурак Соловьев. Мы же знаем, что это Саша Кай-

дановский, а он говорит, что Блок». Нет, нельзя такое снимать...» Знаете, что он мне отвечал? «Блок ведь немец был. Возьми немецкого актера или шведского. Пусть будет совершенно незнакомый человек».

Ну оцените — ведь действительно замечательная продюсерская идея. Мы не сошлись только на годе, в котором должна заканчиваться эта картина. Он требовал, чтобы в 1917-м. Я же утверждал, в 1921 году...

— Говорят, что Ермаш много хорошего сделал, даже защищал какие-то картины в верхах...

— И меня он неоднократно выручал. С тем же «Спасателем». Он нашел возможность показать картину Черненко. Тот ничего не понял. Тогда его уговорили еще раз посмотреть и все объясняли, объясняли...

Дело в том, что у меня никогда не было идиллическо-романтической ненависти к начальству. Строй, систему ненавидел всегда — это правда. Но жить внутри системы, высказывая на всех углах ненависть, невозможно. Нужно каким-то образом если не сотрудничать, то находить возможность сосуществования. И отбивать любые клочки очеловеченного пространства.

— Вы чувствуете себя продюсером? Насколько это важно сегодня? Очень сложно взять на себя ответственность за чью-то судьбу, тем более если это судьба творческого человека, то есть во сто крат более ранимого, тонкого, обидчивого...

— Да, я чувствую себя продюсером. И могу взять на себя ответственность сказать: вот это нужно, а это нет. Но я говорю об ответственности, а не развязности. Это прерогатива нашей партии — развязность. Она приказывала строить БАМ, а ответственности при этом — никакой.

Когда мы запускали картину Говорухина «Так жить нельзя», меня все отговаривали, убеждали, что ничего нового сказать на эту тему невозможно. Каждый день якобы Невзоров то же самое в эфире говорит. А у меня было совершенно конструктивное убеждение (даже не наитие, не интуитивное предчувствие, а именно убеждение), что, если Говорухин сможет договорить до конца все, что не договаривает телевидение, получится грандиозная картина. Зная его характер, упрямство и мужество, я поверил в этот замысел. Конечно, по нынешним хозрасчетным временам — безумие делать ставку на полнометражную документальную картину. Но ведь она уже сегодня продана почти как «Интердевочка». Так что...

— Так что мало того, что вы сделали общественно важное дело, но и не прогорели финансово... И в то же время в вашем объединении снимает картину Рустам Хамдамов.

— Это абсолютно эстетская лента «Anna Karamazoff». Главную роль играет Жанна Моро. Меня пытаются убедить, что я пущу всех по миру. Я же уверен, что эта картина будет иметь шоковое художественное воздействие. Миллионерами мы на Рустаме, может, и не станем, но с сумой по миру не пойдем, точно.

— Что дает уверенность в себе?

— Я обладаю реалистической цепкостью. Конечно, одного Хамдамова я не запускаю. Я подкрепляю его двумя-тремя гораздо менее интересными в художественном плане картинами, но обладающими стопроцентной кассовой гарантией. Я не могу позволить себе ставить под угрозу жизнь и материальное благополучие людей, работающих на студии «Круг». Но главная задача нашей студии — не прогорев, раз-два в год все-таки иметь Кайдановского или Хамдамова.

— Только что вас выбрали первым секретарем Московского отделения Союза кинематографистов. Забот прибавилось. Однако незадолго до выборов вы заявили, что «мечтаете быть третьим секретарем: блага те же, ответственности никакой»...

— Вам не удастся меня поймать. Я и стал третьим. Первый — секретарь СК СССР, второй — РСФСР, третий — московский секретарь...

— Ну хорошо, будем считать, что вы первый третий секретарь или наоборот. В том же интервью вы заявили, что, получив власть, в первую очередь купите «мерседес», вставите золотые зубы, поменяете квартиру поближе к Мавзолею и т. д. Что вы уже успели сделать из перечисленных вами задач?

— С «мерседесом» очень сложно. Эту задачу я отодвинул далеко. А вот жить поближе к Мавзолею — нужно. Сегодня в девять часов утра ездил в Банный переулок.

— А меня, значит, обманули: сказали, что в девять часов у вас деловое свидание в Союзе кинематографистов...

— Поменять квартиру и есть мое главное дело в Союзе. Правда, сегодня так ничего и не удалось. Надо что-то придумывать. Жить так невозможно. В ванной стоит пылесос, чтобы помыться, его нужно вынуть из ванной, а потом поставить обратно. Я считаю, что для третьего секретаря это ненормально.

— Как сказал Говорухин,— так жить нельзя!.. А еще вы ратовали за то, что Союз кинематографистов должен заниматься путевками, квартирами, магазинами, пивом в ресторане, наконец... Вы стали секретарем собеса, профсоюза или все-таки вам хочется быть лидером творческого союза?

— Я хочу быть временным лидером фонда. Необходимо открытие книжной лавки кинематографистов. Самые умные из нас сейчас очень много времени проводят на черном рынке. Это возмутительно. Дальше. В Моссовете мне сказали, что полки магазинов вряд ли будут в ближайшие годы завалены продуктами. Поэтому нам самим надо подумать о том, чтобы открыть магазин. С новой системой налогов кинематографисты не смогут питаться на рынке (да и сейчас могут далеко не все). Моссовет одобрил наши проекты, тем более что они всячески будут поощрять частную торговлю. Я считаю, что это и есть первоочередные задачи творческого союза. Об искусстве можно поговорить с самим собой, взяв любимую книгу,— свидетели тут не нужны. Наша задача на сегодняшний момент — обеспечить свободу от нищеты, униженности, дать элементарные социальные гарантии. Зачем льготы партаппарату — непонятно. Зачем льготы работникам культуры — понятно каждому. Поэтому вся бытовая жизнь творческого работника (каждого, отдельно взятого) и должна стоять в центре внимания творческого союза.

— Но, с другой стороны, не кажется ли вам, что все эти разговоры о пиве в ресторане, своем магазине и квартирах вызовут ненависть в народе. Интеллигенцию и так не жалуют...

— Я уверен, что именно так и будет: вся наша печальная жизнь в России складывается из стравливания одних с другими. Сейчас самый сильно действующий козырь правого крыла — еще раз стравить интеллигенцию с народом. Я не убежден, что поступаю правильно, говоря о своих желаниях и поступках открыто. Вероятно, лучше брать пример с аппарата и делать все втихаря... Но у меня на три года задача одна: мне неважно, как и что кинематографисты будут снимать, мне важно, чтобы они не умерли и, больше того,— не уехали.

— И то, что вы можете возбудить ненависть, вас не смущает?

— Нет. Потому что в нашей стране ненависть вызывает все, что не соответствует стереотипу. Нельзя ни в коем случае сегодня ориентироваться на общественный стереотип. Я считаю, что дико, смешно, позорно, возмутительно, что член Политбюро ездит в бронированной машине с пипикалками и ему отдают честь. Я тоже, как и все, против таких неразумных льгот. Это цирк. Представьте, что при многопартийной системе какого-нибудь эсера или Травкина везут в этом членовозе и отдают честь. Ну цирк же, правда? Но если мы нормально, по-человечески объясним людям необходимость государственных льгот на культуру... Это же специфика труда и самосознания. Я тридцать лет занимаюсь фотографией. Катастрофически нет места. Вопрос мастерской — это не роскошь. Это элементарная норма существования, это минимум, необходимый для того, чтобы дело культуры не затухло, не умерло бы в бытовых дрязгах.

Я уверен, что если людям объяснить, что льготы на культуру — это их личные льготы на свободное время, на самосознание, на душевную жизнь,— они поймут, не будет ненависти. Нужно только нормально, по-человечески объяснять. Этим я и займусь в ближайшее время. Начну с депутатов. Пусть хоть они сначала поддержат... Нужно не уставать объяснять...

— Вы постоянно снимаете фильмы и утверждаете, что без этого не можете жить. Хватит ли у вас времени осуществить ваши грандиозные планы в Союзе?

— Я убежден, что единственная ошибка прошлого секретариата в том, что мы все пытались сделать сами. Мы же не экономисты, не юристы, не социологи... В Союзе должны работать профессионалы. Моя задача — найти таких людей.

— Петр I начинал реформы с того, что отправлял людей учиться... Сегодня мы все страдаем от неумения что-то делать.

— Я тоже считаю, что нечего изобретать велосипед: нужно отправлять людей в цивилизованный мир на учебу, иначе мы все время будем иметь дело с «самостроком». Нужно, чтобы все было сделано «по фирме»...

— Смог бы при нынешней коммерциализации работать, скажем, Тарковский?

— Только у нас в объединении сделано три совершенно некоммерческих фильма.

— У вас работают признанные мастера. А молодой, никому не известный режиссер сможет найти поддержку?

— Пожалуйста. Только подход сегодня должен быть совершенно иным... Недавно по видео видел хэппининги молодого парня по имени Зольдат. Никогда о нем не слышал. Замечательно сделанные телевизионные фильмы. Я попросил разыскать его и собираюсь предложить ему постановку. Средняя стоимость картины на «Мосфильме» — 500 тысяч рублей. Дадим ему 80 тысяч и мосфильмовское обеспечение. Это очень много. Пусть работает. Французская «новая волна» началась с того, что пришли новые люди и сказали: «Дайте нам пленку, камеру, больше нам ничего не нужно...» Экономические факторы повлекли за собой рождение совершенно новой эстетики. Я убежден, что новое поколение должно прийти с совершенно новыми идеями, в том числе и экономическими. Если они попросят полтора миллиона — ничего не выйдет. Должна быть мобильная система. Жаль, что никто из молодых не приходит ко мне с новой идеей. Я их сам разыскиваю. Я верю, что коммерческий подход к совершенно некоммерческому фильму может дать очень большие результаты. Молодежь всего Союза, которая слышала про таинственный и непонятный андеграунд, с удовольствием пойдет в кино и посмотрит такую картину. 80 тысяч мы точно вернем. А где восемьдесят, там и сто шестьдесят, значит, следующая его картина будет стоить в два раза больше. И так далее. Это модель непаразитического существования. Паразитический андеграунд — абсолютно социалистическая дурь... Поверьте, некоммерческие идеи обладают огромной коммерческой силой. Только делать их нужно не по шаблону.

— Вы очень активно двигаетесь сегодня по общественной лестнице — не будем называть это карьерой. Какова ваша конечная цель? Кто-то хочет президентом стать, кто-то в Штаты поехать и там устроиться. А вы?

— Я же написал совершенно честно: купить «мерседес», вставить золотые зубы, поменять однокомнатную квартиру в Воронцове на пятикомнатную около Мавзолея, организовать австрало-советскую киноинициативу и немедленно уйти в отставку.

— А серьезно?

— Я понимаю, что в существующей неразберихе можно отвоевать еще один кусок жизненного пространства. Не для себя (хотя и себя не забуду). Я совершенно точно знаю, как это сделать. Ни одной секунды не должно уйти на демагогию. Только поэтому я и согласился на эту должность.

— Можно ли назвать вас победителем?

— Я считаю себя человеком, которому повезло в жизни. Мне везло на хороших, порядочных людей, которые заинтересованнейшим образом участвовали в моей судьбе. Я всегда набредал на них случайно и очень их люблю. Из последних приобретений — Боря Гребенщиков. Это всерьез и надолго... В мировой культуре чрезвычайно ценю два имени: Моцарт и Пушкин. Их величайшее искусство замешено вовсе не на мученичестве. Ненавижу корчить многозначительную трагическую мину. Нужно просто иметь силы и мужество жить дальше.

Фото Игоря ГНЕВАШЕВА

ТО ВЗЛЕТ, ТО ПОСАДКА...

Репортаж двумя перьями из аэропорта Шереметьево ведут наши корреспонденты Мария Семенова и Юлия Верниковская.

Два человека — «вы» и «ты» столкнетесь в аэропорту, как два противоречивых чувства на лице нашей страны, которое встречает и провожает, на котором все лучшее, что может у нас быть, и то, что скрыть нет никакой возможности. Здравствуй, Шереметьево! Тебе тридцать лет.

...Сначала было общество «Добролет». Сначала самолетов у нас было четыре. А 1 мая в двадцать втором году военлет Иван Филиппович Воедило махнул через Ковно в Кенигсберг — первая международная трасса. Сейчас она вроде как внутренняя, если учесть, что Кенигсберг — это Калининград. А может, и международная. Если учесть, что Ковно — это Каунас. А тридцать лет назад у нас появилось Шереметьево. И мы летаем в 98 стран. И отгрохали мы к Олимпиаде кусочек западного чуда — Шереметьево-2. И вообще это очень хороший аэропорт. Самый лучший. У нас. И для нас...

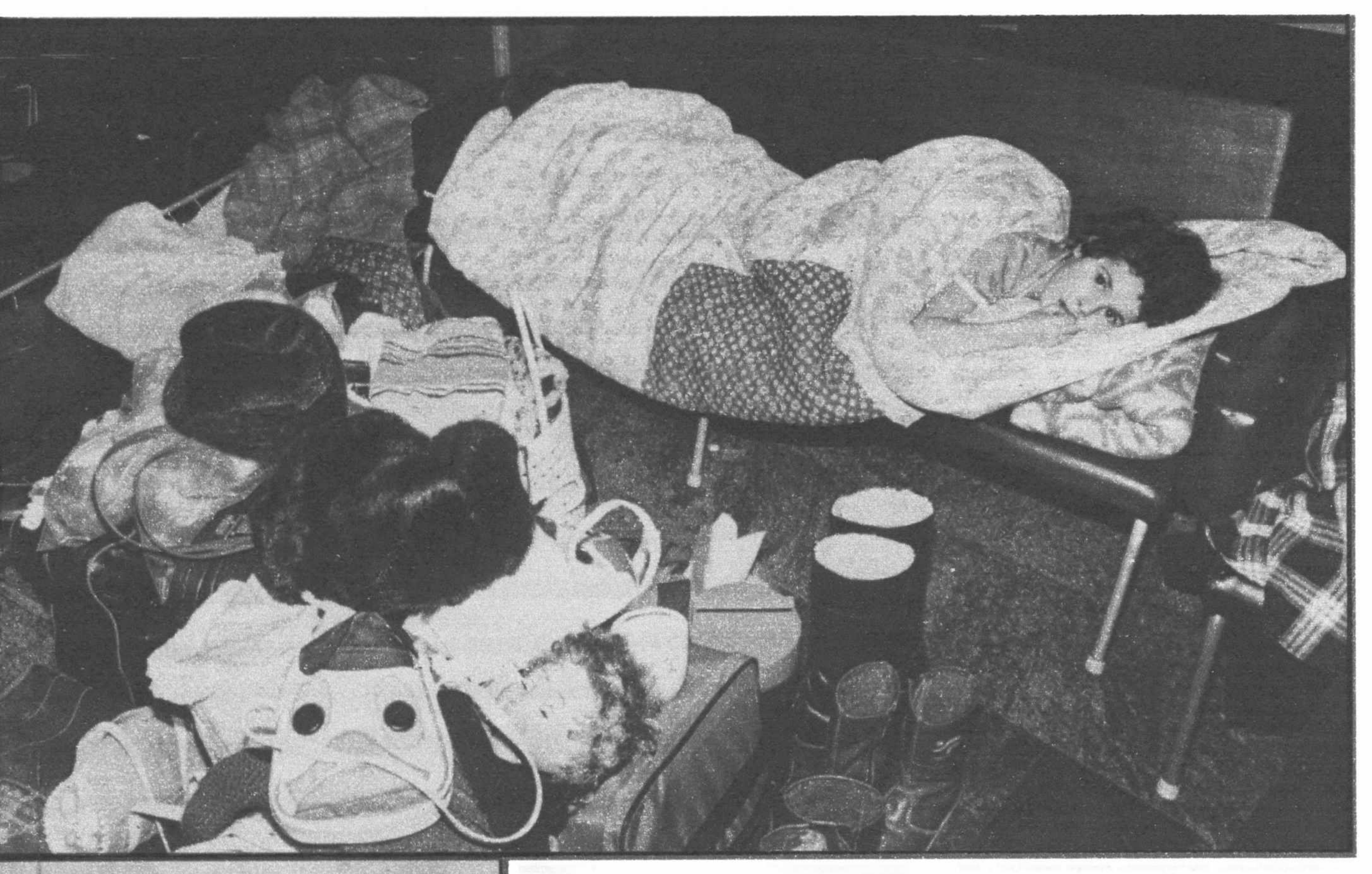
Но он уже устал. Оборудование, установленное в 1980 году, давно пора менять, приспосабливать к резко возросшему количеству пассажиров — времена-то наши, сами знаете... Приоткрылась дверь, и мы рванулись — и с той стороны, и с этой. Нам хочется ездить, нам хочется общаться со всем человечеством, а Шереметьево-2 уже не в силах поспеть за нашими желаниями. Все возможности исчерпаны, но выхода пока нет, и вместо запланированных по максимуму 6 миллионов пассажиров в год Шереметьево-2 обслуживает 6,5 миллиона.

В производственно-диспетчерской службе темнеют от пота снежные рубашки и разбухают от напряжения головы у мониторов, на которых белые морды авиалайнеров земного шара. Сюда собирается все.

Диспетчер Олег юн и печален:

— Тяжело так, что не выдерживал и выходил. Пошли вы все на хрен, не могу! А самое главное чувство — безысходность. Очень тесно, так мало места, и никто не может улететь быстро туда, куда хочет. Все толкутся, все ждут.

Нам нечем бороться за своего пассажира — бедны мы, дешевы. Приличный клиент раз слетает в Токио через Москву и уже на всю оставшуюся жизнь — только через Франкфурт. Мы расхлебываем и доедаем за всеми. Этот пассажир от нас никуда не денется. Он свой и будет жить в аэропорту, проводить мучительные часы среди гомона людей, сбивающихся в материки: вьетнамцев, поражающих количеством того, что мож-



но у нас купить, арабов, которые сидят на ступеньках и засыпают на корточках, таксистов, которые могут считать только после «двадцати пяти», крепких ребяток, которые могут предложить весомыми голосами облегчить чуточку багаж.

Лицо нашей страны живет по собственным законам, и на это не стоит пенять.

Аэропорт — как айсберг. Только малая его часть попадает в поле нашего зрения. На самом же деле — десятки подразделений и служб, следящих за тем, чтобы путешествие было приятным, да и просто за тем, чтобы оно было. Геннадий Витальевич Воробьев, начальник АВК, то есть аэровокзального комплекса, рассказывает, из чего, кроме самолетов, стоек регистрации и залов ожидания, состоит аэропорт, и беглое перечисление занимает немало времени. Аэропорт — это мощное энергетическое хозяйство и общепит, система пожаротушения с двойным резервированием и холодильные цехи для кондиционирования воздуха и многое другое.

А вот самое красивое из того, что есть в Шереметьеве-2, да и, наверное, во всем Аэрофлоте,— стюардессы. Ах, эти бортпроводницы, эти пухленькие губки на лице нашей Родины, этот туманный образ.

— У нас шалава какая-нибудь работать не сможет,— считает Тамара, отвечающая за летный состав.— Ведь бортпроводница — она и домохозяйка на борту, и медик, и дипломат, и мама для пассажиров. У «Люфтганзы» пятнадцать пассажиров на одну. У нас — хорошо, если в два раза больше. А то летаем вчетвером вместо шести: никогда не можем укомплектоваться. Главное для нас — прощать. Наш гражданин как сел, значит, уже «там», и начинает из него суть вылезать. Один руководитель делегации так спиртное употребил, что стал матерно всех приветствовать, самолет на взлет — ему погулять захотелось. Висела на нем. Другой в туалет зашел, разделся и спать лег, как дома. Еле выкурили.

Лена и Наташа, обеим двадцать с небольшим, охотно рассказывают о своей работе: «Да нет, не так уж это и выматывает. После каждого рейса — 16 часов отдыха. Конечно, ужасно интересно — столько стран! Где-то нам устраивали экскурсии — в Каире, например, а где-то не до нас было...», «Комната отдыха? Да нет, что вы, нам положено весь рейс на ногах быть,— только откидные кресла для взлета и посадки», «Во всех авиакомпаниях мира стюардесса приходит прямо к рейсу, а у нас — за полтора часа, а уходят чуть ли не последними. Один раз нашу стюардессу в жуткий холод в самолете забыли — она несколько часов шарфиком махала...», «Нет, иностранные пассажиры в отличие от наших некапризны, им скажешь: этого у нас нет — и они понимают».

Шереметьево, как чужеземный метеорит, который обрушили в родимые крапивы и лебеду, но все равно это поразительно не наш мир — кресла не просижены, двери не хлопают, женщины ухожены, мужики подтянуты, иностранные ярлыки на предметах, по форме напоминающих бутылки, и это чужеземье — магнитит всех.

— Шереметьево-2 в последнее время стало объектом пристального внимания иностранных фирм, а также совместных предприятий и престижным местом для размещения капиталов,— рассказывает начальник отдела Центрального управления международных воздушных сообщений (ЦУМВС) Александр Викторович Лопатко.— Первой ласточкой была фирма «Аэроферст», открывшая в аэропорту магазинчики «Дьюти-фри-шоп». «Аэросервис» — совместное с Японией предприятие — собирается открыть японский ресторан. Перед зданием аэропорта строит гостиницу советско-франко-бельгийское предприятие. И самое интересное: совместное предприятие ЦУМВС и немецкой компании «Люфтганза» будет реконструировать аэропорт Шереметьево-1. Может быть, тогда Шереметьево-2 вздохнет свободнее?

А пока разноголосый гвалт, суета, иногда — отчаяние. На лестнице — пассажиры, которые хотят улететь, но никак не получается...

В попытках вывезти массу недозволенных вещей в больших количествах вьетнамцы швыряют свои грузы через стойки, попадая нередко в таможенников — когда случайно, а когда и не очень... Этим всем и было вызвано решение ограничить проход в здание аэропорта. Вьетнамцев и вообще всех, кто вызывает какие-то подозрения, впускают только при наличии билета. Обид, конечно, много, но стоит подумать, что страшнее — обиды или превращение аэропорта в бедлам...

Пассажиры осаждают представительства различных авиакомпаний и просят, а иногда и угрожают. Всем нужно, всем срочно...

Здравствуйте, те, кто решился посетить наш мир в его минуты роковые, хлебнуть воздух людей, которые собрались воедино, чтобы мучиться.

Здравствуйте, те, кто решился покинуть наш мир в его минуты роковые, не желая длить эти самые минуты на всю оставшуюся жизнь.

Здравствуй, самый лучший наш аэропорт, который был очень-очень хорошим, но вся беда в том, что у нас пересаженное плохо растет, теснеет, ломается, чахнет.

Что-то с почвой. Или не умеем поливать.

Фото Владимира СВАРЦЕВИЧА и Юрия ФЕКЛИСТОВА

Леонид ГАЛИНСКИЙ

Фото Анатолия БОЧИНИНА

ФУТБОЛ НА ФОНЕ ПЕРЕМЕН

Анатолий Бышовец.

Человеку, который любит и знает футбол, больше ничего говорить не надо. Прекрасный, легкий, умный нападающий киевского «Динамо» и сборной страны вошел в историю нашего футбола и останется в ней яркой индивидуальностью.

К сожалению, нередко судьбы футбольных героев складываются трудно. Но почему-то верилось, что в послеспортивной жизни Бышовец обязательно найдет себя. Может быть, потому, что он был удивительно интеллигентен на поле... Прошло несколько лет, так и случилось. Став тренером, он привел свою команду к самой большой победе отечественного футбола последнего времени: сборная СССР победила на Олимпийских играх в Сеуле. А заодно А. Бышовцу удалось создать молодую, непохожую на другие клубы, самобытную команду — московское «Динамо».

И вот новый поворот. Анатолий Федорович Бышовец только что стал тренером сборной страны по футболу. Мне кажется, что назначение его на эту должность — этапный момент в нашей футбольной жизни. Этим как бы подводится черта под тем периодом футбола, который бесславно, провально завершился на чемпионате мира в Италии.

Футбол — это модель нашего общества. И все беды его, недостатки — это отражение проблем и бед страны. И так же, как мы отстали в экономике, науке, образовании, мы отстали в футболе. Липовые бомбардиры, купленные судьи, перепродажа игроков, подпольный тотализатор, договорные игры — все это стало типичным для нашей футбольной жизни середины 70-х и 80-х годов.

Партийные функционеры, которым, как известно, ничто человеческое не было чуждо, обожали футбол, как и простые смертные. А поскольку в недавнем прошлом первый секретарь обкома партии, а уж тем более ЦК КП республики — это и бог, и царь местного масштаба, они соревновались между собой, кто создаст лучшую команду. Щербицкий сражался на футбольном поле против Гришина, Кунаев старался победить Рашидова и т. д. Эти люди могли все или почти все: на игрока сыпались квартиры, машины, институты и прочее...

И здесь я не хочу обвинять футболистов, они были пешками в этих околофутбольных играх, к тому же прописка, квартиры и иные блага — это такая ничтожная малость по сравнению с истерзанным здоровьем, перекалеченными ногами, отсутствием нормальной человеческой жизни — только сборы, тренировки, переезды, гостиницы, опять сборы... Игроков переманивали, покупали, создавали «суперклубы», а обескровленные команды, оставшиеся без партийных меценатов, бесславно опускались в конец турнирной таблицы. Так разваливался наш футбол.

При видимом благополучии — были ведь даже победы в европейских турнирах — разрушался фундамент футбола. Никто не вкладывал сил и средств в его материально-техническую базу, в детский футбол, все пытались снять сливки, получить сиюминутный эффект, а там — хоть потоп...

Сегодня тот самый потоп, кризис — называйте как хотите — наступил. Болельщика, любителя футбола обмануть нельзя. Он моментально отреагировал на футбольную жвачку, которой его пытаются кормить сезон за сезоном. Трибуны пусты, и не помогают ни ухищрения в виде розыгрышей дефицитных автомобилей во время матчей, ни прочие отчаянные попытки завлечь болельщиков. Не идут. И, видимо, правильно делают.

...Я написал эти несколько абзацев про сегодняшнее состояние футбола и представил, как поморщится, прочитав их, Бышовец. Он так предан футболу, что, когда слышит в адрес этой игры подобные слова, страшно переживает. Ну как можно говорить такое, спорил он со мной, сейчас футбол больше, чем что-либо, нуждается в поддержке, хватит ругать, надо помогать. И, может быть, он прав.

Я очень надеюсь на сегодняшнее время и сегодняшние перемены. Переход к рыночной экономике и, значит, переход к здравому смыслу даст шанс нашему футболу встать на ноги, превратиться в то зрелище, которое доставит радость миллионам соотечественников. Футбол — это ведь не только тренеры и игроки, это мощнейшая индустрия, и, чтобы сделать увлекательное шоу, блестящее представление, необходимы совместные усилия телевидения, прессы, футбольных менеджеров, бизнесменов и т. д. Здесь человечество все уже придумало давно, проверило на практике и оставило в процессе естественного отбора все самое полезное и эффективное.

В Италии в ряду таких гигантов деловой индустрии, как строительный, автомобильный, сервисный, сельскохозяйственный, химический и т. д. бизнес, футбольный занимает четвертое место. И это — нормальное, естественное состояние для того вида зрелища, которое в состоянии удержать в течение девяноста минут внимание почти половины земного шара. Ведь во время матчей чемпионата мира пустели улицы городов в Европе и Латинской Америке, в Азии и Африке, люди были прикованы к экранам телевизоров, они переживали, восхищались, плакали, ликовали и страдали... Умные люди давно поняли, что этой вселенской любовью было бы глупо не воспользоваться, в футбол стоит вкладывать деньги, потому что это выгодно.

В нашем футболе есть несколько ключевых фигур, от которых зависит его судьба. Это и председатель Госкомспорта, это и начальник управления футбола, и руководители федерации, но мне кажется, сегодня совершенно новой может стать фигура старшего тренера сборной страны. Он не зависит от ведомств, которые чаще всего «висят» над наставниками клубных команд, он заинтересован иметь как можно больше сильных клубов, чтобы были выбор при комплектовании, настоящая конкуренция в чемпионате. Ему в общем-то не так важно, кто победит — «Спартак» или «Динамо», украинская команда или московская, хотя, конечно же, свои симпатии и привязанности вполне могут быть. Главное, он независим, и его больше, чем кого бы то ни было, интересует общее состояние футбола. В силу своего положения, в силу своей кровной заинтересованности он может и должен стать катализатором перемен в советском футболе.

Вполне логично, что именно Бышовец, тренер нового поколения, возглавил сборную. Ломка старых структур неизбежна, а он один из немногих ярко мыслящих, фонтанирующих людей, кто в состоянии стать генератором свежих идей, так необходимых сегодня нашему футболу. Переход на контрактную систему, юридические, цивилизованные отношения тренера команды с администрацией клуба, аренда стадиона, спонсорство, детский и юношеский футбол, поля, базы, судейство, продажа прав на трансляции матчей высшей лиги телевидению, выступления советских футболистов за рубежом и так далее, и так далее. Все это требует сегодня абсолютно других подходов, мы должны наконец отказаться от некомпетентности, любительщины и превратить футбол в настоящую мощную индустрию. Футбол должны создавать настоящие профессионалы.

И здесь очень важно все точно считать, видеть, что будет впереди, ясно представлять себе, куда предпринятый шаг приведет нас завтра.

В этом плане любопытная ситуация сложилась с переходами наших игроков в зарубежные клубы. После первых сообщений в прессе о запрещении этих переходов тут же пошел слушок, что Бышовец, став старшим тренером, тут же превратился в консерватора, не отпускает футболистов поиграть в иностранных клубах, не хочет заботиться об их судьбах.

Но такого быть не должно: захотел Бышовец — отпустил, не захотел — не отпустил. Мне кажется, мы все еще остаемся в плену старых стереотипов. Нельзя, чтобы от капризов или эмоций одного человека зависели судьбы других людей, ломались футбольные календари, отменялись или переносились матчи и так далее. Мы все сыты по горло телефонными звонками, которые могли решить все, волевыми решениями, принятыми будто бы ради общего блага...

Существует решение Федерации футбола о том, что в интересах советского футбола, в интересах зрителей нельзя отпускать за рубеж игроков, которым не исполнилось 28 лет. Возможно, это и неправильно, по крайней мере уж точно недемократично, любая дискриминация человека, его личных прав — это плохо. Хотя существует и другая точка зрения, вполне аргументированная: сегодня стоит пойти на такие жертвы, потому что футбол находится в кризисном состоянии и, если мы сейчас окажемся без футбольных личностей, без лидеров, шансов на спасение у нашего футбола нет.

В общем, тут есть над чем подумать, с чем поспорить. В любом случае Бышовцу придется еще раз вернуться к этому злободневному вопросу, взвесить все аргументы за и против возрастного ценза. Надо будет выслушать мнения тренеров, специалистов, журналистов и, самое главное, самих игроков. И, придя к окончательному решению, всем вместе придерживаться этих норм, не уступать никаким личным амбициям.

Я не верю, что при старшем тренере Бышовце права футболистов в принципиальных вопросах окажутся ущемлены. Точнее, уверен в обратном. Потому что он, как никто другой, знает, что игрок — это наша главная ценность. И нельзя строить отношения таким образом, чтобы футболисту лишь оставалось послушно и безропотно выполнять то, что придумали за него дяди от футбола.

Сейчас выпущено очень много критических стрел в ведущих игроков, будто они заелись, зазнались, думают только о деньгах, а вот в иные времена были совсем иные стимулы — гимн, флаг, слава советского спорта и т. д.

Я всегда с трудом понимал это противопоставление. В цивилизованных странах в профессиональном спорте прекрасно уживается и то, и другое. На чемпионате мира по футболу игроки сборной ФРГ с поднятой головой пели гимн республики, трехцветные флаги украшали чуть ли не каждого второго болельщика из ФРГ, с трибун нескончаемым ревом неслось: «Германия! Германия!» — и это слово, как допинг, подстегивало игроков. Кончился чемпионат — и каждый из игроков-победителей получил чек с шестизначной суммой, и еще, как говорят, футболистам будет выплачена дополнительная премия. Так и должно быть. Хорошая работа стоит хороших денег, и за хорошую работу надо хорошо платить. А у нас до сих пор многие почему-то считают, что горячо любить свою родину можно только раздетым и голодным.

Бышовец знает, что такое классный игрок, не понаслышке, не из чужих разговоров. Он сам им был. Он играл в сборной страны, выступал за ведущий клуб, он был нападающим и забивал удивительные мячи, мальчишки вырезали его портреты из спортивных журналов, вешали на стенку, и в снах им снилось, что они играют так же, как Анатолий Бышовец. А потом вдруг все кончилось. И, мне кажется, он до сих пор должен помнить то жуткое ощущение пропасти, когда слава, почет, уважение остались где-то там, позади, а впереди полная неизвестность, абсолютная пустота, незащищенность. Только что был нужен всем, а сегодня не нужен никому. И выясняется, что денег заработанных еле-еле хватит на существование и ты ничего не умеешь, кроме как ногами забивать красивый мяч в ворота соперника, но в новой жизни это умение почему-то никому не нужно.

Ему повезло. Рядом с ним оказалась его жена, Наташа. Это всегда счастье, когда есть вот такой человек — все понимающий, чувствующий на уровне интуиции, которому ничего не надо объяснять, который все поймет...

В конце концов ему повезло и в другом. Он остался в футболе. Его пригласили поработать тренером в детской школе киевского «Динамо». И он до сих пор с огромным удовольствием вспоминает те времена и говорит, что нет материала более благодатного, чем восторженные мальчишки, влюбленные в футбол. Все делалось по наитию, он вспоминал, как тренировался сам, пытался ставить себя на место этих ребят, опыт приходил постепенно, и они учились вместе: они у него, а он у них.

В те времена, когда он усваивал первые тренерские уроки, судьба детских футбольных школ при командах мастеров была незавидной. Руководство клубов считало: зачем возиться с малышней, когда можно уже готового игрока пригласить в «суперклуб» из любой точки страны? Поначалу он не слишком сильно ощущал свою ненужность, общение с ребятами все остальное отодвигало на второй план. Но постепенно чувство некой ущемленности, никчемности становилось острым и болезненным.

В конце концов он вступил бы в конфликт: либо с самим собой, либо с руководством команды, но, к счастью, в скором времени его пригласили тренировать юношескую сборную; прошло время, и в 1986 году он возглавил олимпийскую сборную страны. И, кстати, сейчас, оказавшись на вершине, так сказать, тренерских притязаний, он может с чистой совестью сказать своим оппонентам, что прошел все положенные ступеньки — от детского тренера, руководителя юношеской команды, олимпийской до старшего тренера сборной страны. Он все пощупал собственными руками, не перепрыгивая через ступеньки: ему не надо рассказывать о бедах детского футбола, он отлично знает, почему мы выигрываем юношеские соревнования, а потом перспективные, талантливые ребята гаснут, пропадают. Он лучше, чем кто бы то ни было, знает, какими должны быть взаимоотношения между наставниками олимпийской и первой сборной, чтобы это не наносило ущерба ни той, ни другой команде, ну и так далее. Этот трудный, тяжелый опыт он бы не променял ни на какую самую гладкую и блестящую карьеру.

На этом пути были этапные моменты. И, конечно, олимпийский турнир в Сеуле. Не буду еще раз возвращаться к этой победе, слов о ней в нашей прессе было сказано немало. Скажу только одно: я до сих пор не могу забыть самоотверженности наших ребят, которые отдали себя игре абсолютно и полностью, до последней капельки своих сил. На воле, на зубах, на последнем дыхании играли, и только так можно выиграть в современном футболе.

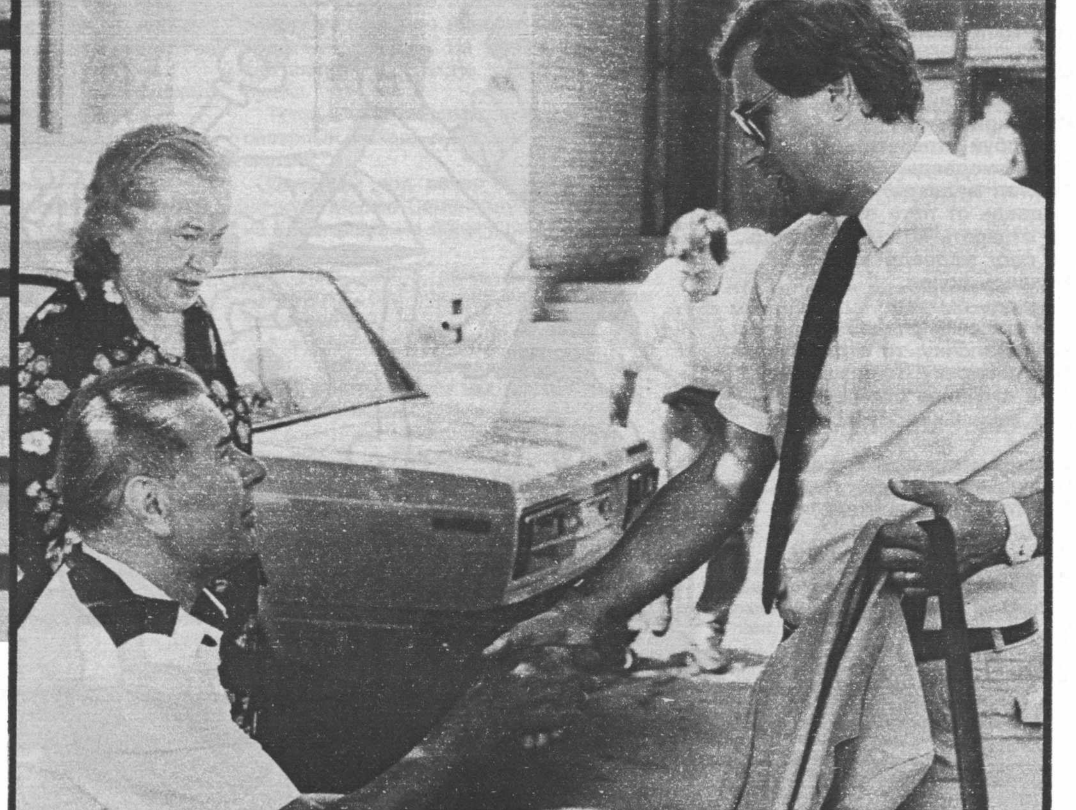
Вспомнить об этом очень хочется именно сейчас, когда перед глазами стоит унылая, безразличная игра первой сборной на последнем чемпионате мира по футболу. Какие слова в Сеуле нашел Бышовец, каким образом смог так гармонично совместить физическую, моральную, эмоциональную подготовку игроков — это из арсенала его секретов, и пожелаем ему удачно воспользоваться своими тренерскими тайнами в его новом качестве.

Я люблю смотреть на Бышовца во время игры. Он сидит на лавке в нескольких метрах от кромки поля, а сам все время на газоне, все время в игре. Вообще любой тренер — удивительное существо. Он сражается не только за своих, но еще и за команду противника. Тренер умещает в себе двадцать два игрока одновременно. Когда я задал Анатолию Бышовцу вопрос, что легче — тренировать или играть, он вопросу удивился: с тренерской ношей ничто невозможно сравнить.

Его назначили старшим тренером сборной страны по футболу после, как теперь принято, альтернативных выборов. Нет у меня уверенности, что именно так нужно было проводить назначение старшего тренера. За кулисами этих как бы демократических событий плелось столько интриг, было вылито столько грязи, что до сих пор не по себе. Да, впрочем, это и понятно. По сути, эти выборы подводили черту под целой эпохой в советском футболе. Как и в политике, очень многие хотели бы продлить старые времена и в этой игре. Строили козни, сговаривались, кучковались. В какой-то момент решили даже, что победа за ними. Но просчитались.

Анатолий Бышовец вступил в должность старшего тренера в трудные для нашего футбола времена. И я, как всякий болельщик, жду добрых перемен. И верю: его команда будет играть в красивый футбол. И его команда будет побеждать.

ОТ РЕДАКЦИИ: Когда сборная СССР сыграет свои первые матчи под руководством нового тренера, Анатолий Федорович Бышовец поделится с читателями «Огонька» своими впечатлениями.



ДЕТСКИЙ УГОЛ

Рубрику ведет Григорий ОСТЕР

Юрий Коваль — гордость нашей сегодняшней детской литературы. Автор «Недопеска», «Приключений Васи Куролесова» и многих, многих других повестей, рассказов, он не только переведен почти на все европейские языки, но и, будем справедливы, в своей стране широко представлен, признан, уважаем и даже пользовался благосклонностью литературного начальства в самые что ни на есть застойные годы. Уж слишком очевидна была его величина на писательском небосводе. И все же, все же, все же...

Сегодня, переиздавая свои книги, Коваль возвращает в текст выброшенные, вымаранные куски, абзацы, главы. Кем вымаранные, по какому праву? Это сегодня уже почти невозможно понять, а пройдет время, Бог даст,— вообще нельзя будет никому объяснить. Просто не поверят.

Из «Недопеска» вылетает слово «генералиссимус». В тексте даже намека никакого на Сталина нет, но вдруг читатель нечаянно вспомнит. А это было время, когда про Сталина не знали что говорить и делали вид, будто его в природе не было. Или «китайская авторучка» теряет определение «китайская». Это мы тогда пытались стереть с географической карты неуживчивого соседа.

«Цепляясь кормовым тазом за Доску почета, в кабинет директора вбежала Прасковьюшка». Нет, нет, нельзя шутить с Доской почета. Пусть будет «за ручки дверей».

А вот отрывки про директоров в пыжиковых шапках исчезли из книги, очевидно, потому, что могли натолкнуть маленького читателя на мысли о привилегиях. Иначе не объяснишь.

И вообще «Недопесок» вызвал большие сомнения. Как же? Книга про песца, который бежит со зверофермы на Северный полюс. Значит, выбирает свободу. Явно намек на эмигрантов из СССР.

Но это все мелочи по сравнению с тем, что случилось с книгой «Полынные сказки», которая выходила уже в 1987 году. Тут не о фразах и главах речь. Писателя заставили исказить концепцию книги, написать ее иначе. Эта повесть о давних временах должна была стать своеобразной энциклопедией религиозной жизни ребенка дореволюционной России. И не стала. Все, все исчезло. Церковные праздники, посты. Что означали для ребенка Пасха, Великий пост? Чем была церковноприходская школа? Не состоялось в книге представления всего религиозного цикла жизни человека: крестины, прича-

Юрий КОВАЛЬ

СКАЗКА О КОЛОКОЛЬНЫХ БРАТЬЯХ

И был еще рядом огромный дом.

Он виден был в третье Лелино окно, а она очень долго его не видела. Он был слишком большим, чтобы сразу его увидеть, и Леля смотрела на сирень, которая росла у ограды дома.

Когда можно смотреть на сирень в цвету — тогда и вправду не хочется больше смотреть ни на что другое. Даже на дом, возле которого растет сирень.

А дом и сам будто рос. Так показалось Леле, когда она все-таки увидела его однажды ранним утром.

Долго-долго поднимала она голову, а все не видела, где кончается этот дом. И ей показалось, что он нигде не кончается, так и пропадает в высоких облаках.

Но это было не так. Дом оканчивался, как всегда имеет конец любой дом, построенный на земле. А на самой вершине его, почти в облаках, висели колокола и жили голуби.

И как только ударял старший колокол — стая голубей поднималась в небо, и Леля знала, что там среди голубей живет и волшебный голубь. Ей никто о нем не рассказывал, она знала о голубе сама.

Когда-нибудь он улетит на небо и принесет ей оттуда счастье. Она еще не понимала, что волшебный голубь счастье ей давно уже принес.

Колокола гулкие были, протяжные, и самый старший из них говорил басом. Его слышно было на много верст кругом, а звали его, конечно, Иван.

Он бил густо, мягко, будто выговаривал свое простое имя:

— И-ван! И-ван!

И были у него средние братья — Степан да Мартемьян, и, конечно, маленькие колоколята — Мишки да Гришки, Тришки да Аришки.

И когда звонили все колокола — колокольный звон разворачивал неслыханные крылья над окрестными степями:

И-ван! И-ван!
Степан!
Мартемьян!
Мишки да Гришки,
Тришки да Аришки.

— У меня там есть колокольный брат,— сказал однажды Леле Мишка-солдатик.— Он так и звонит: — Мишка! Ми-шка!

— Как это так — колокольный брат?

— А так — очень просто. Он — это вроде я. Только я как человек живу, а он — как колокольчик.

— А у меня там есть кто-нибудь?

— Не знаю,— сомневался солдатик.— Уж больно ты мала.

И тут как раз зазвонили «во все». Огромные крылья колокольного звона раскинулись над степью.

Леля стояла и слушала, и ей казалось, что она слышит, как выговаривает ее имя колокольный братишка:

— Леля-Лелесь! Леля-Лелесь!

— Да нет, вряд ли,— сомневался солдатик.— Мала ты еще.

Солдатик был, конечно, не прав. Потому что у каждого человека, который живет на земле, есть свой колокольный брат. Надо только прислушаться — обязательно услышишь, как зовет он тебя.

СУНДУК

Висел замок,
Никто не мог
Открыть замок ключом.
На сундуке висел замок
Железным калачом.
А в сундуке
С ключом в руке
Иван Петров сидел.
И много лет
На белый свет
Он в щелочку глядел.

То в щелочку,
То в дырочку,
То в щелочку,
То в дырочку,
То в странное отверстьице
Для маленьких жучков.

Но вот подходит к сундуку
Огромнейший медведь.
Иван кричит ему: «Ку-ку!
Попробуй отпереть!»
Сопел медведь,
Пыхтел медведь,
Медведь от пота взмок,
Но отпереть не смог медведь,
Не смог медведь замок.
Медведь сопел,
Медведь пыхтел
И в щелочку глядел.
То в щелочку, то в дырочку,
То в щелочку, то в дырочку,
То в странное отверстьице
Для маленьких жучков!

Изящным клювом журавель
Нащупывал секрет.
Тянулась эта канитель
Довольно много лет.
Устал и сдался журавель
И, поднимаясь ввысь,
Услышал голос через щель:
«Не можешь — не берись!

Не суйся в нашу дырочку,
Не суйся в нашу щелочку
И в странное отверстьице,
Прошу тебя, не лезь!»

Тогда подходит к сундуку
Сам Автор этих строк.
Сказав себе: «Я все могу!» —
Он щупает замок.

И строго в дырку говорит:
«Скажи, любезный друг,
Каким путем,
Причем
С ключом
Забрался ты в сундук?

Неужто через дырочку?
Неужто через щелочку?
Иль в странное отверстьице
Ты с ключиком пролез?»

В ответ ужасно в сундуке
Иван захохотал.
И приподнялся тут сундук,
И сам на ноги встал.

«Друзья,— сказал Иван,— друзья,
Задача нетрудна.
У сундука есть только верх
И вовсе нету дна!

А дырочка и щелочка,
А дырочка и щелочка
И странное отверстьице
Здесь просто ни при чем!»

НУЛЕВОЙ КЛАСС

Приехала к нам в деревню новая учительница. Марья Семеновна.

А у нас и старый учитель был — Алексей Степанович.

Вот новая учительница стала со старым дружить. Ходят вместе по деревне, со всеми здороваются.

Дружили так с неделю, а потом рассорились. Все ученики к Алексей Степанычу бегут, а Марья Семеновна стоит в сторонке. К ней никто и не бежит — обидно.

Алексей Степанович говорит:

— Бегите-ко до Марьи Семеновны.

А ученики не бегут, жмутся к старому учителю. И, действительно, серьезно так жмутся, прямо к бокам его прижимаются.

— Мы ее пугаемся,— братья Моховы говорят.— Она бруснику моет.

Марья Семеновна говорит:

— Ягоды надо мыть, чтоб заразу смыть.

От этих слов ученики еще сильней к Алексей Степанычу жмутся.

Алексей Степанович говорит:

— Что поделаешь, Марья Семеновна, придется мне ребят дальше учить, а вы заводите себе нулевой класс.

— Как это так?

— А так. Нюра у нас в первом классе, Федюша — во втором, братья Моховы — в третьем, а в четвертом, как известно, никого нет. Но зато в нулевом классе ученики будут.

— И много? — обрадовалась Марья Семеновна.

— Много не много, но один — вон он, на дороге в луже стоит.

стие, венчание и до отпевания, до похорон. Прочтите «Сказку о колокольных братьях» — осколок разрушенной книги, и вы поймете, КАК это было бы сделано.

Сколько же книг растерзано, искалечено! А сколько погибло до своего рождения! И кто виноват? Все понемножку? Может быть, прежде всего мы сами — писатели, посчитавшие бессмысленным писать детские книги в стол. Но и те, кто терзал, калечил,— тоже. Юрий Коваль просил не называть имен тех, кто терзал «Полынные сказки». Не потому, что боится. Наоборот: не хочет быть мстительным. Ну что ж, не будем мстительными, подождем, пока сами ужаснутся и уйдут из издательств те, кто лучше нас, писателей, и лучше вас, родителей, знает, что вредно, а что полезно читать нашим детям.

А прямо посреди деревни, на дороге и вправду стоял в луже один человек. Это был Ванечка Калачев. Он месил глину резиновыми сапогами, воду запруживал. Ему не хотелось, чтобы вся вода из лужи вытекла.

— Да он же совсем маленький,— Марья Семеновна говорит.— Он же еще глину месит.

— Ну и пускай месит,— Алексей Степанович отвечает.— А вы каких же учеников в нулевой класс желаете? Трактористов, что ли? Они ведь тоже глину месят.

Тут Марья Семеновна подходит к Ванечке и говорит:

— Приходи, Ваня, в школу, в нулевой класс.

— Сегодня некогда,— Ванечка говорит.— Запруду надо делать.

— Завтра приходи, утром пораньше.

— Вот не знаю,— Ваня говорит.— Как бы утром запруду не прорвало.

— Да не прорвет,— Алексей Степанович говорит и своим сапогом запруду подправляет.— А ты поучись немного в нулевом классе, а уж на другой год я тебя в первый класс приму. Марья Семеновна буквы тебе покажет.

— Какие буквы? Прописные или печатные?

— Печатные.

— Ну, это хорошо. Я люблю печатные, потому что они понятные.

На другой день Марья Семеновна пришла в школу пораньше, разложила на столе печатные буквы, карандаши, бумагу. Ждала, ждала, а Ванечки нет. Тут она почувствовала, что запруду все-таки прорвало, и пошла на дорогу. Ванечка стоял в луже и сапогом запруду делал.

— Телега проехала,— объяснил он.— Приходится починять.

— Ладно,— сказала Марья Семеновна,— давай вместе запруду делать, а заодно и буквы учить.

И тут она своим сапогом нарисовала на глине букву «А» и говорит:

— Это, Ваня, буква «А». Рисуй теперь такую же.

Ване понравилось сапогом рисовать. Он вывел носочком букву «А» и прочитал:

— А.

Марья Семеновна засмеялась и говорит:

— Повторение — мать учения. Рисуй вторую букву «А».

И Ваня стал рисовать букву за буквой и до того зарисовался, что запруду снова прорвало.

— Я букву «А» рисовать больше не буду,— сказал Ваня,— потому что плотину прорывает.

— Давай тогда другую букву,— Марья Семеновна говорит.— Вот буква «Б».

И она стала рисовать букву «Б».

А тут председатель колхоза на «газике» выехал. Он погудел «газиком», Марья Семеновна с Ваней расступились, и председатель не только запруду прорвал своими колесами, но и все буквы стер с глины. Не знал он, конечно, что здесь происходит занятие нулевого класса.

Вода хлынула из лужи, потекла по дороге, все вниз и вниз в другую лужу, а потом в овраг, из оврага в ручей, из ручья в речку, а уж из речки в далекое море.

— Эту неудачу трудно ликвидировать,— сказала Марья Семеновна,— но можно. У нас остался последний шанс — буква «В». Смотри, как она рисуется.

И Марья Семеновна стала собирать разбросанную глину, укладывать ее в барьерчики. И не только сапогами, но даже и руками сложила все-таки на дороге букву «В». Красивая получилась буква, вроде крепости. Но, к сожалению, через сложенную ею букву хлестала и хлестала вода. Сильные дожди прошли у нас в сентябре.

— Я, Марья Семеновна, вот что теперь скажу,— заметил Ваня.— К вашей букве «В» надо бы добавить что-нибудь покрепче. И повыше. Предлагаю букву «Г», которую давно знаю.

Марья Семеновна обрадовалась, что Ваня такой образованный, и они вместе слепили не очень даже кривую букву «Г». Вы не поверите, но эти две буквы «В» и «Г» воду из лужи вполне задержали.

На другое утро мы снова увидели на дороге Ванечку и Марью Семеновну.

— Жэ! Зэ! — кричали они и месили сапогами глину.— Ка! Эль! И краткое!

Новая и невиданная книга лежала у них под ногами, и все наши жители осторожно обходили ее, стороной объезжали на телеге, чтоб не помешать занятиям нулевого класса. Даже председатель проехал на своем «газике» так аккуратно, что не задел ни одной буквы.

Теплые дни скоро кончились. Задул северный ветер, лужи на дорогах замерзли.

Однажды под вечер я заметил Ванечку и Марью Семеновну. Они сидели на бревнышке на берегу реки и громко считали:

— Пять, шесть, семь, восемь...

Кажется, они считали улетающих на юг журавлей.

А журавли и вправду улетали, и темнело небо, накрывающее нулевой класс, в котором все мы, друзья, наверно, еще учимся.

Рисовал
Валерий ДМИТРЮК

Совсем маленькие мальчик и девочка рассматривают книгу Брема «Жизнь животных». Заспорили:

— Может!

— Не может.

— Может!

— Не может. Пойдем бабушку спросим.— Прибегают на кухню.

— Бабушка, у тебя могут быть дети?

— Ну что вы, милые, конечно, нет.

— Я тебе говорил, что она самец.

* * *

Ученик приходит в класс с распухшей губой. Товарищи спрашивают, что с ним.

— Да в воскресенье катались по озеру с отцом на лодке, а мне на губу оса села.

— Ты бы ее согнал!

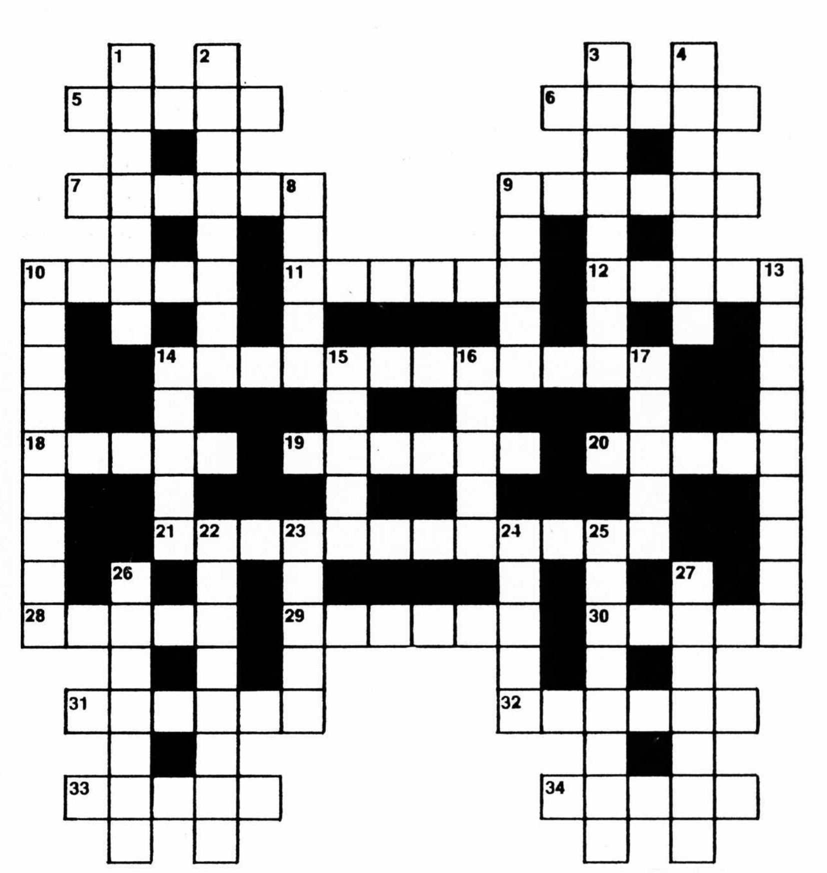
— Не успел. Отец ее веслом убил.

* * *

Маленький червячок, плача, спрашивает мать:

— Мама, мама, а где наш папа?

— Замолчи. Папа ушел с мужиками на рыбалку.



ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Околополюсное северное созвездие. 6. Авиаконструктор, дважды Герой Социалистического Труда. 7. Деталь на верху мачты или флагштока для подъема фонаря, флагов. 9. Чешский композитор, скрипач, дирижер XVIII века. 10. Футляр для ручек, карандашей. 11. Шведский естествоиспытатель, создатель системы растительного и животного мира. 12. Приток реки Москвы. 14. Неподвижная часть горизонтального оперения самолета. 18. Оптический квантовый генератор. 19. Водоскат на реке Вуокса в Финляндии. 20. Величина, измеряемая в кубических единицах. 21. Неизменяемая форма глагола. 28. Инструментальное музыкальное произведение. 29. Маскарадный костюм. 30. Роман И. С. Тургенева. 31. Кратковременное повышение сверх номинальной мощности двигателя внутреннего сгорания. 32. Вид графики. 33. Озеро в Северо-Сибирской низменности. 34. Ночная птица отряда сов.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Итальянский композитор, автор оперы «Пуритане». 2. Летательный аппарат. 3. Герой сказки для детей А. Н. Толстого. 4. Ожерелье. 8. Город в Таджикистане. 9. Промысловая рыба семейства тресковых. 10. Видимое изменение положения небесного светила. 13. Драгоценный камень. 14. Щит для экспонатов выставки. 15. Порт в Турции. 16. Восточный духовой музыкальный инструмент. 17. Французский писатель XVI века. 22. Народная артистка СССР, выступавшая во МХАТе. 23. Грамматическая категория имени. 24. Стихотворение В. В. Маяковского. 25. Государство в Западной Азии. 26. Искусство управления летательным аппаратом. 27. АССР в Грузии.

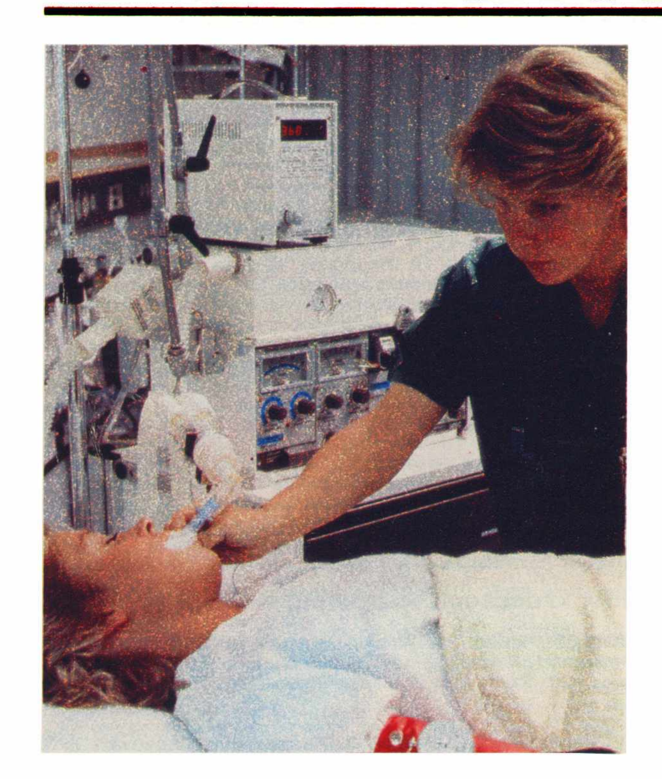
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Пемза. 6. Акташ. 9. Каменщик. 10. Черкасов. 13. Ареометр. 14. Феникс. 16. Атбара. 18. Энциклопедия. 19. Популярность. 22. Стильб. 24. Ожегов. 26. Агитатор. 27. Трамплин. 28. Шиповник. 29. Шкала. 30. «Орфей».

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Середина. 2. Канифас. 3. Кафедра. 4. Параграф. 7. Тариф. 8. Мойва. 11. Белокрыльник. 12. Безопасность. 15. Канифоль. 17. Трикотаж. 20. Динамика. 21. Огнивцев. 22. Старт. 23. Барисан. 24. Ортикон. 25. Велиж.

SIEMENS

Intensive Servo



ЗАБОТЛИВОЕ ПОДДЕРЖАНИЕ ЖИЗНИ

Порой в борьбе за нежный цветок человеческой жизни приходится сражаться с превосходящими нас силами.

Аппарат искусственной вентиляции легких «Серво» предоставит вам возможность выбрать оптимальные варианты лечения. Он откроет вам доступ к уникальным и наиболее безопасным методам лечения, хорошо зарекомендовавшим себя у взрослых и новорожденных. Среди них назовем лишь некоторые:

Вентиляция по давлению с меняющимся соотношением вдоха и выдоха.

Независимая вентиляция каждого легкого.

Комбинированная вентиляция с высокой частотой дыхания.

Вспомогательная вентиляция.

Познакомьтесь поближе с аппаратом ИВЛ «Серво». Он откроет перед вами необычайные возможности по спасению и поддержанию жизни.

Siemens-Elema AB, Life Support Systems Division S-171 95 Solna, Швеция.

СИСТЕМЫ ПО ПОДДЕРЖАНИЮ ЖИЗНИ

40 коп. Индекс 70663